

№ 4

2015

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ

16+

№ 4

16+

2015

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 15.12.2015
Размещен в сети Интернет: 21.12.2015

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

**Заместитель
главного редактора:**

ЧУМАЧЕНКО

Виктор Кириллович,
кандидат филологических
наук, профессор,
старший научный сотрудник
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕНКО

Галина Ивановна

доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Южного филиала Института Наследия

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

БОНДАРЬ

Николай Иванович

кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательским центром традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, директор центра «Культурное и природное наследие Северного Кавказа» Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор, кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

МИРОНОВ

Арсений Станиславович

кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ПЕТРОВ

Владимир Михайлович

доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

СООБЦОКОВА

Аминат Шабановна

заместитель министра культуры Республики Адыгея, заслуженный работник культуры Российской Федерации

ХАБУНОВА

Евдокия Эрендженовна

доктор филологических наук, профессор, директор Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, г. Элиста, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЧЕЛЫШЕВ

Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЧЕРНОУС

Виктор Владимирович

кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА

Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

ДЖИВЕНСКА

Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА

Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА

Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР

Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА

Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПРАБХАКАРА

Джатьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

ЧОЛАРИЯ

Борис Шаликоевич

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскир г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.4 HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

2015

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on December 15, 2015
Published online December 21, 2015

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**The Deputy Editor-
in-Chief**

Viktor K. **CHUMACHENKO**

Cand. Sci. (Theory of
Literature), Prof., Senior
Researcher, Southern Branch,
Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

EDITORIAL BOARD

Galina I.
BONDARENKO

Dr. Sci. (Economic Sociology and Demography), Assoc. Prof.,
Chief Researcher, Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage

Vitaliy V.
BONDAR'

Cand. Sci. (National History), Head, Department of Expert
and Advisory Activities and Problems of Cultural and
Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage

Ol'ga I.
BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc.
Prof., Head, Department of Scientific and Educational
Projects and Programs, Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.
GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Senior Researcher,
Department of Expert and Advisory Activities and Problems
of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.
EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department of Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Natal'ya A.
KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific
and Educational Projects and Programs, Southern Branch
of the Russian Research Institute for Cultural and Natural
Heritage

Vladimir E.
NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department of
Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch
of the Russian Research Institute for Cultural and Natural
Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of
Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Aleksandra O.
ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nikolay I.
BONDAR'

Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Head, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia

Shakhrudin A.
GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Grozny, Russia

Aleksandr A.
KUDRYAVTSEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Archeology and Universal History; Director, Center „Cultural and Natural Heritage of the North Caucasus“, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol', Russia

Oleg V.
MATVEEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Prerevolutionary National History, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia

Arseniy S.
MIRONOV

Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia

Nadezhda Kh.
ORLOVA

Dr. Sci. (Philosophy and History of Religion, Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Prof., Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Vladimir M.
PETROV

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia

Valeriy N.
RATUSHNYAK

Dr. Sci. (National History), Prof., Head, Department of Prerevolutionary National History, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia

Anatoliy I.
RAKHAEV

Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nal'chik, Russia

Aminat Sh.
SOOBTSOKOVA

Deputy Minister of Culture of the Republic of Adygea, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

Evdokiya E.
KHABUNOVA

Dr. Sci. (Folklore Studies), Prof., Director, Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Kalmyk State University, Honored Worker of Science of the Republic of Kalmykia, Elista, Russia

Evgeniy P.
CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia

Viktor V.
CHERNOUS

Cand. Sci. (Political Institutions and Processes), Prof., Head, Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena	ABDULLAYEVA	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
Cecylia Malgorzata	DZIEWIECKA	PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Poland
Arkadiy I.	DZHOPUA	Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia
Vladimir K.	ZANTARIA	Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia
Kapil	KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, India
Christian John	MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Botswana
	Dr. J. PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, India
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
Boris Sh.	CHOLARIYA	Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
НА ЮГЕ РОССИИ
(РЕДАКТОР В. Е. НАУМЕНКО)**

Колонка главного редактора	15
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ	17
<i>И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина</i> Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия	17
<i>В. Е. Науменко</i> Региональные программы сохранения историко-культурного наследия Юга России: учет особенностей	24
<i>Г. И. Бондаренко</i> Межконфессиональный диалог: религия как фактор социальной стабильности	34
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	39
<i>Р. И. Пшеничникова</i> Проблемы межкультурного взаимодействия в контексте глобализации	39
<i>А. А. Гуцалов</i> Цыгане: традиционная культура и современный мир	44
<i>Д. М. Тайсаев</i> Синдром привычной смерти	56

<i>О. Е. Давыдова</i> Концепция культурного многообразия Георгия Гачева	62
<i>О. Н. Баниже</i> Взаимодействие души и тела как основная проблема философской антропологии	71
CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ	75
<i>Г. П. Тугуз</i> Отражение темы мужества в адыгском эпосе «Нарты» (цикл Шабатыныко)	75
<i>С. Х. Анчек</i> Адыгский эпос «Нарты»: к характеристике семитомного свода текстов героического эпоса	78
<i>Т. Ч. Джабаева</i> Северный Кавказ в литературе и искусстве России второй половины XIX века	83
<i>Д. С. Схалыхо</i> О некоторых аспектах адыгского представления темы мужества и бесчестия в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец»	87
<i>Е. М. Марченко</i> Культура материнства и ее трансформация в условиях глобализации	93
<i>Л. Ц. Кагермазова, А. В. Абакумова</i> Этническая толерантность как основа взаимодействия культур	98
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР: ЯЗЫКИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	105
<i>А. И. Темирболатова</i> Малочисленные языки Северного Кавказа и перспективы их развития в период глобализации	105
<i>Н. Т. Гишев</i> Национально-специфические термины вежливости в адыгских языках	113
<i>М. М. Биданок</i> Жанровые возможности адыгейской басни при передаче социального окраса действительности	119
<i>А. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова</i> Поиски точек соприкосновения языков и культур при обучении русскому языку как иностранному	123
МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ	129
<i>В. С. Пукиш</i> Чехи Северного Кавказа в публицистике словацкого писателя Петра Йилемницкого	129

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	144
<i>В. Е. Науменко</i> «Связи с Кубанью не прекращаю ...»	144
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ	149
<i>Т. В. Коваленко</i> Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия»	149
Перечень статей и материалов, опубликованных в журнале “Наследие Веков” за 2015 год	154

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
**ETHNO-CULTURAL POLICIES IN THE SOUTH
OF RUSSIA**
(EDITOR - VLADIMIR E. NAUMENKO)

Editorial	15
ETHNO-CULTURAL POLICIES IN THE SOUTH OF RUSSIA	17
<i>Irina I. Gorlova, Olga I. Bychkova & Natal'ya A. Kostina</i> Development and Implementation of the Regional Investment Ethnocultural Projects on the Basis of the Historical and Cultural Heritage Objects	17
<i>Vladimir E. Naumenko</i> Regional Programs for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Southern Russia: Accounting the Features	24
<i>Galina I. Bondarenko</i> An Interfaith Dialogue: Religion as a Factor of the Social Stability	34
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	39
<i>Raisa I. Pshenichnikova</i> Intercultural Problems in the Context of Globalization.....	39
<i>Alexandr A. Gutsalov</i> Roma: the Traditional Culture and the Contemporary World	44
<i>Dzhabrail M. Taysaev</i> The Habitual Death Syndrome	56

<i>Olga Ye. Davydova</i>	
The Concept of Cultural Diversity by Georgy D. Gachev	62
<i>Oleg N. Banizhe</i>	
Interaction of Soul and Body as a Main Issue of Philosophical Anthropology	71
CAUCASICA. THE CULTURES OF THE SOUTH OF RUSSIA	75
<i>Goshsim T. Tuguz</i>	
The Reflection of the Theme of Courage in the Circassian Epos «The Narts» (The Cycle of Shabatynyko)	75
<i>Suret Kh. Achek</i>	
Adyghe Epic «The Narts»: to the Characterization of a Multi-Volume Set of the Heroic Epic Texts	78
<i>Takhmina Ch. Dzhabaeva</i>	
North Caucasus in the Russian Literature and Art of the Second Half of the 19th Century	83
<i>Dariko S. Skhalyakho</i>	
On Some Aspects of the Adyghe Representation of the Theme of Courage and Dishonor in Mikhail Lermontov's Poem «The Fugitive»	87
<i>Elizaveta M. Marchenko</i>	
Culture of Motherhood and Its Transformation in the Context of Globalization	93
<i>Laura Ts. Kagermazova & Irina V. Abakumova</i>	
Ethnic Tolerance as the Basis of the Interaction of Cultures	98
AT THE CROSSROADS OF CULTURES: THE LANGUAGES OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS	105
<i>Ayshat I. Temirbolatova</i>	
Minority Languages of the North Caucasus and the Prospects of their Development in the Globalization Period	105
<i>Nukh T. Gishev</i>	
National Specific Terms of Politeness in the Adyghe Languages	113
<i>Marziyat M. Bidanok</i>	
The Genre Opportunities of the Adygean Fable in Reproducing of the Social Aspects of Reality	119
<i>Olga V. Kondrashova, Irina V. Sheldeshova</i>	
Adyghe Epic «The Narts»: to the Characterization of a Multi-Volume Set of the Heroic Epic Texts	123
MEMOIRS, DIARIES, DOCUMENTS,	129
<i>Vladimir S. Pukish</i>	
North Caucasus Czechs in Political Essays by Slovak Writer Peter Jilemnický	129

BOOK REVIEWS: CRITIQUE AND SURVEYS	144
<i>Vladimir E. Naumenko</i> «I Do Not Interrupt the Communication with Kuban...»	144
SCIENTIFIC LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA	149
<i>Timofey V. Kovalenko</i> International Scientific Forum «The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for Interethnic Consent».....	149
List of Articles and Materials Published in the Journal «Heritage of Centuries» during 2015	154

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА EDITORIAL

Дорогие друзья!

Кавказ – сияющий алмаз в короне Российского государства! Наш прекрасный Юг – бриллиантовая россыпь процветающих республик, краёв и областей, оберегающих нерушимость его границ, обеспечивающих торжество и превосходство политических, экономических и культурных интересов страны в этом стратегически важном регионе мира! Территория высочайшей пассионарности и духовности, смешения, падения и взлетов множества разноязыких культур.

Волею исторических судеб, этот удивительный край, служивший вековой точкой пересечения глобальных интересов ведущих государств Европы и Азии, а потом еще и Северной Америки, в конце концов, влился в плавильный котёл российской державности, добавив в него кристальности горных рек, ароматов горных долин и степей, гордой красоты, мужества и мудрости проживающих здесь народов.

Кровавые битвы прошлого, тяжкое бремя цивилизационных разломов, избородивших прекрасную землю, угасающее эхо прошлого недоверия и взаимных обид не смогли ожесточить сердца ни южан, ни кавказцев. Поклоняясь своим святыням, почитая героев народных мифов и легенд, рожденных коллективным гением родственных народов, свято чтя традиции и обычаи, завещанные предками, мы все вместе смогли понять главное, чему так настойчиво учила нас история: только прочный мир, крепкая дружба, добрососедство и бескорыстная взаимопомощь могут стать залогом всеобщего процветания, уважения человеческого достоинства каждого, счастливого материнства, незамутненного детства, счастливой семейной жизни для молодых и почетной старости ветеранов. Еще никому не удалось опровергнуть эти простые и сильные своей несомненной правотой истины. А те, кто поднимался против них войной, пытаясь путем смуты, клятвоотступничества и измены общей устремленности к миру решать собственные эгоистические интересы, не избежал клейма подлого предателя, которому нет прощения.

Мы живем большой и дружной семьей на земле, где нет пустырей, заброшенных лугов и бесхозных рек. Каждый клочок земли здесь возделан чьими-то мозолистыми руками, облюбован и назван своим и родным. Размышляя об этом тесном человеческом общежитии, великий певец Кавказа балкарец Кайсын Кулиев в одном из своих поэтических шедевров изрёк:

*Не станет людям веселей
От показного молодчества,
Легко любить все человечество,
Соседа полюбить сумеи!*

Не случайно такие проникновенные слова прозвучали из уст одного из самых ярких представителей кавказской интеллигенции. Им вторят строки, созданные его поэтическими собратьями: дагестанцем Расулом Гамзатовым, кабардицем Алимом Кешоковым, чеченкой Раисой Ахматовой, ингушом Джемалдином Яндиевым, адыгом Исхаком Машбашем, калмыком Давидом Кугультиновым, осетином Исидором Козаевым, ногойкой Кадриёй Темирбулатовой, карачаевкой Халимат Байрамуковой, черкешенкой Марией Кардановой. Солидарны с ними кавказские художники, артисты, журналисты. Общее понимание того, как многое зависит сегодня от деятелей культуры и искусства, в какой бы области они ни реализовали свои таланты, на наших глазах творит единое и неповторимое культурное пространство Юга России и Северного Кавказа.

А потому, гордясь прошлыми достижениями, созидавая наше настоящее, мы уверенно смотрим в завтрашний день. Ведь каким он будет – зависит только от нас!

**С уважением,
Ирина Горлова**

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ

ГОРЛОВА Ирина Ивановна

доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Irina I. GORLOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Director, Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
ii.gorlova@gmail.com

БЫЧКОВА Ольга Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-
образовательных проектов и программ Южного филиала Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Краснодар, Россия

Olga I. BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Management of National Economy),
Assoc. Prof., Head, Department for the Scientific
and Educational Projects and Programs, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia
bychkovaoi@mail.ru

КОСТИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
отдела научно-образовательных проектов и программ
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Краснодар, Россия

Natalia A. KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of the Scientific
and Educational Projects and Programs, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
kostnat72@mail.ru

Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия

Development and Implementation of the Regional Investment Ethnocultural Projects on the Basis of the Historical and Cultural Heritage Objects

В статье отражен новый подход к объектам культурного и природного наследия как ресурсам туристской индустрии для реализации инвестиционных региональных этнокультурных проектов. Культурные традиции, уникальные объекты историко-культурного наследия являются источником создания оригинальных масштабных этнокультурных проектов.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, инвестиции, региональные этнокультурные проекты, культурные традиции.

The article describes a new approach to the objects of cultural and natural heritage as a resource for the tourism industry to implement the Regional Investment Ethnocultural Projects. Cultural traditions and unique objects of historical and cultural heritage are the sources for the creation of original and amplitudinous ethnocultural projects.

Keywords: historical and cultural heritage, investment, regional ethno-cultural projects, cultural traditions.

Огромное значение для поступательного развития Российской Федерации сегодня приобретает историко-культурное наследие, составляющее базу духовного и интеллектуального капитала страны и во многом определяющее ее место в современном мире. На основе использования объектов культурного наследия осуществляется развитие человеческого потенциала и происходит формирование ценностных установок личности. Значительна роль культурного наследия и в воспитании, просвещении, образовательной сфере.

Историко-культурное наследие позволяет осознать единство культурного пространства страны, увидеть особенности бытования культур народов Российской Федерации. Изучение истории и культуры страны составляет важный аспект патриотического воспитания детей и молодежи, определяя уважительное отношение к собственной национальной культуре и культурам других народов.

В эпоху глобализации социальных процессов бережное отношение к наследию позволяет сохранить уникальность национальных и региональных культур. Поэтому органы власти субъектов и муниципальных образований Российской Федерации при решении проблем в области межнациональных отношений обращают внимание на сферу туризма как на одну из отраслей, способных изменить не

только социально-экономическое положение региона, но и отношение к этносам, проживающим в нем, их культурам. Все это способствует формированию нового подхода к объектам культурного и природного наследия как ресурсам туристской индустрии, в которые возможно и необходимо инвестировать.

Туризм представляет собой источник финансовых поступлений и занятости, он может стать ресурсом, содействующим устойчивому развитию региона, поэтому туристические этнокультурные инвестиционные проекты на базе объектов культурного и природного наследия делают сохранение и возрождение памятников истории и культуры более эффективным и менее затратным для государства.

Стремление туристов посетить исторические и достопримечательные территории, их желание познакомиться с культурным наследием своего народа, творчеством, традициями, обычаями других этносов определяют необходимость привязки туристских маршрутов к объектам культурного и природного наследия.

В аспекте актуализации и сохранения культурного наследия важную роль играют музеи. Усиление их роли как центров образования и досуга позволит разработать новые технологии управления историко-культурным и природным наследием, будет способствовать

устойчивому развитию регионального туризма. Показ в музеях под открытым небом различных фрагментов историко-культурной среды, видов хозяйственной деятельности, являющихся подлинными свидетельствами разных эпох, может сыграть решающую роль при разработке и реализации этнокультурных инвестиционных туристских проектов.

Разнообразные культурные традиции, уникальные объекты историко-культурного наследия, тысячелетняя история народов России являются неисчерпаемым источником создания оригинальных масштабных этнопроектов.

Поэтому среди мероприятий, стимулирующих освоение и использование культурного наследия, важно предусматривать формирование благоприятного инвестиционного климата для соответствующих проектов в регионах с высокой кумуляцией объектов наследия.

Анализ статистических данных по Южному региону Российской Федерации за 2014 г. свидетельствует о том, что объем средств, инвестируемых в сферу туризма, довольно невелик (таблица 1). Исключение составляет Краснодарский край, в показатели которого включены инвестпроекты, связанные с Олимпиадой 2014 г. в Сочи [7].

Таблица 1

Объем платных услуг и инвестиции в туристическую отрасль по субъектам Российской Федерации (ЮФО и СКФО) в 2014 г.

	Объем платных туристских услуг, млн. руб.	Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млн. руб.	Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие КСР (гостиниц, прочих мест временного проживания) млн. руб.
Российская Федерация - всего	147540,8	175708,5	75991,6
в том числе:			
Южный федеральный округ - всего	9928,8	38815,0	53880,3
в том числе:			
Республика Адыгея	33,9	232,4	-
Республика Калмыкия	72,3	60,3	-
Краснодарский край	5290,5	34393,3	53664,9
Астраханская область	844,0	660,2	146,4
Волгоградская область	1705,9	1181,8	19,7
Ростовская область	1982,3	2287,1	31,4
Северо-Кавказский федеральный округ - всего	4611,9	3536,4	275,8
в том числе:			
Республика Дагестан	2269,4	882,2	
Республика Ингушетия	36,2	14,1	
Кабардино-Балкарская Республика	717,5	261,6	
Карачаево – Черкесская Республика	35,4	469,2	197,3
Республика Северная Осетия - Алания	189,7	161,5	
Чеченская Республика	59,1	411,3	
Ставропольский край	1304,4	1336,5	2,6

Инвестиционные региональные этнокультурные проекты на базе объектов историко-культурного наследия следует признать мощным инструментом реализации туристического потенциала Юга России. Самым распространенным и развивающимся видом таких проектов является строительство этнодеревень.

Этнодеревня представляет собой имитационный культурный ландшафт. Даже в тех случаях, когда она создается на базе реальной деревни, «этнодеревенский культурный ландшафт» выступает в качестве модели, образной стилизации традиционного ландшафта [3]. Моделирование в основном касается материальных компонентов: элементов природного происхождения, архитектуры, планировки поселения, предметов, связанных с традиционной хозяйственной деятельностью. Вместе с тем накоплен значительный опыт моделирования нематериальной составляющей: на базе этнодеревень проводятся фольклорные фестивали, праздничные и свадебные обрядовые действия.

Активное движение по созданию этнических деревень связано не только с требованиями сферы туризма, но и с глобальными процессами, с национальной политикой субъектов Российской Федерации, с процессами развития региональной и местной идентичности. Основная цель проектов по созданию этнодеревень: сохранение ценных, уникальных и типичных архитектурных сооружений, традиционных для данной местности, демонстрация этнических традиций и основных хозяйственных особенностей этноса. Этнодеревни способствуют сохранению объектов этнографического наследия, выполняя не только рекреационно-туристическую функцию, но одновременно и образовательную, просветительскую, воспитательную.

В современных условиях региональный подход к организации этнодеревень получает новое наполнение. Их создание региональные власти рассматривают как элемент национальной политики в полиэтническом регионе. Здания в таких этнокомплексах представляют собой стилизации разных этноархитектурных стилей, при этом архитектурная аутентичность не имеет особого значения. На базе таких этнодеревень создаются этнографические

выставки, фольклорные коллективы, этнические клубы.

Этнокультурная специфика современных этнодеревень может быть раскрыта не только в экспонатах музеев под открытым небом, но и как живая культурная традиция – от фольклора до национальной кухни.

В качестве примера таких инвестиционных проектов в сфере этнотуризма можно отметить этнотуристический комплекс «Атамань» общей площадью более 60 га, открытый в сентябре 2009 г. в Темрюкском районе Краснодарского края

Комплекс состоит из нескольких улиц казачьей станицы, на которых каждое подворье представляет отдельный промысел или должность: гончара, сапожника, цирюльника, хаты простых казаков, атамана, старосты и т. д. Экспонаты, собранные по станицам края, показывают быт и уклад жизни казачьих семей в XVIII–XX вв.

Необходимо отметить, что постройки в «Атамани» являются имитацией исторических. Они выполнены с использованием современных технологий и материалов, а колодцы и подвалы обозначены лишь надземной частью, так как весь комплекс построен в местности, являющейся археологическим памятником федерального значения.

В «Атамани» проводятся фестивали живой фольклорной музыки, обучение ремеслам и народным танцам, самые разные виды тематических выставок.

Первый фестиваль «Легенды Тамани», проведенный в год открытия этнотуристического комплекса, был посвящен высадке казаков на Таманский полуостров 25 октября 1792 г. Впоследствии мероприятие проходило под этим названием ежегодно, а в 2012 г. четвертый фестиваль «Легенды Тамани» был объединен с фестивалем «Мир Кавказу», организуемым с 1996 г. по инициативе известного дирижера Валерия Гергиева. На фестивале выступили пятнадцать лучших творческих коллективов Юга России и республик Северного Кавказа. К мероприятию присоединилась телевизионная программа «Играй, гармонь!» и ансамбль Анастасии Заволокиной.

Фестиваль «Легенды Тамани» 2015 г. был проведен 5–6 сентября

2015 г. Празднование 223 годовщины высадки запорожских казаков на полуостров началось с традиционных скачек на приз атамана Кубанского казачьего войска. Параллельно состязаниям наездников проходили и соревнования по традиционным видам казачьих единоборств среди отделов войска.

В рамках большого фестиваля в Атамани прошел X Открытый международный фольклорный фестиваль «Голоса традиций. Темрюк-2015». В нем приняли участие представители Республики Казахстан, Удмуртской республики, Алтайского и Ставропольского краев, Челябинской, Сахалинской, Ульяновской, Ростовской области и Краснодарского края [8].

На центральной площади «Майдан» прошла краевая выставка-ярмарка народных мастеров «Живое ремесло». Свои работы представили почти 100 мастеров народных художественных промыслов и ремесел Краснодарского края.

Примером успешно реализованного в Сочи во время Олимпиады 2014 г. инвестиционного этнопроекта стал проект «Дом адыга». За время проведения Игр его посетили более 60 тыс. человек.

В этническом центре под названием «Черкесский аул» в Крымском районе Краснодарского края, в 25 км от Анапы в старинном черкесском замке с белокаменными стенами проводились национальные обряды, предлагались блюда кавказской кухни, показывали выступление с метанием кинжалов под национальные черкесские мелодии [5].

В горной части Сочи Краснодарского края в 2012 г. на базе обычной деревни создали этнографический комплекс, где можно познакомиться с бытом и традициями казаков, живущих на Кавказе. Казачьи поселения, жители которых отвечали за оборону горного перевала, появились здесь сто двадцать лет назад. Традиционные дома с соломенными крышами стали экспонатами, а их хозяева – экскурсоводами. Ткацкие станки, старинная одежда, каменные жернова, которые хранились в домах, стали частью этнокомплекса.

В деревне работают гончары, выполняя заказы туристов. Их предки – первые казачьи переселенцы в Сочи – пользовались теми же инструментами [1].

В Левокумском районе Ставропольского

края в октябре 2013 г. первым объектом туристического этнокластера «Левокумье» стала этнодеревня в поселке Новокумском с населением 2200 человек, в котором в настоящее время проживают 300 казаков-некрасовцев [2].

В комплексе этнодеревни представлено два подворья: одно – христиан-молокан, другое – казаков-некрасовцев. В домах восстановлен их традиционный быт, во дворах можно познакомиться с кухней обеих общин.

Международный инвестиционный форум «Сочи» ежегодно представляет этнокультурные проекты, направленные на развитие туристической отрасли в регионах Юга России. Среди наиболее интересных и перспективных проектов 2015 г. отметим следующие.

В Ейском районе Краснодарского края вблизи поселка Ясенская переправа планируются постройка казачьей этнической деревни, дома которой будут имитировать казачьи избы XVIII–XX вв. [4].

В станице Ленинградская Краснодарского края предполагается организовать культурно-этнографический центр, создать музей Уманского районного казачьего общества и построить этническую казачью станицу, где будет размещена выставка предметов старинного казачьего быта. Также в планах возвести конно-спортивную базу с конюшней на 20 лошадей, парк конных экипажей и ресторан «Казачья кухня» [4].

В станице Анапская Краснодарского края планируют возведение этнической деревни «За околицей» в русском стиле. История заселения Анапы представляет собой многонациональное смешение культур, традиций и обрядов разных народов. Строительство культурно-этнографической деревни предполагает знакомство гостей города-курорта Анапа с русской культурой, традициями и обрядами. Проект включает «базарную площадь», часовню, колодец, гостиничный комплекс «Усадьба», место для игр и состязаний, музей казачьего общества [9].

В горной части Республики Адыгея предполагается создание этнического киногородка в виде архитектурно-ландшафтного парка. Киногородок будет построен на территории около 30 га на Цербелевых полянах южнее Азишского хребта, в 2 км от поселка Хамышки.

В проекте постройки:

- действующая модель черкесской крепостянской усадьбы XIX в.;
- студия-мастерская национального авторского кинематографа;
- студия творческой фотографии;
- сад-ресторан национальной черкесской кухни;
- дольменный городок;
- керамическая мастерская по древним технологиям с обжигом в меотской печи;
- коттеджи для сотрудников, студентов кино- и фотошколы [10].

В Кабардино-Балкарской Республике в пригородной зоне Нальчика в районе селения Урвань предлагается создать Международный культурный центр народов Северного Кавказа «Рекреационный комплекс «Дендро-парк «Земля Нартов»».

На территории ландшафтного парка площадью около 200 га предполагается раз-

мещение сооружений культурного, научного и развлекательного назначения:

- этнографический поселок;
- деревню мастеров;
- детский игровой и развлекательный комплекс,
- кафе и рестораны с национальной кавказской кухней [6].

Анализ проектируемых и реализованных в южнороссийском макрорегионе инвестиционных этнокультурных проектов показывает, что систему создания этнических комплексов необходимо рассматривать не только как инфраструктуру этнокультурного туризма, но и в качестве важного ресурса сохранения, изучения, использования и популяризации объектов историко-культурного наследия, культурных традиций, способствующий формированию позитивных основ межэтнических отношений в полиэтнических регионах.

Использованная литература:

1. В Краснодарском крае появилась казачья этнодеревня [Электронный ресурс] // Newsland. Информационно-дискуссионный портал. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/983315/> (дата обращения 27.09.15).
2. Казаки приглашают в гости [Электронный ресурс] // Культура РФ. Портал культурного наследия России. URL: <http://www.culture.ru/materials/12832> (дата обращения 27.09.15).
3. Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ. 2000.
4. На Кубани хотят построить казачью этнодеревню за 30 млн. рублей [Электронный ресурс] // Национальный акцент. Гильдия межэтнической журналистики. URL: <http://nazaccent.ru/content/16590-na-kubani-hotyat-postroit-kazachyu.html> (дата обращения 27.09.15).
5. Пять лучших направлений для этнотуризма [Электронный ресурс] // Infox.ru. URL: http://www.infox.ru/tourism/russia/2013/10/28/5_luchshih_napravlye_print.phtml (дата обращения 27.09.15).
6. Рекреационный комплекс «Дендро-парк «Земля Нартов»» [Электронный ресурс] // Инвестиции в туризм. URL: <http://rusturinvest.ru/object/etnicheskaya-derevnya-v-russkom-stile-za-okolicey-177.html> (дата обращения 27.09.15).
7. Статистические данные по субъектам РФ за 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по туризму. URL: http://www.russiatourism.ru/data/File/news_file (дата обращения 27.09.15).
8. Фестивали [Электронный ресурс] // Атамань. URL: <http://www.atamani.ru/fests> (дата обращения 27.09.15).
9. Этническая деревня в русском стиле «За оклицей» [Электронный ресурс] // Инвестиции в туризм.

References:

1. V Krasnodarskom krae poyavilas' kazach'ya etnoderevnya (A Cossack Ethnovillage Appeared in the Krasnodar Region), in *Newsland. Informatsionno-diskussionnyy portal*. <http://newsland.com/news/detail/id/983315/>. Accessed September 27, 2015.
2. Kazaki priglashayut v gosti (The Cossacks Invite to Visit), in *Kul'tura RF. Portal kul'turnogo naslediya Rossii*. <http://www.culture.ru/materials/12832/>. Accessed September 27, 2015.
3. Kalutskov V. N. *Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedeniya: Uchebnoe posobie* (Fundamentals of Ethno-Cultural Landscape Science: Training Manual). M.: Izd-vo MGU. 2000.
4. Na Kubani khotyat postroit' kazach'yu etnoderevnyu za 30 mln (A Cossack Ethnovillage Is Wanted to Build for 30 Million in the Kuban Region), in *Natsional'nyy aktsent. Gil'diya mezhetnicheskoy zhurnalistiki*. <http://nazaccent.ru/content/16590-na-kubani-hotyat-postroit-kazachyu.html>. Accessed September 27, 2015.
5. Pyat' luchshikh napravleniy dlya etnoturizma (Five of the Best Destinations for Ethnotourism), in *Infox.ru*. http://www.infox.ru/tourism/russia/2013/10/28/5_luchshih_napravlye_print.phtml. Accessed September 27, 2015.
6. Rekreatsionnyy kompleks «Dendro-park «Zemlya Nartov»» (Recreational Complex «The Land of Narts»), in *Investitsii v turizm*. <http://rusturinvest.ru/object/etnicheskaya-derevnya-v-russkom-stile-za-okolicey-177.html>. Accessed September 27, 2015.
7. Statisticheskie dannye po sub'ektam RF za 2014 god (Statistical Data on the Subjects of the Russian Federation for 2014), in *Federal'noe agentstvo po turizmu*. http://www.russiatourism.ru/data/File/news_file. Accessed September 27, 2015.
8. Festivali (Festivals), in *Ataman'*. <http://www.atamani.ru/fests>.

URL: <http://rusturinvest.ru/object/etnicheskaya-derevnya-v-russkom-stile-za-okolicey-177.html> (дата обращения 27.09.15).

10. Этнический киногородок «Черкесский сад» [Электронный ресурс] // Инвестиции в туризм. URL: <http://rusturinvest.ru/object/etnicheskaya-derevnya-v-russkom-stile-za-okolicey-177.html> (дата обращения 27.09.15).

ru/fests. Accessed September 27, 2015.

9. Etnicheskaya derevnya v russkom stile «Za okolitsey» (Ethnic Village in the Russian Style “Outside the Village”), in *Investitsii v turizm*. <http://rusturinvest.ru/object/etnicheskaya-derevnya-v-russkom-stile-za-okolicey-177.html>. Accessed September 27, 2015.

10. Etnicheskiy kinogorodok «Cherkesskiy sad» (The Ethnic Film City “Circassian Garden”), in *Investitsii v turizm*. <http://rusturinvest.ru/object/etnicheskaya-derevnya-v-russkom-stile-za-okolicey-177.html>. Accessed September 27, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горлова, И. И. Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия [Электронный ресурс] / И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 17-23. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gorlova_Bychkova_Kostina.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gorlova, I. I., Bychkova, O. I. and Kostina, N. A., *Razrabotka i realizatsiya investitsionnykh regional'nykh etnokul'turnykh projektov na baze ob'ektov istoriko-kul'turnogo naslediya* (Development and Implementation of the Regional Investment Ethnocultural Projects on the Basis of the Historical and Cultural Heritage Objects), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 17-23. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gorlova_Bychkova_Kostina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАУМЕНКО Владимир Емельянович
кандидат исторических наук, профессор,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Vladimir E. NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department for Complex Problems
of Cultural Research, Southern Branch
of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia
naumenko@rambler.ru

Региональные программы сохранения историко- культурного наследия Юга России: учет особенностей

Regional Programs for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Southern Russia: Accounting the Features

Анализ региональных программ субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России свидетельствует об особой специализации ряда регионов в вопросах сохранения историко-культурного наследия, что влияет на формирование нормативной базы и стимулирует активность граждан в решении этих вопросов. В статье в порядке постановки проблемы предлагается ряд подходов, которые желательно учитывать при формировании подобных целевых программ.

Ключевые слова: Юг России, региональные программы, сохранение историко-культурного наследия, учет особенностей, субъект.

Analysis of the regional programs of the subjects Russian Federation, located in the South of Russia, testifies to the particular specialization of some regions in the preservation of the historical and cultural heritage. It affects the formation of the regulatory framework and stimulates the activity of citizens in the solving of these problems. As a problem statement the author suggests a number of approaches that are desirable to take into account in the formation of such targeted programs.

Keywords: South of Russia, the regional programs, the preservation of historical and cultural heritage, taking into account the features, the subject.

Историко-культурное наследие в современных условиях стало не только средством передачи потомкам материального и духовного богатства наших предков, что само по себе играет важную роль в формировании условий и средств человеческого общения и сохранения исторической памяти. Оно стало важнейшим условием единства национально-культурного пространства как регионов, так и страны в целом.

В связи с этим в настоящее время огромную актуальность приобретает анализ

проблем сохранения историко-культурного наследия в контексте законотворческой деятельности государства на федеральном и региональном уровнях.

Решение вопросов охраны культурного наследия в субъектах Российской Федерации – важная составляющая этнокультурной политики, в рамках которой данные вопросы «должны быть конкретизированы и увязаны с территориальными проблемами» [2].

Юг России включает субъекты, различающиеся по уровню экономического и со-

циально-культурного развития, что связано с различными природно-географическими особенностями, историей, спецификой условий ведения хозяйственной деятельности. Вместе с тем в результате многовекового пребывания в рамках российской государственности здесь накоплен значительный опыт эффективного и результативного взаимодействия региональных сообществ, что «обеспечивает немалое число их общих характеристик» [2].

Применительно к сохранению историко-культурного наследия опыт региона находит выражение в региональной политике – «в особой специализации ряда регионов на сохранении и использовании природного и культурного наследия» [20, с. 6].

Такой подход находит отражение в принятии региональных программ по сохранению историко-культурного наследия. Программы в области культурной политики, по мнению Л. Е. Вострякова, формируют «нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования культурного поведения граждан в этом культурном пространстве» [5].

На наш взгляд, подобный подход соответствует положению пункту 5 Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, рекомендуя государствам-участникам «...проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования» [9].

Практически во всех субъектах Юга России приняты программы сохранения историко-культурного наследия разного уровня. Часть субъектов (Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Астраханская область) приняли государственные, областные целевые программы, некоторые (Республика Адыгея, Волгоградская область) реализуют ведомственные программы. Так, в Краснодарском крае ведомственная целевая программа «Сохранение культурного наследия Краснодарского края» на 2013–2015 гг., с января 2014 г. отменена как не вошедшая ни в одну

из государственных программ Краснодарского края. При этом в крае действует долгосрочная краевая целевая программа «Сохранение и воссоздание объектов культурного наследия культового назначения и поддержка социально ориентированных религиозных организаций в Краснодарском крае» на 2012–2016 гг.

В основу практически всех республиканских, областных, краевых программ заложена идея, согласно которой культурная деятельность является одним из базовых факторов социально-экономического развития регионов. В то же время это отнюдь не означает, что для всех регионов предлагается один универсальный рецепт в решении проблем сохранения историко-культурного наследия. Несмотря на многие общие черты, каждый регион уникален и имеет свои специфические черты, проявляющиеся не только в системе количественных показателей, но и в степени развитости нормативно-правовой базы, уровень подготовки кадров, развитость инфраструктуры и многое другое. Поэтому сравнивая региональные программы сохранения историко-культурного наследия, следует говорить об условиях реализации памятникоохранительной деятельности на местах, то есть о тех факторах, которые непосредственно влияют на ее осуществление.

Реализация программ по сохранению культурно-исторического наследия в той или иной степени разрабатываются в культурной политике на федеральном и региональном уровнях. В России федеральное законодательство утверждает равное достоинство всех культур и их право на самовыражение, федеральные власти демонстрируют стремление поддерживать разнообразие и культурный плюрализм. Развитие национальных культур и культур этнических групп рассматривается как один из приоритетов Министерства культуры Российской Федерации, и целевые программы предусматривают в этом плане целую серию акций по их поддержке.

В настоящее время на Юге России действуют следующие целевые программы сохранения историко-культурного наследия (см. Таблицу 1).

**Региональные программы сохранения культурного наследия
в субъектах Юга России**

<i>№ п/п</i>	<i>Субъект федерации</i>	<i>Программа</i>
1	2	3
<i>Южный федеральный округ</i>		
1.	Республика Адыгея	Ведомственная целевая программа «Сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Республики Адыгея» на 2014–2016 гг.»
2.	Республика Калмыкия	Государственная программа «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия на 2013–2017 гг.» Подпрограмма 3: «Обеспечение сохранности историко-культурного наследия»
3.	Краснодарский край	Ведомственная целевая программа «Сохранение культурного наследия Краснодарского края на 2013–2015 гг.» (с января 2014 г. отменена, как не вошедшая ни в одну из Государственных программ Краснодарского края)
		Долгосрочная краевая целевая программа «Краснодару – столичный облик» Долгосрочная краевая целевая программа «Сохранение и воссоздание объектов культурного наследия культового назначения и поддержка социально ориентированных религиозных организаций в Краснодарском крае на 2012–2016 гг.»
4.	Астраханская область	Областная целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Астраханской области на 2014–2018 гг.»
5.	Волгоградская область	Ведомственная целевая программа «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Волгоградской области» на 2012–2014 гг.»
6.	Ростовская область	Областная целевая программа «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 гг.» Подпрограмма: «Сохранение культурного наследия»
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>		
7.	Республика Дагестан	Региональная целевая программа «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Республики Дагестан, на 2011–2016 гг.»

8.	Республика Ингушетия	Государственная программа «Культура Ингушетии» Подпрограмма 5: «Сохранение и развитие особо ценных объектов историко-культурного (археологического) наследия Республики Ингушетия на 2014–2016 гг.»
9.	Кабардино-Балкарская Республика:	Государственная программа «Культура Кабардино-Балкарии» на 2013–2017 гг.» Подпрограмма: «Сохранение культурного наследия»)
10.	Карачаево-Черкесская Республика	Региональная целевая программа «Сохранность и реконструкция военно-мемориальных комплексов в 2012–2015 гг.»
11.	Республика Северная Осетия-Алания	Государственная программа «Развитие культуры Республики Северная Осетия-Алания на 2014–2018 гг.» Подпрограмма 3: «Сохранение объектов культурного наследия и ремонт военно-мемориальных объектов Республики Северная Осетия-Алания на 2014–2018 гг.»
12.	Чеченская Республика	Государственная программа «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике» на 2014–2018 гг.» Раздел: «Мероприятия по мониторингу современного состояния, сохранению и популяризации памятников историко-культурного наследия»
13.	Ставропольский край	Государственная программа «Сохранение и развитие культуры»

Главными целями всех названных программ является сохранение культурно-исторического наследия территорий и обеспечение доступа граждан к культурным ценностям. Анализируя главные цели, задачи, важнейшие целевые показатели Программ, основные составляющие, определяющие содержание и ведущие направления сохранения культурно-исторического наследия регионов Юга России и факторы, влияющие на формирование этой деятельности, отметим, что данное направление культурной политики активно вошло в правовое поле регионального нормотворчества.

Между тем на этом пути имеется ряд сложностей, лежащих, прежде всего, в плоскости определения приоритетов, поиска оптимальной модели охраны историко-культурного наследия. Во многом данный процесс сдерживается отсутствием Стратегии

государственной культурной политики, что затрудняет поиск оптимальной модели сохранения историко-культурного наследия. В проекте Стратегии Государственной культурной политики, который сейчас активно обсуждается в научном сообществе, дана такая оценка состоянию дел в этом вопросе: «Наследие «не работает» на преемственность эстетических, этических и нравственных ценностей; оно остаётся незамеченным для большинства людей, даже проживающих в непосредственной близости от памятников. Транслируемые памятниками ценности и смыслы не наследуются, не осваиваются и не включаются в ценностную картину мира граждан России. Памятник вступает в контакт почти исключительно с хранителями и экспертами, либо с иностранными туристами, он не включён в живой образовательный, профессиональный, творческий, досуговый, внутренний туристический

ческий оборот, не задействован в локальных культурных проектах» [16].

В реализацию вопросов популяризации памятников истории и культуры активно включились регионы Юга России, которые уникальны по своей этнокультурной специфике и культурно-историческому наследию, что синонимично отсутствию единой схемы решения этих проблем.

Исследованием региональных программ и моделей культурной политики в регионах занимался ряд специалистов, были защищены диссертации по данной проблематике, ими были указаны особенности формирования политики в сфере сохранения историко-культурного наследия, были определены ее приоритеты (см: [1] [4] [6] [7] [8] [11] [15] [18] [19]).

Одной из сложных исследовательских задач при проведении сравнительного анализа региональных программ сохранения культурно-исторического наследия становится операционализация самого понятия «культурно-историческое наследие».

Под этим термином в официальных документах понимается совокупность предметов, явлений и произведений, имеющих культурную ценность. Культурное наследие включает в себя материальное культурное наследие (здания и сооружения, образцы инженерных, технических решений, градостроительные объекты, памятники промышленной архитектуры, исторические и культурные ландшафты, археологические памятники, монументы, скульптурные памятники, мемориальные сооружения и т. д., произведения изобразительного, прикладного и народного искусства, документы, книги, фотографии – все предметы материального мира, сохраняющие представление об особенностях жизни людей в прошедшие эпохи) и нематериальное культурное наследие (языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов и этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, созданная в стране система подготовки творческих кадров).

Если исходить из данного понимания культурного наследия, то совершенно очевидно, что органами государственной вла-

сти субъектов, формирующими региональные целевые программы по его сохранению, опускаются многие вопросы и, прежде всего, проблемы, связанные с нематериальным культурным наследием, поскольку основные затратные и организационные мероприятия, отраженные в программах, приходятся на объекты материального культурного наследия.

Вместе с тем недооценка внимания к самобытной этнической традиционной культуре, богатейшему фольклору, на наш взгляд, есть серьезное упущение разработчиков региональных программ. Исследователь А. С. Халилова отмечает, что в Дагестане наличие деструктивных элементов среди населения приводило к осложнению этнополитической ситуации в республике. В этих условиях для повышения уровня патриотизма у молодежи, разрядки межэтнической напряженности и формирования общедагестанской идентичности проводились мероприятия с использованием богатого опыта художественных традиций и нематериального культурного наследия народов Дагестана. Их интеграция в современную дагестанскую культурную политику дала заряд огромной воспитательной ценности и нравственный ориентир для молодежи [18].

Анализ региональных программ показывает, что органы государственной власти регионов и местного самоуправления устанавливают определенный порядок, который фиксирует суть работы по сохранению культурного наследия. Поэтому в основных программных документах превалирует в основном набор одних и тех же целей, задач, целевых показателей, объемы финансирования и ожидаемые результаты реализации программ, что создает некую их статичность.

Основой формирования программ сохранения культурного наследия является идеология. Ряд регионоведов считают, что в настоящее время региональные идеологии на Юге России занимает важное место в самоидентификации и в самоорганизации территориального сообщества, включая элиту, в ее взаимодействии с населением и федеральным центром. В условиях отсутствия государственной идеологии и общенациональной идеи сформировалась целая совокупность идеологических стереотипов местного значения. Попытка официальной власти блокировать

становление общероссийской идеологии на практике обернулась крайней идеологизацией социокультурного пространства регионов. В стремлении минимизировать идеологическую составляющую социальных изменений была достигнута совершенно противоположная цель – все сферы общественных отношений приобрели идеологическую доминанту, но только прикладного характера [14, с. 176, 177].

Идеологические ориентиры целевых программ сохранения культурного наследия в целом отвергают такие понятия как этноцентризм, ассимиляционная или изоляционная политика сохранения культурного наследия. Вместе с тем огромный потенциал исторической памяти, влияющий на формирование политики сохранения культурно-исторического наследия, продолжает играть важную роль. Исторический опыт непосредственно связан с идеологией, так как историческая память зачастую формирует ценностную систему координат [12, с. 50].

К сожалению, на современном этапе развития российской государственности исторические памятники прошлого, особенно недавнего прошлого, не всегда и не везде на Северном Кавказе (впрочем и в России), воспринимаются одинаково. Политизированность общества, резкое ухудшение социально-экономической обстановки отнюдь не способствует однозначно благоприятному восприятию возрождаемых памятников былой истории. К примеру, восстановление части символики дореволюционной России наталкивается на откровенное нежелание ее восприятия в качестве «обязательной» для всех. Причина этого коренится не только в существующем расколе общества по политическим мотивам – неприятие ее вызывается и тем, что в условиях многонационального региона одни и те же символы, идеалы, просто скульптурные объекты вызывают обратную реакцию. Особенно это актуально для тех регионов, где массированная пропаганда «национальных» версий исторического процесса осуществляется представителями наиболее пассионарно настроенной научной интеллигенции. И наоборот – идеалы и критерии «исторических памятников», предлагаемые ими, нередко не имеют шансов стать общесе-

верокавказскими, общероссийскими и даже национальными.

Ситуация возникает непростая, но возникает она уже сегодня, при этом ее «отправной точкой» являются все те же «исторические памятники». Если пояснять подобные ситуации на примерах, то следует вспомнить события 1990-х гг. На фоне противодействия «коммунистической идее», во многих регионах были свергнуты (в прямом смысле этого слова) памятники В. И. Ленину, деятелям советского государства, что по большому счету (хотя трудно считать сами действия правильными), понятно. Однако, в целом ряде аулов, где преобладающе или компактно проживают ногайцы, сносу подверглись не памятники Ленину, а А. В. Суворову. Тем самым была удовлетворена (на тот момент) «месть» действиям Суворова на Кубани, осуществлявшимся им в XVIII столетии. В других уголках региона (например – г. Грозный) аналогичным действиям подверглись памятники, памятные места, мемориальные доски, связанные с деятельностью А. П. Ермолова. Можно приводить и другие подобные примеры, вызывавшие у части населения Северного Кавказа неоднозначную реакцию, оценивавшиеся по большей мере как «варварство» и «кощунство». Хотя находились и те, кто приводил аргументы в пользу совершаемого.

В связи с этим интересна сама конфликтная ситуация, возникшая на основе отношения к историческим памятникам и длительное время вызревавшая в недрах «национально-культурного сознания». Решение подобных ситуаций – дело не простое. В то же время, ныне наглядно проявляется тенденция, в рамках которой предлагается в качестве чуть ли не общекавказских памятников истории совершенно иные ценности (памятники), к примеру, попытка апелляции к фигуре Шамиля, который, как утверждают многие, является общенациональным героем всего Северного Кавказа, следовательно, этот «статус» должен быть увековечен в соответствующих исторических памятниках.

Осознавая дискуссионность этого и подобных утверждений, невольно вспоминаешь размышления французского историка – Марко Ферро, изложенные в его книге: «Как рассказывают детям историю в разных школах

мира» [17]. В ней исследователь приводит многочисленные и по сути своей аналогичные примеры, отмеченные им в разных уголках земного шара. Они поучительны и определяют четкое осознание того, что у каждой нации, каждого народа есть свои национальные герои, есть стремление их увековечить в самых разных проявлениях: от обширных разделов в «Историях...» государства, до многочисленных мемориалов и памятников. Каждый народ вправе ими гордиться. Но как выясняется, только права на гордость – мало. Государство, историки и все те, кто так или иначе связан с изучением исторического прошлого, его пропагандой должны мягко, но последовательно вмешиваться в указанные процессы и целенаправленно руководить ими. Руководить не для обострения отношений, а для воспитания терпимости к факту того, что соседний народ – другой. Но, обитая бок о бок с соседями, он также имеет право на свои собственные исторические памятники и историческую память. В условиях Юга России это особенно актуально. Трудно себе представить, что в современных населенных пунктах, где ныне проживают потомки тех, кто в драматические годы XIX в. участвовал в «Кавказской войне» по обе ее стороны, вдруг начнут увековечивать только «своих» героев, возводить только «свои» памятники...

Тем не менее, как это ни покажется парадоксальным, сегодня следует стремиться к тому, чтобы на одних и тех же памятниках истории воспитывать, научать людей понимать то, что мы живем в другое время, наступившее, кстати сказать, именно после тех самых драматических событий. Поэтому, мы, далекие потомки, должны быть объективны и на памятниках истории учиться пониманию прошлого, его оценке, но в то же время и осознанию тех причин, которые свели наших предков воедино в рамки одного государства, одной его административной или ландшафтно-географической среды. При таком отношении к памятникам истории и нашего общего прошлого у всех нас есть перспектива найти достойное место в нашей совместной истории всем легендарным личностям. В противном же случае, не извлекая уроков из прошлого, относясь к памятникам истории односторонне, избирательно, однобоко, мы будем обре-

чены повторять снова и снова ошибки наших предков [13, с. 165–170]. Все эти соображения, безусловно, должны приниматься в расчет органами государственной власти регионов при проектировании и реализации целевых программ сохранения культурного наследия должны учитывать историческую память народов.

Важным фактором, играющим существенную роль при формировании и эффективной реализации целевых программ, является финансирование. Все региональные программы Юга России по сохранению культурного наследия финансируются, исходя из остаточного принципа, что делает осуществление запланированных мероприятий весьма проблематичным. Так, в Ростовской области недофинансирование сохранения объектов историко-культурного наследия стало одним из острых вопросов регионального культурного развития.

Данная проблема требует и соответствующих кадровых решений, поскольку сегодня на одного специалиста, задействованного в этой работе, приходится более 1000 объектов.

Выполнение ряда целевых программ (Ингушетия, Чечня) наталкивается на проблемы, связанные с труднодоступностью ряда горных территорий, где сосредоточены основные объекты материальной культуры вайнахских народов, в связи с включением их в зону пограничного контроля и ограничением доступа в эти районы [10].

Гармоничное сочетание охраны природы и историко-культурного потенциала, рекреационного использования территории и традиционной хозяйственной деятельности возможно при следующих условиях:

- минимальное количество землепользователей, хозяйственная деятельность которых несовместима со статусом уникальной территории;
- недопустимость коренного преобразования ландшафтов рассматриваемой территории;
- государственная поддержка деятельности существующих и создаваемых на данной территории предприятий всех форм собственности, в особенности если их деятельность направлена на сохранение, возрождение, туристское освоение памятников и их естественной

среды, воссоздание традиционного природопользования и бытового уклада [3, с. 19].

В рамках реализации целевых программ необходимо создание историко-этнографических музеев-заповедников, воссоздание в примыкавших к феодальным резиденциям оборонительно-жилых постройках этнографических деревень с комплексом туристско-экскурсионных услуг, предполагающих размещение в индивидуальных домах-гостиницах, восстановленных и функционирующих в духе традиционных «кунацких», проведение этнографических праздников, карнавалов, конных путешествий, посеще-

ние археологических и этнографических достопримечательных мест, восстановление и сохранение традиционной этнокультурной среды обитания народов региона, сохранение и возрождение традиционных народных промыслов: изготовление с целью реализации национальной одежды, войлочных и шерстяных изделий, продукции художественной деревообработки, художественной обработки металлов, камнеобработки, издание научной и научно-популярной литературы, привлечение (за счет этнографического, национального колорита) дополнительных значительных потоков туристов.

Использованная литература:

1. Абдулаева М. Ш. Современный потенциал и новые направления развития культуры Дагестана (2010-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 214–217.
2. Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность. Лекция 6. Приоритеты региональной культурной политики [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6 (дата обращения 03.11.15).
3. Атабиев Б. Х. Охрана объектов культурного наследия в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках (практика и перспективы) // Культура: управление, экономика, право. 2010. № 3. С. 15–19.
4. Базиева Г. Д. Культурная политика России на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии) // Вопросы культурологии. 2007. № 12. С. 42–44.
5. Востряков Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели. [Электронный ресурс] // Культура Архангельской области. URL: <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения 03.11.15).
6. Евдокимова Е. В. Природное и историко-культурное наследие в региональном развитии (на примере Смоленской области): дис.... канд. географ. наук. М., 2002.
7. Зайцева Г. А., Фризин Н. Н. Программно-целевой подход к сохранению культурного наследия Северо-Кавказского федерального округа [Электронный ресурс] // Экокультура. URL: <http://www.ecokultura.ru/wp-content/uploads/2014/02/статья-Г.А.Зайцевой-и-Н.Н.Фризина.pdf> (дата обращения 03.11.15).
8. Ильясова З. К. Традиционная культура в контексте приоритетов региональной культурной политики Республики Дагестан // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 515–518.
9. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (принята в г. Париже 16.11.1972 на 17-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения 03.11.15).

References:

1. Abdulaeva, M. Sh., *Sovremennyy potentsial i novye napravleniya razvitiya kul'tury Dagestana (2010-e gody)* (Contemporary Potential and New Directions of Development of Culture of Dagestan (2010-ies)), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 214-217.
2. Astaf'eva, O. N., *Kul'turnaya politika: teoreticheskoe ponyatie i upravlencheskaya deyatel'nost'. Lektsiya 6. Prioritety regional'noy kul'turnoy politiki* (Cultural Policy: a Theoretical Concept and Management Activities. Lecture 6. Priorities of Regional Cultural Policy), *Kul'turologicheskiy zhurnal*, 2011, no. 2. http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6. Accessed November 3, 2015.
3. Atabiev, B. Kh., *Okhrana ob'ektov kul'turnogo naslediya v Respublike Adygeya, Kabardino-Balkarskoy i Karachaevo-Cherkesskoy Respublikakh (praktika i perspektivy)* (Protection of Cultural Heritage in the Republic of Adygea, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkess Republic (Practice and Perspectives)), *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 2010, no. 3. pp. 15-19.
4. Bazieva, G. D., *Kul'turnaya politika Rossii na Severnom Kavkaze (na primere Kabardino-Balkarii)* (Cultural Policy of Russia in the North Caucasus: a Case Study of Kabardino-Balkaria), *Voprosy kul'turologii*, 2007, no. 12, pp. 42-44.
5. Vostryakov, L. E., *Kul'turnaya politika: osnovnye kontseptsii i modeli* (Cultural Policy: Basic Concepts and Models), in *Kul'tura Arkhangel'skoy oblasti*. <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cded37c6339eae422bbc7.pdf>. Accessed November 3, 2015.
6. Evdokimova, E. V., *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie v regional'nom razvitii (na primere Smolenskoy oblasti)* Natural, Historical and Cultural Heritage in the Regional Development: a Case Study of the Smolensk Region), *Cand. Sci. Dissertation (Geography)*, Moscow, 2002.
7. Zaytseva, G. A. and Frizin, N. N., *Programmno-tselevoy podkhod k sokhraneniyu kul'turnogo naslediya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga* (Target-Oriented Approach to the Preserving of Cultural Heritage of the North Caucasus Federal District), *Ekokultura*. <http://www.ecokultura.ru/wp-content/uploads/2014/02/stat'ya-G.A.Zaytsevov-i-N.N.Frizina.pdf>. Accessed November 3, 2015.

10. Мальсагов А. А. Практика работы Министерства культуры Республики Ингушетия по сохранению объектов культурного наследия в горной части Республики Ингушетия: проблемы и пути их решения // *Культура: управление, экономика, право*. 2013. № 3. С. 28–30.
11. Миронова Т. Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества. Автореф. дис... канд. культурологии. М., 2000.
12. Мусин Д. А., Василенко Ю. В. Региональные модели этнокультурной политики как предмет сравнительного анализа // *ARS-ADMINISTRANDI*. 2010. № 1. С. 44–59.
13. Науменко В. Е., Нарожный Е. И. Основы регионоведения: (Северный Кавказ). Краснодар: Просвещение-Юг, 1999.
14. Регионоведение / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д.: Феникс, 2002.
15. Свичкарь И. Г. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х гг. (по материалам Челябинской области): дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.
16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. Проект // Текущий Архив Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.
17. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
18. Халилова А. С. Традиционное наследие в формировании культурной политики Республики Дагестан в 1993–2010 гг. // *Вестник Южного научного центра*. 2013. Т. 9. № 2. С. 95–99.
19. Хлыщева Е. В. Проблема сохранения культурного наследия в поликультурном регионе // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. Т. 73. Вып. № 9. 2012. С. 64–67.
20. Шульгин П. М. Уникальные территории в региональной политике (вместо введения) // *Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов*. Сборник научных трудов. М.: Изд-во Рос. науч.-иссл. ин-та культ. и прир. наследия, 1994. С. 3–8.
8. Il'yasova, Z. K., Traditsionnaya kul'tura v kontekste prioriteto regional'noy kul'turnoy politiki Respubliki Dagestan (Traditional Culture in the Context of the Priorities of the Regional Cultural Policy of the Republic of Dagestan), *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 17, pp. 515-518.
9. Konventsiya ob okhrane Vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya YuNESKO (prinyata v gorode Parizhe 16.11.1972 na XVII sessii General'noy konferentsii YuNESKO) (Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (Adopted in Paris on November 16, 1972 at the 17th Session of the UNESCO General Conference)), in *UNESCO*. <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>. Accessed November 3, 2015.
10. Mal'sagov, A. A., Praktika raboty Ministerstva kul'tury Respubliki Ingushetiya po sokhraneniyu ob'ektov kul'turnogo naslediya v gornoy chasti Respubliki Ingushetiya: problemy i puti ikh resheniya (The Working Practice of the Ministry of Culture of the Republic of Ingushetia for the Preservation of Cultural Heritage in the Mountainous Part of the Republic of Ingushetia: Problems and Ways of Their Solution), *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 2013, no. 3, pp. 28-30.
11. Mironova, T. N., Sokhranenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya kak imperativ kul'turnoy politiki postindustrial'nogo obshchestva (Preservation of Natural and Cultural Heritage as an Imperative of the Cultural Policy of Post-Industrial Society), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Culturology)*, Moscow, 2000.
12. Musin, D. A. and Vasilenko, Yu. V., Regional'nye modeli etnokul'turnoy politiki kak predmet sravnitel'nogo analiza (Regional Model of Ethno-Cultural Policies as an Object of the Comparative Analysis), *ARS-ADMINISTRANDI*, 2010, no. 1, p. 44–59.
13. Naumenko, V. E., Narozhnyy, E. I., *Osnovy regionovedeniya: (Severnyy Kavkaz): uchebnoe posobie dlya gumanitarnykh vuzov* (Fundamentals of Regional Studies (North Caucasus): Training Manual for Humanitarian Universities), Krasnodar: Prosveshchenie-Yug, 1999.
14. *Regionovedenie* (Regional Studies), Volkov, Yu. G., Ed., Rostov-on-Don: Feniks, 2002.
15. Svichkar', I. G., *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov vlasti i obshchestvennykh organizatsiy po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya na Yuzhnogo Urale v seredine 1960-kh – nachale 2010-kh gg. (po materialam Chelyabinskoy oblasti)* (Activities of Public Authorities and Public Organizations to Preserve the Historical and Cultural Heritage of the Southern Urals in the Middle of the 1960s – the early 2010s.: a Case Study of the Chelyabinsk Region), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (History)*, Chelyabinsk, 2014.
16. Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 g. Proekt (The Strategy of the State Cultural Policy for the Period up to 2030), *Tekushchiy Arkhiv Yuzhnogo filiala Rossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D. S. Likhacheva*.
17. Ferro, M., *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* (How the Past Is Taught to Children), Moscow: Vysshaya shkola, 1992.
18. Khalilova, A. S., Traditsionnoe nasledie v formirovanii kul'turnoy politiki Respubliki Dagestan v 1993–2010 godakh (Traditional Heritage in the Formation of Cultural Policy of the Republic of Dagestan in 1993-2010),

Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 95–99.

19. Khlyshcheva, E. V., Problema sokhraneniya kul'turnogo naslediya v polikul'turnom regione (The Problem of Preservation of Cultural Heritage in a Multicultural Region), *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, vol. 73, no. 9, pp. 64–67.

20. Shul'gin, P. M., Unikal'nye territorii v regional'noy politike (vmesto vvedeniya) (Unique Territories in the Regional Policy (Instead of a Foreword)), in *Unikal'nye territorii v kul'turnom i prirodnom nasledii regionov: proceedings*, Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 1994, p. 3–8.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Науменко, В. Е. Региональные программы сохранения историко-культурного наследия Юга России: учет особенностей [Электронный ресурс] / В. Е. Науменко // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 24–33. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Naumenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Naumenko, V. E., Regional'nye programmy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Yuga Rossii: uchet osobennostey (Regional Programs for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Southern Russia: Accounting the Features), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 24–33. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Naumenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

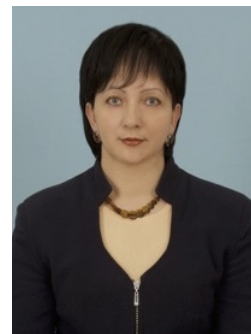

БОНДАРЕНКО Галина Ивановна

доктор социологических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
г. Краснодар, Россия

Galina I. BONDARENKO

Dr. Sci. (Economic Sociology and Demography), Assoc. Prof.,
Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
glbon@mail.ru

**Межконфессиональный диалог:
религия как фактор
социальной стабильности**

**An Interfaith Dialogue:
Religion as a Factor
of the Social Stability**

В статье рассматриваются потенциальные возможности религии как социального института, способного на уровне диалога различных конфессий стабилизировать социальный порядок в общественной системе. Особое внимание уделяется влиянию религиозной культуры на социокультурную динамику общественной системы, возможным векторам развития духовной сферы общества и прогнозированию дальнейших социально-экономических изменений.

Ключевые слова: религия, конфессии, развитие, глобализация, интеграция, обряды, ритуалы, религиозные праздники, социально-экономическое положение.

The author examines the potential possibilities of religion as a social institute that is capable to stabilize a social order in the public system at the level of intercultural dialog of different confessions. The special attention applies to the influence of religious culture on the socio-cultural dynamics of the public system, possible vectors of development of spiritual sphere of society and prognostication of further socio-economic changes.

Keywords: religion, confessions, development, globalization, integration, ceremonies, rituals, religious holidays, socio-economic situation.

Современные государства, в основном светские по своему характеру, сформировали развитое гражданское общество, однако данное достижение само по себе не всегда определяет их способность чутко реагировать на запросы времени. В частности, государственная политика таких стран порой не в полной мере учитывает значимость религиозной составляющей общественной жизни, хотя роль вероисповедных факторов в современном интенсивно меняющемся мире остается крайне весомой.

Таким образом все более актуализируется научно-практическая и идеологическая значимость изучения влияния религиозной культуры на социокультурную динамику общественной системы, возможные векторы развития духовной сферы общества и прогнозирование дальнейших социально-экономических изменений. В условиях усиливающейся глобализации и интеграции России в мировую социально-экономическую систему обращение к основаниям духовной культуры и социообразующему потенциалу традиционных

религиозных ценностей становится жизненно необходимым фактором стабильного развития общества, не желающего утрачивать свою культурную идентичность под влиянием модных глобализационных трендов.

Классическими считаются следующие функции религии: регулятивная; коммуникативная; интегративная; компенсаторная; воспитательная. Особое значение они обретают в наблюдаемой ныне ситуации активизации глобальных миграционных процессов, когда в условиях секуляризации, модернизации и культурной трансформации преимущественно моноконфессиональные страны напрямую сталкиваются с феноменом поликонфессиональности.

Следует отметить, что рост религиозного самосознания населения поликонфессиональных государств, кроме повышения значимости и степени влияния морально-нравственных норм в результате реализации регулятивной функции религии, формирует ряд социально значимых противоречий.

Во-первых, религиозная культура формирует у верующих внутриконфессиональную консолидацию и солидарность, что в итоге может вылиться не только в групповую сплоченность, но (при некоторых условиях) вызвать социальное размежевание, сопровождающееся идеологическими разногласиями.

Во-вторых, религиозные культуры исторически сложились как макрообщности, в определенной степени противостоящие друг другу в силу влияния объективно имеющих место «цивилизационных разломов», разъединяющих их последователей.

В-третьих, локализация через внутриконфессиональную консолидацию и солидарность, ориентацию верующих исключительно на ценности своих религиозных культур так или иначе ориентируют их на межрелигиозные различия, и, таким образом, актуализируют и формируют в их сознании установки и представления социального взаимовосприятия, разделяя мир на «своих» и «чужих».

Между тем значимость культурного диалога религиозных конфессий обозначается следующими направлениями социокультурных изменений.

Во-первых, мирное завершение идеологического противостояния может обернуться

позитивными цивилизационными трансформациями, и укрепившиеся этнонациональные отношения станут надежным основанием политической стабильности.

Во-вторых, межконфессиональный диалог затруднит использование радикалами потенциала религиозной идеологии для мобилизации населения через актуализацию различных вероисповедных установок.

В-третьих, диалог представителей различных конфессий может стать гарантом стабильности и сохранения социокультурной самоидентификации в условиях глобализации и идентификации.

В-четвертых, межрелигиозный диалог дает возможность еще раз убедиться в том, что истоки религиозно-политического экстремизма и международного терроризма не могут быть сформированы в недрах религиозных учений. В данном отношении межконфессиональное взаимодействие может стать мощнейшим потенциалом формирования как национальной идеи, так и воспитательной работы в области предупреждения террора.

Однако зафиксированный в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [10], комплекс норм значительно ослабил степень государственной регуляции межконфессиональных отношений, предоставив религиозным объединениям почти полную свободу действий. Данное обстоятельство обусловило появление в России множества иностранных проповедников и новых религиозных движений, усиливших межконфессиональное соперничество.

На настоящий момент разработаны теоретические положения о роли религии при формировании социальной реальности и межконфессионального диалога как одного из гарантов стабильности мировой социально-экономической и политико-идеологической системы.

В целом можно выделить два наиболее четко обозначившиеся направления исследования межконфессиональных отношений: конфликтное и позитивный опыт межконфессионального взаимодействия. Представляют также интерес работы, посвященные аксиологической основе жизнедеятельности отдельных конфессий [1] [5], принципу равенства

конфессий [2] [8] [6].

Современные исследователи часто обращают внимание на межнациональные отношения, однако при этом, к сожалению, без пристального внимания остаются различные аспекты взаимодействия религии и культуры в направлении гармонизации межконфессиональных отношений. Между тем, как уже было указано, диалог различных религиозных групп и объединений несет в себе значительный позитивный потенциал, поскольку позволяет сохранить, укрепить и передать последующим поколениям вечные общечеловеческие ценности и духовные идеалы, поддерживаемые всеми конфессиями.

Особенно актуальна данная проблема в отношении молодежи, в процессе модернизации и глобализации зачастую попадающей в инокультурную среду и теряющей свои исторические национальные и религиозные корни.

Северный Кавказ – регион, наиболее пестрый в смысле разнообразия различных по своей культуре и вероисповеданию народов представляет собой уникальную базу для проведения исследований в области социологии религии. Особенности исторической памяти народов Северного Кавказа, определяющие их стойкую приверженность системе традиционных ценностей, позволили сохранить, несмотря на быстро меняющиеся социально-экономические и социокультурные условия, уважительное отношение к предкам, их деяниям, традициям.

Региональная культурная специфика повлияла и на складывание особого менталитета, получившего свое отражение в чрезвычайно развитой исторической памяти. Эти факторы во многом обеспечили стабильность социальной системы, поддерживавшейся без резких, кризисных изменений на протяжении долгого времени. Религия в данном случае выступает фактором системообразующих связей, способных придать системе свойство целостности. Значимость религиозных установок, их роль в обществе повышаются преимущественно в условиях отсутствия и очевидной слабости государственной национальной политики и идеологии, создающих, в сущности, такие социальные нормативы, как представления о должном, вредном, полезном, системы оценивания событийного ряда жиз-

недеятельности и иные системы ценностной иерархии и т.д.

Как известно, в северокавказском регионе наиболее распространены две религии: христианство и ислам. Проживающие в регионах Северного Кавказа респонденты по-разному оценивают место религии в жизни социума. Так, значимость религии и ее роль в будущем развитии общества отметили 64,5% респондентов в РА1, 46,3% – в КБР против 23,2% опрошенных, считающих что роль религии в жизни общества в целом и отдельного человека будет уменьшаться, 66,7% – в КЧР, 51% – в РД. 83% в– РИ. 44.4% – в РСО-А, где процент респондентов, прогнозирующих снижение роли религии, равен 26,8%, 77,9% – в ЧР [3, с. 257].

При этом политическая активность религиозных организаций (православных и мусульманских) в решении вопросов, так или иначе связанных с государственным управлением приветствуется жителями РА: 43,3% опрошенными, было «против» – 39,7%; КБР – 58,4% и 36,7%, КЧР – 58,6% и 38,1%, РД – 45,1% и 37,8%, РИ – 79,2% и 18,9%, ЧР – 79,1% и 18,3%.

В отношении предпочтения той или иной модели государства по критерию его отношения к религии ответы респондентов приветствовали, прежде всего, светское государство. Модель шариатского правления вызвала положительные оценки у 2,7% респондентов в РА, в КБР – у 10,5%, в КЧР – у 25,4%, в РД – у 12,8%, в РИ – у 46,9%, в РСО-А – у 3,3%, в ЧР – 21,8% [9]. Ответы респондентов, желающих жить в шариатском государстве, вызывают опасения в отношении их знания тех норм и правил поведения, которые регулируются данным комплексом предписаний, так как выявился высокий процент респондентов, которые никогда не читали Библию, Коран или другие религиозные тексты: РА – 23,2%, КБР – 33,1%, КЧР – 20,1%, РД – 23,3%, РИ – 20,2%, РСО-А – 22,7%, ЧР – 38,2%. Частота обращения к Библии или Корану в наибольшей степени отмечается в РИ – 12,4% и ЧР – 10,3%. в Дагестане регулярно читающих указанные тексты всего 3,5%. При этом примерно треть респондентов по всем семи республикам (30–35%) отметила довольно большой промежуток давности обращения к данным текстам (5–10 лет).

Наиболее важной сферой жизнедеятельности общества религию считают 58,6% респондентов в РИ и 37,1% в ЧР; в Дагестане – 18,4%, Осетии – 15,0%. Данный факт является свидетельством не только высокой степени религиозности жителей данных республик, но и важности религии как социального института, позволяющего стабилизировать духовную жизнь индивида и общества в условиях обостряющегося кризиса.

Соблюдение религиозных обрядов, праздников и других религиозных традиций важно для 86,7% респондентов, опрошенных в Ингушетии, 88,9% – в Чечне; в РА – 52,1%, в КБР – 43,0%, в КЧР – 59,4%, в РД – 46,7%, в РСО-А – 57,0%.

Таким образом, еще раз доказывается важность психотерапевтической, функции вероисповедных систем, о которой писал один из классиков антропологии, создатель функционализма Бронислав Малиновский, указывая на необходимость религии для человека в условиях преодоления беспокойства и страха, вызванные смертью близкого; в условиях истощенности собственных психологических и физических ресурсов и возможностей, в условиях длительного стресса [4, с. 53].

В современных социально-экономических и политических условиях также актуализируется одна из важнейших функций религии – придание смысла человеческой жизни. К тому же с точки зрения структурно-функциональной парадигмы религия более других форм общественного сознания способствует социальной сплоченности и конформизму, формируя особую модель отношений в обществе.

Подтверждением данного факта может служить утверждение Питера Бергера, придерживающегося парадигмы символического

интеракционизма, о том, что формирование и следование религиозным верованиям становится прямой необходимостью реагировать на житейские трудности и невзгоды [7, с. 372].

Экономический кризис в стране крайне чувствительно отразился на респондентах. Так, если в качестве дохода, необходимого для обеспечения нормального уровня жизни семьи принять сумму от 10 до 20 тыс. руб., то лишь небольшой процент респондентов может создать оптимальные материальные условия для семейного благополучия: в РА – 2,3%, в КБР – 19,6%, в КЧР – 5,4%, в РД – 2,1%, в РИ – 1,7%, в РСО-А – 2,4%, в ЧР – 1,1%.

Получается, что большинству опрошенных граждан выполнение данной задачи практически не под силу. Религия же в данной ситуации выполняет функцию подкрепления индивида стойкостью в преодолении жизненных трудностей.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно твердо утверждать, что религия выполняет в настоящий момент функцию стабилизатора социально-экономической системы посредством формирования в обществе устойчивой системы духовно-нравственных ориентиров, в определенной степени оказывающих влияние на развитие социокультурной сферы. Одной из задач управления социальными процессами в данной связи становится построение и формирование межконфессиональных взаимодействий и межкультурного диалога.

Очевидна в этом смысле необходимость создания нормативно-правовой основы и обеспечение моральной поддержки со стороны государства в отношении тех конфессий, которые в своей социальной, политической и экономической деятельности стремятся к поиску взаимопонимания на основе диалога.

Использованная литература:

1. Баптизм как наиболее зловредная секта. М.: ГП «КНИСС», 1995.
2. Белая книга. О нарушениях свободы совести в Российской Федерации (1994–1996). М.: Аллегро-Пресс, 1997.
3. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2010.
4. Дзутцев Х. В. Пути преодоления этносоциальных конфликтов в Южном федеральном округе Российской Федерации. Программа и результаты социологического

References:

1. *Baptizm kak naibolee zlovrednaya sekta* (Baptists as the Most Harmful Sect), Moscow: GP "KNISS", 1995.
2. *Belaya kniga. O narusheniyakh svobody sovesti v Rossiyskoy Federatsii (1994-1996)* (White Paper. Violations of Freedom of Conscience in the Russian Federation (1994-1996).), Moscow: Allegro-Press, 1997.
3. Gadzhiev, K. S., *Geopolitika Kavkaza* (Geopolitics of the Caucasus), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010.
4. Dzutsev, Kh. V., *Puti preodoleniya etnosotsial'nykh konfliktov v Yuzhnom federal'nom okruge Rossiyskoy Federatsii*.

опроса населения Южного федерального округа Российской Федерации, проведенного в июне 2006 г. М.: Ин-т соц.-полит. исследований РАН, 2007.

5. Кураев А. Особенности религиозной ситуации в России // Культура и религия: линии сопряжения. М.: Рос. академия управления, 1994.

6. Нуруллаев А. А. Цивилизованные межконфессиональные отношения – важное условие предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов // Национальное и религиозное. М.: Рос. независимый ин-т социальных и национальных проблем, 1996. С.123–140.

7. Общая социология / под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2004.

8. Религиозно-конфессиональные отношения в современной России // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М.: Рос. акад. гос. службы, 1996. С. 13–145;

9. Сенюткина О. Н., Шиманская О. К. Религиозные ценности в социально-политической жизни России // Современная Европа. 2015. № 3. С. 107–118.

10. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения 24.10.15).

Programma i rezultaty sotsiologicheskogo oprosa naseleniya Yuzhnogo federal'nogo okruga Rossiyskoy Federatsii, provedennogo v iyune 2006 goda (Ways of Overcoming of Ethnic and Social Conflicts in the Southern Federal District of the Russian Federation. The Program and the Results of a Sociological Survey of the Population of the Southern Federal District of the Russian Federation, Held in June 2006), Moscow: Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAS, 2007.

5. Kuraev, A., *Osobennosti religioznoy situatsii v Rossii* (Features of the Religious Situation in Russia), in *Kul'tura i religiya: linii sopryazheniya*, Moscow: Rossiyskaya akademiya upravleniya, 1994.

6. Nurullaev, A. A., *Tsivilizovannyye mezhkonfessional'nye otnosheniya - vazhnoe uslovie preduprezhdeniya i razresheniya mezhnatsional'nykh konfliktov* (Civilized Interfaith Relations as an Important Condition for the Prevention and Resolution of Inter-Ethnic Conflicts), in *Natsional'noe i religioznoe*, Moscow: Rossiyskiy nezavisimyy institut sotsial'nikh i natsional'nykh problem, 1996, pp. 123–140.

7. *Obshchaya sotsiologiya: uchebnoye posobiye* (General Sociology: Training Manual), Efendiev, A. G., Ed., Moscow: INFRA-M, 2004.

8. *Religiozno-konfessional'nye otnosheniya v sovremennoy Rossii* (Religious and Confessional Relations in the Modern Russia), in *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie)*, Moscow: Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby, 1996. pp. 131–145;

9. Senyutkina, O. N. and Shimanskaya, O. K., *Religioznye tsennosti v sotsial'no-politicheskoy zhizni Rossii* (Religious Values in the Socio-Political Life of Russia), *Sovremennaya Evropa*, 2015, no. 3, pp. 107–118.

10. *Federal'nyy zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh"* (Federal Law of the Russian Federation of 26 September 1997 No. 125-FZ On Freedom of Conscience and on Religious Associations), in *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'stantPlyus»*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. Accessed October 24, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бондаренко, Г. И. Межконфессиональный диалог: религия как фактор социальной стабильности [Электронный ресурс] / Г. И. Бондаренко // *Наследие веков*. – 2015. – № 4. – С. 34–38. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Bondarenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bondarenko, G. I., *Mezhkonfessional'nyy dialog: religiya kak faktor sotsial'noy stabil'nosti* (An Interfaith Dialogue: Religion as a Factor of Social Stability), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 34–38. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Bondarenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ПШЕНИЧНИКОВА Раиса Ивановна

канд. пед. наук, профессор,
советник при ректорате Восточно-Сибирского
государственного института культуры,
Улан-Удэ, Россия

Raisa I. PSHENICHNIKOVA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Prof.,
Advisor to the Institute Administration,
East-Siberian State Institute of Culture,
Ulan-Ude, Russia
info@vsgaki.ru

Проблемы межкультурного взаимодействия в контексте глобализации

В статье представлены размышления о проблемах межкультурного взаимодействия. Обосновывается идея особой значимости развития психики человека, его духовной интуиции в условиях скоростных перемен окружающей среды. Главными в этом процессе являются наука, культура и искусство, парадигма которых сегодня кардинально меняется.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, новая парадигма науки, культуры и искусства, интегрированная психика, творчество, духовная интуиция.

Intercultural Problems in the Context of Globalization

The article is devoted to the reflections on the problems of intercultural issues. The idea of the special significance of the development of the human psyche and its spiritual intuitions in terms of high-speed environmental change is substantiated. Science, culture and art are the main parts of this process and their today's paradigm is changing dramatically.

Keywords: intercultural interaction, the new paradigm of science, culture and art, integrated psyche, creativity, spiritual intuition.

Общество знаний и информационно-коммуникационных социальных технологий кардинально меняет среду обитания человека. Происходит глубокая трансформация культуры, прав и свобод, экономического поведения людей. Причем, как отмечает всемирно известный футуролог, лауреат Нобелевской премии А. Тоффлер, изменения эти характеризуются огромными скоростями. В результате формируется

ситуация «футурошока», являющаяся на сегодня «белым пятном» в научной и общественной жизни человечества. Понятно, что необходимы исследования и поиски, как пишет автор, адаптационных теорий и технологий [4].

Кроме того, мощные глобализационные процессы деформируют все традиционные системы общества: политические, национальные, образовательные, культур-

ные. В результате не реализуется один из главных космических законов – «Закон гармонии». Именно этим объясняется наша жизнь в дисгармоничном мире, политических, культурных и информационных разногласий, экономической нестабильности, экологической разрухи.

Какой же выход из сложившейся ситуации? Анализ многочисленной литературы позволяет сделать вывод о том, что несмотря на многообразие точек зрения, практически все авторы сходятся в одном: главное – это надо измениться самому человеку. Основной вектор этих изменений – от человека «разумного» к человеку «духовному», связанному с развитием духовной интуиции. Следовательно, необходимы активные поиски духовных инновационных технологий. А учитывая, что Мудрость каждого народа заключается в его традиционной культуре и что сегодня формируется новая парадигма науки культуры и искусства [3], возможно предположить некоторые аспекты моделей современного межкультурного взаимодействия и его системообразующих основ.

Большое значение для осмысления поставленной проблемы имеют труды ученых, которые осуществили свои научные поиски на основе таких инновационных подходов, как системно-информационный и динамический, исходящих из сдвигов в духовной, социально-психологической и культурной жизни общества, а также теорий преобразования человека в эволюционно более развитого, способного стать бессмертным Творцом Разума во всей Вселенной.

Достаточно сослаться на материалы стратегического общественного движения «Россия–2045», главной задачей которого является разработка новой идеологии развития российского общества и создание Универсальной истории или Мегаистории. Руководитель Евро-Азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования РАН Аюп Назаретян подчеркивает, что «Мегаистория – это интегральная картина прошлого – от Большого взрыва, создавшего Вселенную, до современности». Он отмечает: «картина хорошо демонстрирует, что наша мораль, наши духовные ценности, культурные регуляторы – результат развития антиэнтропийных механизмов, продолжающих космогенические тенденции эволюции» [1].

В наш век развития технократии и нанотехнологий многие недооценивают действие

Закона соблюдения техногуманитарного баланса. Так, А. Назаретян отмечает, что проанализировав прогнозы развития будущего человечества за последние 200 лет, он пришел к выводу о том, «что сообщества, которые не справились с развитием своих технологий, выбраковывались из исторического процесса. Сохранились лишь те, которые смогли культурно и психологически приспособиться к возрастающей технологической мощи [1].

Особо следует отметить фундаментальный труд В. М. Петрова «Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования. Информационный подход». Так, изучив вопрос на тему «будет ли конец у искусства?», автор отмечает, что нет, «искусство выживет только ценой трансформации в новые виды духовной деятельности – весьма элитарные, но зато не имеющие принципиальных ограничений для своего развития». В. М. Петров сравнивает эволюцию человека на современной стадии с развитием культуры [2].

Значительный вклад в проблему об эволюции человека, культуры и образования внесла монография Р. Г. Абдулатипова «Перспективы человека и культуры». Автор особо отмечает негативный характер активизировавшегося сегодня «невежества» и его отрицательное воздействие на современное общество, особенно молодежь.

Таким образом, получается, что изучать человека возможно только через изучение культуры как системы и системы ценностей как структурного центра культуры. Кроме того, нами частично были просмотрены Достижения Духовного развития Древних цивилизаций, Знания Великих Посвященных Мира.

В результате удалось выявить десять основных идей, влияющих на сознание современных людей, которые возможно также рассматривать и как инновационные Духовные технологии.

1. Идея одновременного существования прошлого, настоящего и будущего в одной точке: здесь и сейчас

2. Идея о воздействии культурных кодов на материальное благополучие и экономическое поведение народов, зависимость благосостояния от системы ценностей, выбранных обществом.

3. Идея существования скрытого, не проявленного или ноуменального знания в культуре. Она пронизывает всю историю человеческой мысли с самых отдаленных эпох. Содержание всех религий, мифов, древних па-

мятников культуры и искусства в значительной мере состоит из символических форм, представляющих собой попытки передать эту идею. Важно отметить, что язык образов и символов имеет самое древнее происхождение и, несмотря на многие усилия его исследовать, по-прежнему остается загадкой для человечества. Тем не менее, сегодня наблюдается формирование «древне-новых» моделей поведения: ритуал-праздник, ритуал-театр, ритуал-миф и т.д., т.е. формируется новая теория ритуала как древнего знания и нового духовного знания.

4. Идея перемен как возможность прогнозирования будущего.

5. Идея специфики информационно-энергетических и космических потоков, доминирующих на конкретных территориях, связанных с развитием творчества и интеллекта.

6. Идея познания Мира, формирования

новых знаний при помощи органов чувств, связанных с обретением высших форм интегрированной психики.

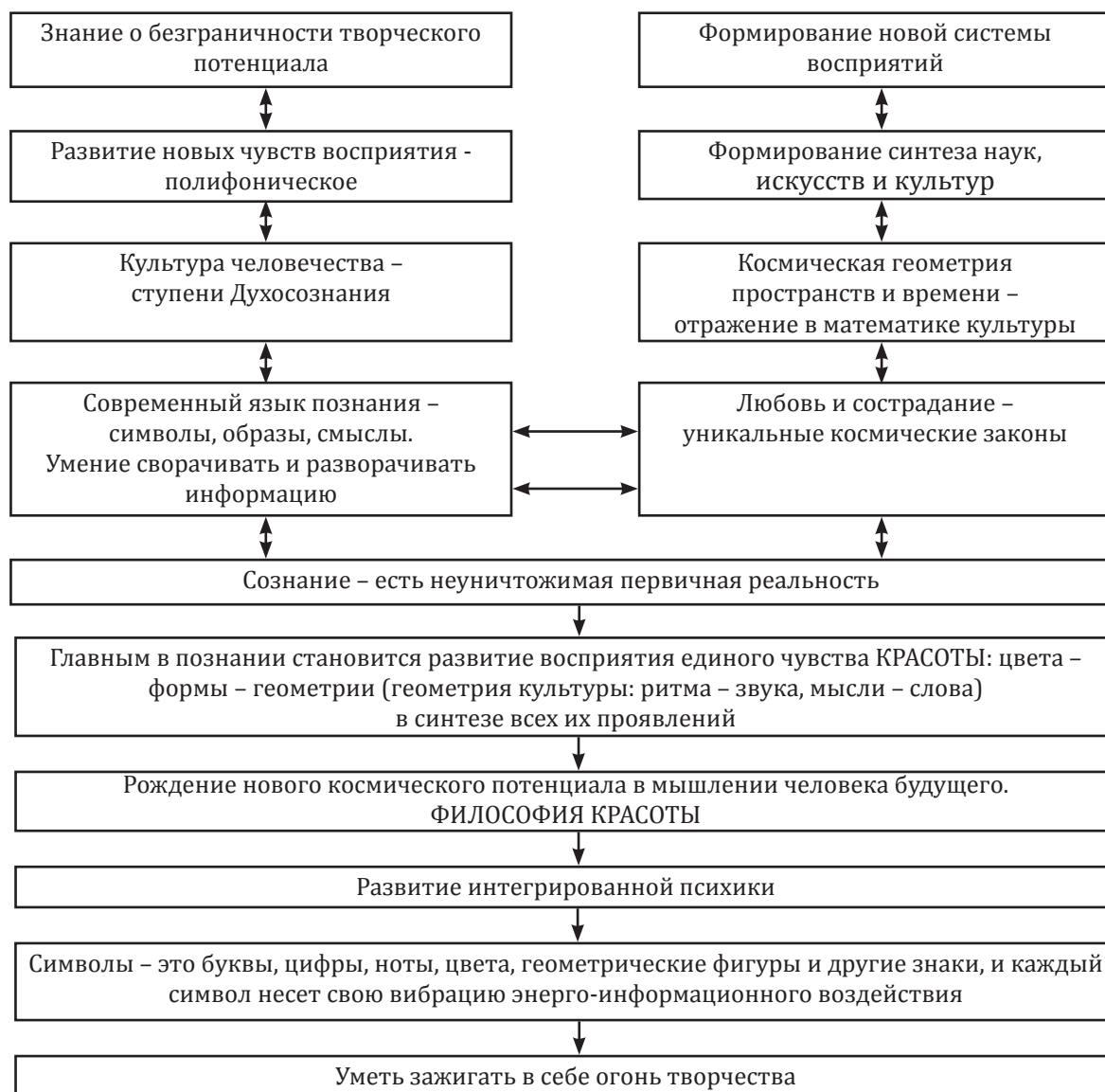
7. Идея «соглашения» с будущим через разработку теории адаптации человечества, связанной с исследованием скорости и сути перемен и формированием новой системы изучения прошлого.

8. Идея создания нового универсального языка, основанного на универсальном иероглифе «энеаграмма», как фактора трансформации знаний из прошлого в настоящее и будущее.

9. Идея «ноумена» и «феномена» как более совершенный инструмент познания.

10. Идея сохранения различий как основы развития.

Кроме того, следует обозначить основные факторы, направленные на эволюцию современного человека:

В связи с признанием сегодня краха классической экономической теории существенно меняются представления об основных производительных силах общества.

Время убедило человечество о вторичности материального, и первичности духовного. Все идеи и образы рождаются в творчестве (духовная составляющая), а потом воплощаются в материальном. Произошло осознание того, что стратегическим ресурсом будущего, способным обеспечить развитие и процветание общества становится ЗНАНИЕ и КУЛЬТУРА, именно они играют решающую роль.

Знание и культура – важнейшая производительная сила и они продукт духовного производства. Впереди развитие экономики Духовного производства. А Духовность – это сфера, в которой искусство становится наукой, а наука становится искусством (Г. Гессе).

Также, если посмотреть на современный менеджмент, то становится очевидным, что он связан с изучением человека с целью формирования духовных инновационных технологий его развития. Отсюда вытекает необходимость в поисках моделей межкультурного взаимодействия. И эти поиски связаны с исследованием скорости перемен, формированием банка национальных культур (национальных орнаментов и узоров, аутентичной национальной одежды, национальной музыки и хореографии, национальных сказок, поговорок, загадок, историй, поэзии, колыбельных песен и т.д.), с выявлением их культурных кодов (кстати, ученые открыли, что в основе ДНК – музыка).

Изучением этнопсихологии, психолингвистики, психологии Прошлого и по-

стижением психологии Будущего, которую ученые назвали Культурной Психологией (психология с древнегреческого переводится «Душа и Знание»). Возрождение формы «мистерии» как формы работы с психикой и психическими переживаниями.

Поскольку речь – самый мощный символ (все молитвы во всех религиях имеют основу «Золотого сечения или божественной пропорции» - матричного текста, который является основой любых психоинформационных технологий (25 кадр), то необходима работа с данным направлением. К тому же, как утверждают ряд ученых (П. Д. Успенский, Н. Тесла и др.), исследование информационной пирамиды бессознательного в психике человека, где хранится информация о всей Вселенной – еще впереди. Особенно, если учесть все увеличивающееся число «психических инвалидов», то понятно, что исследование и учет деструктивных процессов, связанных с этим в поисках моделей межкультурного диалога является чрезвычайно актуальным.

Работа в вышеназванных направлениях предполагает изучение реальных социальных, культурных и психических процессов, соотнесение современных культурных сдвигов с традициями национальных культур этносов – одна из важнейших проблем, с которыми столкнулось сегодня человечество и в решении которой межкультурное взаимодействие занимает доминирующую роль. Как одна из моделей межкультурного взаимодействия в 1983 г. была создана всемирная организация представителей искусства «Планетарная сеть искусств» с призывом к объединению во имя Мира через Искусство.

Использованная литература:

1. Назаретян А., Панов А., Пухало Л. Камо грядеши, человек? // Наука и религия. 2013. № 1. С. 6–9.
2. Петров В. М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). М.: Либроком, 2013.
3. Субетто А. И., Шанти Д. П., Лукоянов В. В. Новая парадигма науки и искусства в XXI в. СПб.: Астерион, 2015.
4. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997.

References:

1. Nazaretyan, A., Panov, A. and Pukhalo, L., *Kamo gryadeshi, chelovek?* (Quo Vadis, Human?), *Nauka i religiya*, 2013, no. 1, pp. 6-9.
2. Petrov, V. M., *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: metodologiya prognozirovaniya (informatsionnyy podkhod)* (Social and Cultural Dynamics: the Forecasting Methodology (Information Approach)), Moscow: Librokom, 2013.
3. Subetto, A. I., Shanti, D. P. and Lukoyanov, V. V., *Novaya paradigma nauki i iskusstva v XXI veke* (New Paradigm of Science and Art in the 21th Century), Saint-Petersburg: Asterion, 2015.
4. Toffler, A., *Futuroshok* (Future Shock), Saint-Petersburg: Lan', 1997.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Пшеничникова, Р. И. Проблемы межкультурного взаимодействия в контексте глобализации [Электронный ресурс] / Р. И. Пшеничникова // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 39-43. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pshenichnikova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Pshenichnikova, R. I. Problemy mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v kontekste globalizatsii (Intercultural Problems in the Context of Globalization), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 39-43. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pshenichnikova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
отдела экспертно-консультативной деятельности
и проблем культурного и природного наследия
Южного филиала Российского научно-
исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Alexandr A. GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Senior Researcher,
Department of Expert and Advisory Activities and Problems
of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia
gutsalov_alex@mail.ru

Цыгане: традиционная культура и современный мир

В статье выявлен ряд проблем, характерных для цыганского населения, и ставится задача поиска их решений. Обозначены различные подходы к реализации национально-культурных интересов цыганского народа на уровне государственной политики. Подвергается анализу идея создания собственного цыганского моноэтничного государства. Делается вывод о том, что причины возникновения проблем цыганского населения коренятся в характерных особенностях культуры и мировоззрения этого народа. В первом приближении рассмотрены базисные архетипы цыганской культуры.

Ключевые слова: цыгане, ром, домари, ломавтик, культурная компетентность, цыганское моноэтническое государство, «Романипэн», ловоро, архетип.

Roma: the Traditional Culture and the Contemporary World

The article identified a number of issues specific to the Roma population, and sets the task of finding their solutions. The different approaches to the implementation of national and cultural interests of the Roma people in public policy are represented. It is analyzed the idea of creating an independent Roma monoethnic state. It is concluded that the causes of the problems of the Roma population are rooted in thw cultural patterns and outlook of this people. As a first approximation the basic archetypes of Roma culture are considered.

Keywords: Gypsies, Rom, Domari, Lomavtik, cultural competence, Roma mono-ethnic state, Rromanipen, Lovoro, archetype.

Необходимость поддержания социальной гармонии требует от представителей государственной власти, гражданского общества и этнических групп широкого кругозора и понимания того, что от их стремления к осознанию запросов и проблем различных этносов с целью совместными усилиями помочь их удовлетворению и решению зависит стабильное развитие всей нации. Для этого

все акторы социальной системы должны быть культурно компетентны, владеть знаниями об этнических культурах, их сходствах и различиях. Характеризуя культурную компетентность, современные исследователи подчеркивают, что она «предполагает широкую культурную включенность и основана на равноправии культурных статусов всех народов и личностей. Она предполагает отказ от культурной

изоляции, культурной исключительности и способствует включенности всех граждан в политику для культуры, означающую развитие культурных потребностей всех граждан через творческое участие... И все это культурное многообразие и свобода не должны нарушать стабильности общества, а способствовать его сплоченности» [3, с. 22].

В рамках данного подхода необходимо обозначить главные проблемы цыганского населения, выявить их истоки, внутренние причины и указать возможные пути для их решения.

В культуре цыганского народа на протяжении всего периода его существования, во время любых угроз его этнической самобытности, несмотря на совершенно иное, подчас враждебное, культурное окружение, сохранялись самобытность, целостность и не возникало ответной агрессии к другим народам. Цыгане – один из самых удивительных народов этого мира, отношение к которому у большинства людей в нашей стране, несмотря на имеющую место настороженность, благожелательное, доброе, лишенное ненависти. Что же позволяет цыганам несмотря ни на что сохранить свою этническую самобытность, целостность, изящное богатство культуры, потрясающую неповторимость, ни с чем несравнимый аромат традиции?

Во время нашей первой встречи с заслуженным артистом России, актером, автором и исполнителем песен в кинофильме «Табор уходит в небо», художественным руководителем действующих танцевальных и певческих коллективов «Трио Ловари» и «Гилори» Тахиром Бобровым первыми его словами было сожаление о судьбе цыган в мире: «В России и не только, во всем мире отношение к цыганам очень плохое, предвзятое. Они гонимы во всем мире». Я ответил тогда: «Необходимо движение навстречу, чтобы найти необходимые решения, чтобы люди чувствовали себя людьми, а не изгоями, запуганными, отверженными, униженными, загнанными в круг бесперспективный, где есть только череда преступлений и наказаний». На это он заметил: «Правильно сказать, не униженные, а как отбросы... В каждом стаде есть паршивая овца. Нельзя из-за одного негодяя гнобить весь народ. Цыгане – народ миролюбивый, в политику они не лезут.

Самое главное, чтобы крыша была над головой и было чем накормить и напоить, одеть и обути своих детей, чтобы также была возможность отдавать детей учиться, давать хорошее образование» [4].

С одной стороны, речь идет о самобытной, красивой, неповторимой и даже великой древней культурной традиции цыган, с другой же — налицо наличие широкого круга разнохарактерных проблем, связанных с данным этносом. Величие цыганской культуры состоит в том, что вопреки отсутствию надлежащих жизненных условий, гонениям и безграмотности, она была сохранена – древняя культура девственного отношения к своему роду, семье, природе. Данное наблюдение свидетельствует о силе и устойчивости культурной традиции и предопределяет постановку задачи выявления, анализа и изучения истоков этой устойчивости.

Вместе с тем в этой культуре присутствует некая составляющая, которая постоянно точит ее, разрушая изнутри, толкает к надрынности, к краю бездны небытия. Думается, что именно эта характеристика в известной мере обуславливает удручающие проблемы, связанные с цыганским населением. Круг подобных проблем, выявленных исследователями, достаточно обширен: «очень высокая криминализация, безработица, низкий уровень образования вплоть до безграмотности, частое отсутствие санитарии, асоциальный образ жизни, и, пожалуй, самое главное – это устойчивый негативный образ, сформированный у местного цыганского населения, порождающий резкое неприятие и тотальное недоверие» [5, с. 206]. Следует признать, что запредельный уровень криминализации цыганского населения в России, угрожает самому существованию и сохранению данного этноса. Между тем подобным образом обстоит дело далеко не только в нашей стране — в ряде государств Европы положение цыган еще более тяжелое [5, с. 206–211]. Для преодоления десоциализации, негативизма, криминализации, хронической взаимной отторгаемости цыганского и нецыганского обществ нужно определить истоки причин, порождающих данные проблемы.

В 30-е гг. в СССР причины асоциальности определенной доли цыган усматривались

в неграмотности, в отсутствии условий для развития собственной этнокультуры, поэтому власть пыталась решать данные проблемы на основе развития народного образования на национальных языках, создания этнически ориентированных колхозов, культивирования этнокультуры цыган. Были выпущены учебники на цыганском языке (рис. 1), созданы специальные цыганские школы, организованы народные творческие коллективы. На киноэкраны страны также вышли два идеологически ориентированных художественных фильма – «Последний табор» (1935 г., реж.

Е. М. Шнейдер и М. И. Гольдблат) и «Друзья из табора» (1938 г., реж. Д. В. Варламов и Г. З. Ломидзе).

Однако волна этнического оживления в СССР продолжалась недолго. Уже с середины 30-х гг. практика культивирования этнического самосознания уступила место идеологии, провозглашавшей создание надэтнической советской идентичности, и практически все этнокультурные программы были свернуты.

В 1950-е гг. основной причиной проблем цыганского населения объявлялась их склонность к постоянной миграции. В 1956 г.

Рисунок 1. Титульные листы учебников на цыганском языке, выпущенных в начале 30-х гг. XX в. Фото автора

советское руководство волевым усилием приняло нормативный акт об оседлости цыган, предполагавший запрет их постоянных перемещений. Законотворческая волна сходной направленности в те годы прокатилась по многим странам советского лагеря (Венгрия, Румыния, Болгария и др.). Это, конечно, привело к снижению остроты проблемы, но как только закон перестал строго исполняться, положение вещей постепенно вернулось к прежнему состоянию, в том числе и в отношении постоянной миграции цыган. Сами же цыгане под надуманными предложениями (к примеру, поездка к болеющим родственникам) реализовывали свою склонность к кочевому образу жизни.

К этому периоду также относится оживление внимания к цыганам, имевшее романтическую направленность и запомнившееся фильмом «Цыган» (1967, реж. Евгений Матвеев), одноименной картиной 1979 г. (реж. Александр Бланк), ее продолжением «Возвращение Будулая» (1985 г., реж. Александр Бланк) и кинодрамой «Табор уходит в небо» (1975 г., реж. Эмиль Лотяну).

В настоящее время часто говорят о неудаче эксперимента по формированию советской идентичности у цыган и переформатированию их образа жизни. Между тем последние два с половиной десятилетия было временем другого эксперимента, характеризовавшегося отсутствием малейших попыток какой-либо трансформации и повышенным драматизмом. 90-е гг. XX в. фактически оставили цыган на произвол судьбы – им была дана свобода действий при минимуме государственного контроля. Результаты, как известно, были весьма печальны.

Все три обозначенных типа решений при определенном понимании причин возникновения проблем цыганского населения не привели ко сколько-нибудь устойчивым положительным результатам. Последние 95 лет показывают, что ни ослабление, ни усиление госконтроля над цыганским населением не привели к усилению социальной интеграции цыган и кардинальному улучшению их положения.

Понимание этого кажущегося безвыходным положения цыган при бессилии и, отчасти, равнодушии государств (европейских и

постсоветских) привело ромов к осознанию необходимости поиска своего радикального решения проблемы бедственного положения, приводящее к устойчивой деградации, маргинализации и десоциализации цыган.

Такое решение (напоминающее, скорее, жест отчаяния) было найдено. Впервые в истории всего цыганского народа и всех его трех основных этнических составляющих — ромов, домов и ломов — было заявлено о создании собственного цыганского моноэтничного государства. Примером при создании его концепции послужил Израиль, однако в основу формирования цыганского государства предполагалось положить принцип добровольного признания своей идентичности. Решение о создании такого государства было принято в августе 2012 г. на всемирном съезде цыган.

Первый Всемирный цыганский конгресс состоялся в 8 апреля 1971 г. в Лондоне. На нем была образована Всемирная организация цыган Rromanipen. Согласно ее уставу, съезды собирают своих делегатов каждые четыре года. К примеру, VI съезд проходил в 2004 г. в Италии (г. Ланчиано), VII – в 2008 г. в Хорватии (г. Загреб), VIII – в 2012 г. в Сербии (г. Белград).

Информация о решении сформировать собственное цыганское государство была получена нами от вице-президента международной организации «Романипен», руководителя международного комитета при ассоциации Ромэн стран СНГ и Балтии Павла Лиманского. Главная идея заключалась в том, чтобы на пути, который не связан с конфронтацией, завоеваниями, вынужденными миграциями, сформировать собственное государственное устройство моноэтничного типа, чтобы цыгане всего мира могли, наконец, обрести свою родину.

Еще в 2008 г. на съезде цыган было принято решение о введении цыганского (ромского) паспорта. В 2012 г. для обсуждения был предложен его образец в виде международного паспорта путешественника, который планируется юридически представить к утверждению в ООН. Название паспорта – «Романо Лил» («Romano Lil. International Romani Union Passport»).

На последнем съезде были приняты фундаментальные объединяющие принципы формирования единого государства цы-

ган – Romani Kultura (цыганская культура), Romano Chib (цыганский язык), Romano Pabiv (цыганская конституция), Roman Flago (цыганский государственный флаг), Romano Sindo (цыганский суд), Romane Love (цыганские деньги), Romano pasporto (цыганский паспорт). Все это вместе составляет суть и определяет Rromanipe (Romani Nation, цыганская нация). Романипэ (или романипэн) можно перевести как обозначение общей совокупности сущностных качеств, определяющих представителя цыганского сообщества как такового. Его переводят часто как «цыганский дух», «цыганская культура».

Название предполагаемой и принятой цыганским съездом в 2012 г. цыганской валюты – ловоро (Lovororo). Был утвержден и внешний вид новой денежной единицы (рис. 2).

Поставлена задача разработать единые учебники для всех цыган на цыганском языке. Павел Лиманский продемонстрировал ав-

тору первый единый букварь для цыган всего мира (рис. 3).

Следует отметить, что в истории уже имел место локальный пример существования некоторого подобия цыганского государства. Ж.-П. Лиежоа в своей книге «Роми, цигани, чергари» (София, 1999) упоминает о так называемом «цыганском владении» (Feodum Acinganogum) на острове Корфу (с 1375 г.) с внутренним самоуправлением, которое просуществовало вплоть до XIX в. Его ромские жители были преимущественно кузнецами и медниками (цит. по [8, с. 33]). Однако это было локальное, не всецыганское объединение. Идея создания собственного государства исходит из понимания, что ромы, домы, ломы представляют собой потомков тех, у кого в древности на территории Индии существовала собственная развитая устойчивая государственность, что вполне убедительно подтверждается современными исследованиями.

Рисунок 2. Образцы утвержденных золотых монет ловоро

Об этом достаточно осторожно говорят нынешние лидеры цыганского движения и пишут некоторые ученые.

В 1930-е гг. пытались решить проблему цыган через создание внешних условий для развития их культуры в широком смысле этого слова. Однако понимание сущности цыганской культуры фактически отсутствовало,

поэтому советская власть в своей национально-культурной политике в отношении этого народа ограничивалась развитием языка, традиционных ремесел и созданием коллективов артистов.

Также принуждение к оседлости в 1950-х гг. предполагало некий внешний принудительный шаг без погружения в смысл, в

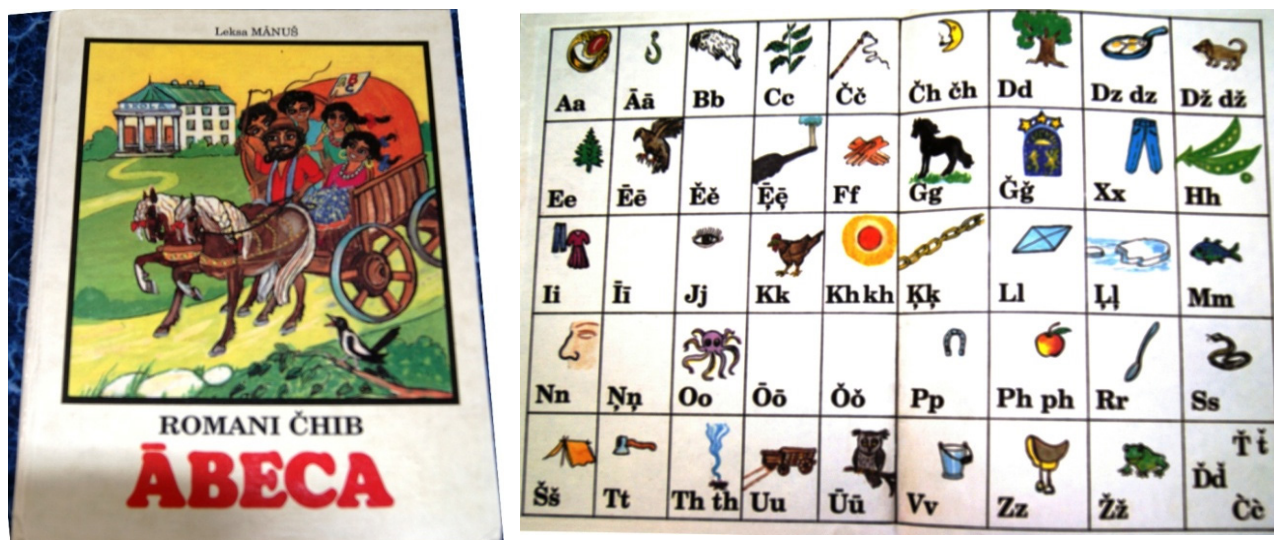

Рисунок 3. Первый в мире единый цыганский букварь. Фото автора

основу цыганской природы. Отказ государства от значительных усилий в данном направлении привел к массовой криминализации и деградации цыганского сообщества. Создание особого цыганского государства на отдельной территории (а для этого предполагается приобрести отдельный остров) – это, говоря объективно, также путь создания пока только внешних условий для существования цыганского населения.

Цыганское население в условиях разных стран хронически доводит себя до критического состояния, и даже видные политики и руководители государств предпринимают весьма агрессивные недружелюбные действия и нелюбезно высказываются о целом народе (к примеру, высылка цыган из Франции тогдашним президентом Николя Саркози, большой скандал с экстремистским высказыванием французского депутата Шоле Жилия Бордуле [10], публичное оскорбление всех цыган без разбору Президента Румынии Друкувати Траян Басеску, за что он даже был оштрафован Национальным Советом по борьбе с дискриминацией [7]). При этом нет никакой гарантии, что цыгане не окажутся в таком же положении и в своем собственном государстве, поскольку жизнь в окружении гадже (чужих), отличается от проживания в условиях моноэтнического окружения, состоящего только из соплеменников. Не станет ли экстрапо-

лироваться привычная, выработанная столетиями (может и тысячелетиями) бинарная дихотомия рома-гадже на своих членов в одном моноэтническом государстве, что неизбежно может повлечь болезненное расслоение и размежевание в обществе?

Во внешнем ли окружении заключена проблема? На территории России живут множество некоренных народов – евреи, корейцы, китайцы, сирийцы, афганцы, немцы и т.д., – которые не сталкиваются с подобными трудностями. Если проблемы цыган по всему миру схожи, если реакция на представителей этого этноса во всем мире одинакова, то следует сделать предварительное допущение о том, что корень проблемы лежит в плоскости этнокультурных и мировоззренческих установок самого народа.

Обозначенные пути решения проблем, на наш взгляд, не затрагивают существа дела, касаясь лишь внешней стороны при игнорировании игнорируя внутренних причин социально негармоничного бытия цыган. Следует предпринять попытки разобраться в глубинных философских причинах того, почему именно цыгане неизбежно оказываются в общественно сложной ситуации.

Какова характерная реакция на сложное положение у современных цыган? Либо постоянные претензии к обществу с большим количеством жалоб и обращений с просьбой о

помощи или недопустимости каких-либо действий со стороны государства; либо попытки оправдания действий и привычного образа жизни, зачастую асоциального; либо обида на общество, которая и приводит к желанию уйти от всех, скрыться в некоем новом справедливом и чисто цыганском государстве, в котором многовековая мечта цыган о светлой и прекрасной жизни будет осуществлена полностью. Все это дополняется незначительными усилиями по созданию условий для изучения языка, участия в культурных программах. Российские исследователи с тревогой отмечают: «...Тенденциозное освещение многими журналистами проблем цыганского населения, рост расовой неприязни в современной России, приводящий к открытой агрессии, заставляют многих цыган, достигших успехов на профессиональном поприще, не афишировать свое происхождение. Между тем социальные проблемы, с которыми сегодня сталкивается большая часть цыганского населения: рост цен и проблемы занятости, рост безграмотности, смертности и криминализация населения, проблемы с жильем и отсутствие или недостаточность социальной помощи, уменьшение доступа к медицинскому обслуживанию – возникли не сегодня и как в зеркале отражают проблемы современного российского общества» [8, с. 22].

Очевидно, осознание этого есть и у руководства страны. Так, в феврале 2013 г. была принята программа Правительства России по оказанию особой помощи этому народу в развитии культуры, образования, в том числе и на цыганском языке. Утвержденный при этом комплексный план предусматривает включение этноса в целый ряд современных культурных, образовательных и коммерческих проектов. Данный документ – единственная в стране комплексная программа этнической направленности. Надеемся, она заработает в полную меру и принесет свои плоды. Однако положительные результаты могут быть достигнуты только в том случае, если действия государства, осуществляемые извне, будут сочетаться с внутренними усилиями самого народа по собственной трансформации, с коррекцией тех стереотипов мировоззренческих установок и поведения, которые приводят к проблемам.

Каждое государство, несомненно, сталкивается с рядом сложностей в своей этнокультурной политике, но следует при этом понимать, что подобные внутренние проблемы могут быть и у самих цыганских общин. В ряде случаев государство не предпринимает попыток к изучению сути культуры этого народа, глубоких философских основ его миропонимания, среди которых, возможно, имеются установки, затрудняющие интеграцию представителей данного этноса в современную модернизированную реальность.

Проблема цыган заключается еще и в том, что они нечасто принимают в расчет причины негативных явлений своей жизни, коренящиеся в некоей остающейся неизменной матрице их поведения. Нежелание корректировать свое миропонимание, если оно расходится с социальной реальностью, и меняться, если жизнь дает постоянные сбои и не приводит к росту благополучия, а ее качество не улучшается, может служить причиной повторения проблем.

Данная статья может послужить началом разговора о фундаментальных основах цыганской культуры, о ее сущности, базовых понятиях и принципах с целью найти причины недостаточной интеграции цыганского народа в современный социум и закрытости цыганских общин, порождающей раз за разом многочисленные проблемы. Мы приглашаем к этому обсуждению любых заинтересованных авторов из научного сообщества.

Для достижения данной масштабной задачи на первом этапе нужно выделить хотя бы часть базисных установок цыганского народа, рассмотрев их как некие устойчивые этнокультурные архетипы данной общности. Известные российские цыганологи М. Сеславинская и Г. Цветков выделяют следующие типы древнейших архетипических образов в поведении современных цыган: мифологические, ценностные, религиозные образы, архетипы в традиционной одежде, в социальной культуре, языке, в роде занятий. Опираясь на данную классификацию, мы будем дополнять ее содержательно.

В качестве примера мифологических и ценностных образов они приводят образ коня и персонифицированное Солнце. Не только

конь был ритуально значимым и чистым, – упряжка и телега обладали такими же смыслами как полностью свободные от осквернения. Примечательно, что «боковая часть телеги являлась опорой для постановки шатра», «место рядом с телегой в шатре находилось сразу напротив входа, и оно считалось самым почетным». Одним из самых страшных наказаний за нарушение клятвы перед цыганским судом было проклятие с пожеланием смерти коням клятводержателя [8, с. 369].

Солнце выступало у цыган-ловарей в качестве первопрядка. Символически сопряженное с Солнцем колесо является символом не только Солнца, но и времени. В цыганской символике мужских золотых украшений часто Солнце и конь сочетаются и выступают вместе как базисные символы. Характерно огромное количество пословиц и поговорок о конях в цыганском фольклоре: «Бог сперва коня сделал, потом цыгана хозяином над конем (Дэвэл ангил грэс кэрдя, потом ромэс хуласа пэ грэндэ)» [1, №2577], «С нами кони, значит, с нами бог (Ямэнца грая, значит, ямэнца дэвэл)» [1, №2582] и т. д.

Характерно, что и в современной цыганской поэзии свой народ красноречиво именуется «детьми Солнца»:

...Но «дети солнца» всё ж восстали.
 Друг другу руки подавали.
 Ни что их не смогло сломить.
 Не удалось их дух сгубить.
 ...Но знаю я наверняка,
 Что «детям солнца» помогла
 Привстать с колен с земли сырой
 Вера в бесценный дух родной.
 Аккорды песни возрожденья
 Играют в душах с восхищеньем [6].

В религиозном отношении для цыган очень показательна непоказная, неритуальная вера в Бога. При этом форма вероисповедания не имеет большого значения и не затрагивает чистой веры в единое Божество, говорящее с верующим через движение ветвей деревьев, «нежные улыбки» солнечных лучей, «плач неба» в виде дождя, «битву бога с чертом» в виде грома и молнии и т.д. Чаще всего конкретное вероисповедание принимается в зависимости от окружающих социокультурных условий и местной вероисповедной тра-

диции. Так, в России подавляющее число цыган – христиане, в Узбекистане практически все – мусульмане.

Главное при выборе формы вероисповедания – уход от конфликта, от опасности возможного преследования по религиозному признаку. Думается, это обстоятельство наряду с четко и жестко работающей системой отношений «свой-чужой» (рома-гаджо) служило причиной создания сложной и запутанной сети скрытых смыслов, характерных для подлинно цыганской культуры, поэтому и религиозные праздники ислама или христианства цыгане отмечают часто по-своему.

К примеру, кроме излюбленных праздников Пасхи и Рождества Христова, у ловарей-чокеши и ловарей-цинцар есть также особый праздник Сым-Петри. Он отмечается в день святых апостолов Петра и Павла, однако обрядовая сторона его достаточно далека от христианского вероучения и предполагает жертвоприношение барашка. Тахир Бобров подробно, насколько это было допустимо, описал в беседе с автором этот обычай. У М. Сеславинской и Г. Цветкова имеется также очень интересный анализ истоков данного ритуального действия [8, с. 370–372]. Вполне возможно, что в подобных не совсем традиционных событиях исследователь может обрести некие ключи к пониманию более древних пластов культуры цыган (возможно, индийского времени пребывания, возможно, времени после исхода из Индии).

Характерно (так же, как и в языческой культуре, ведической Индии) для цыган почитание природы как живого организма, обращение к духам (богам) леса, рек, гор, стихий. С этим также связано множество пословиц, как путеводные нити, удерживающие в единстве целокупный образ древней культуры: «Бог с Солнцем ругается – гром загремел» (Дэвэл кхамэса раскотэпэ – громо загреминдя) [1]; «Подружка солнца в небе играет, через светлые ворота вперед-назад гуляет (радуга)» (Подружкица кхамэскиро пэ болыбэн кхэлла, падыл светло удара ангил-палал гулинэла) [1].

При этом особо следует выделить веру в привидений, в духов дома, в злых духов, в духов предков. Род у цыган почитался даже сильнее, чем святые. Во время посещения одного

цыганского дома автор наблюдал обряды общения с духом дома (домовым).

Можно сказать, что цыганам в общем-то безразлично, к какому святому обращаться, в какой конкретной религиозной форме возносить молитвы к Богу. Любой цыган скажет – Бог живет в сердце, в окружающей природе, в предках, поэтому и молитвы чаще всего не формальные и стандартные, а идущие от сердца.

Особенности представлений о Боге и человеке, системе их взаимоотношений являются также важным средством постижения духовного мира этого народа. Так, «цыгане кальдераш утверждают, что Бог не является творцом мира и что мир существовал всегда, как наша общая мать. Землю они называют «Дэ Девелески», что значит «Божественная

мать»» [2].

Любопытная молитва была получена лично автором от одной французенки, которая является известным духовным наставником в области ведической традиции, большей частью проводя время в Индии. Ее духовное имя, под которым она известна в мире, Шанти Майи. Во время одной из ее бесед (сатсангов) в северном пригималайском ашраме (г. Ришикеш, Уттаракханд Прадеш) один из слушателей, являвшийся цыганом, предложил ее вниманию особую молитву, распространенную среди представителей его этноса во Франции. Приведем ее полностью на цыганском языке и в переводе на английский и русский языки, поскольку она дает глубокое представление о сути отношения Бога и человека у цыган.

BARO DEVEL, KON HAM MEEEE?	GREAT GOD, WHO AM I?
BARO DEVEL, KO HAM LAUTA MEE.	GREAT SPIRIT, I AM ALL THAT.
BARO DEVEL, KO HE MEERO DJEEPEN.	GREAT GOD, THIS IS MY LIFE.
BARO DEVEL, TU HAL MEERO DJEE.	GREAT GOD, YOU ARE MY HEART.
BARO DEVEL, ME HAM LAUTA UNTJEE.	GREAT SPIRIT, I AM EVERYTHING AND NOTHING.
BARO DEVEL, KO HE TEERO DJEEPEN.	GREAT GOD, THIS IS YOUR LIFE.

В русском переводе она звучит так: «Великий Бог, кто я есть? Великий Дух, я есть все то и это» (все, что окружает меня актуально и потенциально). «Великий Бог, все это есть моя жизнь. Великий Бог, Ты есть мое сердце» (Тахир Бобров перевел эту фразу – «Ты поедает мое сердце»). «Великий Дух, я есть все и ничего, Великий Бог, это все есть Твоя жизнь».

Молитва эта – не обращение человека к Богу с просьбой или благодарностью за исполненное желание. Это – молитва-размышление, молитва-беседа с Богом о сути всего – самого человека, его жизни, окружающего

мира, и самого божественного бытия. Идея о величии Бога заявляется обычным маленьким человеком, обремененным проблемами, желаниями, отношениями с другими, такими же обычными людьми, со всем набором своих ограниченных возможностей. Однако при этом человек перед лицом великого Бога со-обретает величие и безграничность, при-сущие божеству.

Кто есть я? – это один из извечных вопросов человеческого мира. Кто есть я? И как я наедине с собой могу ответить на этот вопрос? Только в обращении к великому и всемогущему

му Богу я вдруг прозреваю, и могу прозреть, что я есть все то и это, что все, что меня окружает и может окружать, и есть я сам. И в таком отношении ко всему и заключено мое отношение к миру, а через это и к Богу. Отношение к Богу трансформирует мое понимание меня самого, окружающего меня мира. Через это отношение я обретаю знание о самом себе: Я есть все, и в этом суть моей жизни, в этом сама моя жизнь. Жизнь моего я, моя жизнь заключается в постоянном осознании своего всепроникновения. Но такое извечное отношение к миру изменяет и мое отношение к Богу.

Что же суть Бог? Кто или что Он есть? И где Он пребывает? Он заключен в моем сердце как средоточие всего, как исток, сущность и содержание всего. И в таком понимании перед лицом всемогущего Бога я как обычный человек являюсь ничем, но я как носитель божественного начала в своем сердце становлюсь всем. Поэтому я – «и ничто, и все». И тогда Бог становится живущим через жизнь мою, через жизнь всех живых существ. Тогда Бог становится живущим жизнью живого. И само живое становится живым благодаря Богу. Бог, жизнь, ничто, все, я сам сливаются в единстве. Все, что я вижу в природе, в мире, есть проявление моей жизни. И это фундаментальный вывод, возможно, выявляющий основу цыганского миро- и самопонимания.

Изложив эту интерпретацию данной молитвы высокообразованному рому-ловарю Тахиру, автор получил его одобрение с одним замечанием, что только образованные, думающие цыгане могут разделять ее. На вопрос о соответствии такого понимания цыганскому мироощущению Тахир ответил положительно [4].

Английский автор Реймонд Бакленд (Raymond Buckland) указывает на сохранившееся в Югославии почитание лингама как культа фаллоса (югославские цыгане называют его словом «кар», что означает, очевидно, «делатель, производитель», исходя из корневой семантики санскритского термина «кар» – «делать, совершать», от него происходит и слово «карана» – «причина»): «Тригг пишет: «Кар настолько священен... что он упоминается в [цыганских] молитвах» (Gypsy Demons, 1973)» [2].

Р. Бакленд отмечает также, что «Чарлз

Годфри Леланд (1824–1903), первый председатель Цыганского фольклорного общества, в своей книге «Цыганское колдовство и гадание» (Leland Ch. Gypsy Sorcery and Fortune Telling. London: Fisher Unwin, 1891) упоминает цыганскую богиню по имени Гана» [2]. Следует в данной связи отметить, что в Индии гана – это обозначение сонма полубогов, ответственных за различные природные стихии. Индийское божество с хоботом слона Шри Ганешу часто называют Ганapati («предводитель ганы (сонма) полубогов»).

В этой же книге содержится указание на святую, которую цыгане называют «Чёрная Сара» или «Сара Кали». Во многих отношениях она отличается от святой Сары у католиков. О ней есть две легенды. Согласно одной легенде, египтянка Сара была служанкой Марии Саломеи и Марии Якобы (матерей святых Якова и Иоанна, родственниц Марии Магдалины) и путешествовала вместе с ними. После жестокого шторма Сара спасла их, найдя по звёздам путь к берегу. Согласно второй, более интересной легенде, Сара была цыганкой из табора, оставившегося у реки; к нему и подплыла лодка со святыми [2].

Не вдаваясь в подробности данных историй (тем более что они вполне могли быть выдуманы в качестве прикрытия тайной символики данных образов и имен), отметим в них характерные индийские термины и имена: Гана, Кали, шиваистский лингамный символ «кар». Имя Сара может оказаться вовсе не именем собственным, а определяющим прилагательным. «Саро» на цыганском языке, как и «сарва» на санскрите и означать «всё», «весь». В этом случае смысловая нагрузка может быть с легкостью перенесена теперь уже на имя собственное «Кали» (известный шиваистский образ божественной матери в индийской ведической культуре).

Скрывая истинные значения символов и понятий за маской общепринятых образов и смыслов с целью безопасности, цыгане могли таким образом почитать любимый и еще не стершийся образ богини, выдавая его за христианский образ. В книге указано, что до 1912 г. в крипту со статуей Сара Кали могли войти только цыгане и что эта статуя находится рядом с древним языческим капищем, где якобы поклонялись Богу Митре, и хри-

стианским алтарем III в. Интересно отметить, что во время ежегодного праздника 25 мая статую Сара Кали несут к морю, где ее погружают в воду [2].

Стоит отметить, что омовение статуй характерно для ведической традиции. До сих пор на реке Ганга в некотором отдалении от берега прямо посреди потока часто устанавливают статуи почитаемых божеств (Шри Шивы (в г. Ришикеш, Уттаракханд Прадеш), Шри Ганги (в г. Харидвар, Уттаракханд Прадеш; г. Аллахабад, Уттар-Прадеш) и др.). Во время религиозно-ритуального действия (пуджи или яджны), как правило, статуи об-

ливают водой, молоком, простоквашей, маслом, осыпают кумкумом, турмериком, цветами, пеплом. Многие важные ритуальные действия проводятся именно на берегу священных рек.

Представляется уместным завершить данную статью словами известного индолога Е. Н. Успенской: «Мы должны знать, какая древняя история и культура живет в цыганском таборе, и как по-своему совершенна, как невероятно тонко продуманна ромская традиция жизни, как силен дух и велик оптимизм этих общинников, не умеющих жить поодиночке, и спасающихся этим» [9, с. 13].

Использованная литература:

1. Афоризмы из книги «Язык цыганский весь в загадках» [Электронный ресурс] // Цыгане России. URL: <http://www.gypsy-life.net/history43.htm> (дата обращения 14.12.15).
2. Бакленд Р. Цыгане. Тайны жизни и традиции [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: http://royallib.com/read/baklend_reymond/tsigane_tayni_gizni_i_traditsii.html#21248 (дата обращения 14.12.15).
3. Горлова И. И. Юг России: культурное многообразие и межкультурные взаимодействия // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 16–24.
4. Гуцалов А. А. Полевые исследования за 2013–2014 гг. Встреча с Тахиром Бобровым (26.02.2013). Личный архив автора.
5. Гуцалов А. А. Цыганское население Юга России: численность, этнические группы, основные проблемы // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 204–213.
6. Лепадату А. Цыгане: пугающее племя или устоявшийся стереотип? [Электронный ресурс] // Проект «Окно в Россию». URL: http://windowrussia.ru/2013_10_10/Cigane-pugajushhee-plemja-ili-ustojavshijsja-stereotip-3006/ (дата обращения 14.12.15).
7. Президента Румынии оштрафовали за оскорбление ромов [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация Федеральная национально-культурная автономия российских цыган. URL: <http://xn--80afhma1aipka1c6c.xn--p1ai/novosti/poslednie/10-02-2014-prezidanta-ruminii-oshtrafovali-za-oskorbleniya-romov/> (дата обращения 14.12.15).
8. Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. М.; София: Парадигма, 2009.
9. Успенская Е. Н. Предисловие научного редактора // Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. М.; София: Парадигма, 2009.

References:

1. Aforizmy iz knigi «Yazyk tsyganskiy ves' v zagadkakh» (Aphorisms from the book "Language Romani is Covered by the Riddles"), in *Tsygane Rossii*. <http://www.gypsy-life.net/history43.htm>. Accessed November 14, 2015.
2. Baklend, R., Tsygane. Tayny zhizni i traditsii (Roma. The Secrets of Life and Traditions), in *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com*. http://royallib.com/read/baklend_reymond/tsigane_tayni_gizni_i_traditsii.html#21248. Accessed November 14, 2015.
3. Gorlova, I. I., Yug Rossii: kul'turnoe mnogobrazie i mezhkul'turnye vzaimodeystviya (The South of Russia: the Cultural Diversity and the Intercultural Communications), in *Mezhnatsional'nye, mezhkul'turnye i mezhreligioznye otnosheniya narodov Yuga Rossii: tekhnologii ukrepleniya edinstva: sel. papers*, Krasnodar: Ekoinvest, 2015, pp. 16-24.
4. Gutsalov, A. A., Polevye issledovaniya za 2013–2014 gody. Vstrecha s Takhirom Bobrovym (26.02.2013) (Field Research for 2013-2014. Meeting with Tahir Bobrov (26 February, 2013)), *Personal Archive of the Author*.
5. Gutsalov, A. A., Tsyganskoe naseleniye Yuga Rossii: chislennost', etnicheskie gruppy, osnovnye problemy (The Roma Population of the Southern Russia: Number, Ethnic Groups, Basic Problems), in *Mezhnatsional'nye, mezhkul'turnye i mezhreligioznye otnosheniya narodov Yuga Rossii: tekhnologii ukrepleniya edinstva: sel. papers*, Krasnodar: Ekoinvest, 2015, pp. 204-213.
6. Lepadatu, A., Tsygane: pugayushchee plemya ili ustoyavshiyasya stereotip? (Roma: Scary Tribe or Deep-Seated Stereotype?), in *Proekt «Okno v Rossiyu»*. http://windowrussia.ru/2013_10_10/Cigane-pugajushhee-plemja-ili-ustojavshijsja-stereotip-3006/. Accessed November 14, 2015.
7. Prezidenta Rumynii oshtrafovali za oskorbleniya romov (The President of Romania Was Fined for the Insulting the Roma), in *Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya Federal'naya natsional'no-kul'turnaya avtonomiya rossiyskikh tsygan*. <http://xn--80afhma1aipka1c6c.xn--p1ai/novosti/poslednie/10-02-2014-prezidanta-ruminii-oshtrafovali-za-oskorbleniya-romov/>. Accessed November 14, 2015.

10. Французский депутат под следствием за оскорбление цыган [Электронный ресурс] // Euronews. URL: <http://ru.euronews.com/2013/07/24/french-mp-causes-outrage-over-hitler-remark/> (дата обращения 14.12.15).

8. Smirnova-Seslavinskaya, M. V. and Tsvetkov, G. N., *Tsygane. Proiskhozhdenie i kul'tura. Sotsial'no-antropologicheskoe issledovanie* (Roma. The Origin and Culture. Socio-Anthropological Study), Moscow; Sofiya: Paradigma, 2009.

9. Uspenskaya, E. N., Predislovie nauchnogo redaktora (Scientific Editor's Foreword), in *Smirnova-Seslavinskaya, M. V. and Tsvetkov, G. N., Tsygane. Proiskhozhdenie i kul'tura. Sotsial'no-antropologicheskoe issledovanie*, Moscow; Sofiya: Paradigma, 2009.

10. Frantsuzskiy deputat pod sledstviem za oskorblenie tsygan (The French MP on trial for insulting the Rom), in *Euronews*. <http://ru.euronews.com/2013/07/24/french-mp-causes-outrage-over-hitler-remark/>. Accessed November 14, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гуцалов, А. А., Цыгане: традиционная культура и современный мир [Электронный ресурс] / А. А. Гуцалов // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 44-55. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gutsalov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gutsalov A. A., *Tsygane: traditsionnaya kul'tura i sovremenny mir* (Roma: the Traditional Culture and the Contemporary World), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 44-55. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gutsalov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ТАЙСАЕВ Джабраил Мубарикович
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Северо-Кавказского государственного института искусств,
г. Нальчик, Россия
Dzhabrail M. TAYSAEV
Cand. Sci. (Ontology and Theory of Knowledge),
Assoc. Prof., Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Russia
taisauti@yandex.ru

Синдром привычной смерти

The Habitual Death Syndrome

В статье проводится анализ страха как одной из ведущих эмоций человека. Дается общая характеристика этого явления, а также выделяются основные виды страха. Показываются формы бытования и преодоления общественных страхов.

Ключевые слова: виды страха, культура, общество, страх, феномен.

This article analyses the fear as one of the main human emotion. The general description of fear and the types of fear are considered. The forms of existence and overcoming public fears are shown.

Keywords: kinds of fear, culture, society, fear, phenomenon.

Человек и человеческая культура, являясь системами саморегулирующимися и неравновесными, основанными на механизмах отрицательной и положительной обратной связи, реагируют на внешние и внутренние «вызовы» неадекватно сильно (положительная обратная связь) либо неадекватно слабо (отрицательная обратная связь). Аналогичными механизмами нелинейного взаимодействия с раздражителями обладают все живые организмы. Фритьоф Капра по этому поводу утверждает: «Пнуть камень и пнуть собаку – это две совершенно разные истории, как любил отмечать Грегори Бэйтсон. Камень будет реагировать на пинок согласно линейной причинно-следственной цепочке. Его поведение может быть просчитано на основе фундаментальных законов ньютоновской механики. Собака ответит структурными изменениями согласно своей собственной природе и (нелинейному) паттерну организации» [2, с. 238].

Сам Г. Бэйтсон объяснял это тем, что в первом случае энергию камню передает человек, во втором случае собака сама использует внутреннюю энергию [9, с. 101]. И точно так же человек и культурные общности могут реагировать на внешнее флуктуационное давление далеко не всегда соразмерно внешнему воздействию. Поэтому неудивительно, что такая картина наблюдается и в отношении человеческих страхов. Страх в данной работе автором понимается как форма душевного дискомфорта, формируемого в ответ на негативное воздействие реальных или надуманных факторов на человека и социальные общности. Как правило, страхи имеют вполне рационально обусловленную мотивацию, направленную на стимуляцию компенсаторных действий с целью нейтрализовать негативное воздействие либо, что бывает гораздо чаще, каким-либо образом избежать его. Однако далеко не всегда страхи имеют рациональный и адекватный

характер. Очень часто они проявляются в форме не мотивируемых (фобии) и неадекватных страхов. Во втором случае, страхи бывают либо неадекватно слабыми, либо неадекватно сильными.

В данной работе предметом рассмотрения является феномен неадекватности страхов в культурах. Следует особо подчеркнуть, что статья не является психологической, поскольку в ней рассматриваются не столько непосредственно фобии, сколько культуродаптивные эффекты страхов.

Известный российский психиатр Б.Д. Карвасарский выделяет восемь основных фабул страха: 1) боязнь пространства; 2) социофобии; 3) нозофобии - страхи заболеваний; 4) танатофобия – страх смерти; 5) страхи в сексуальной сфере; 6) страх причинить вред себе и близким; 7) «контрастные» фобии – страх совершить что-то непристойное; 8) фобофобии, или страх самих страхов [3]. Все указанные страхи носят в свою очередь биологический, социальный либо экзистенциальный характер. Но в рамках указанной статьи автора интересует, не качественная типология страхов, а количественная, иными словами, что заставляет одни страхи усиливаться несоразмерно вызовам, другие, напротив, неоправданно ослабевать.

Задача данной статьи заключается в поиске причин и мотивов, заставляющих страхи отдельных людей и социальных общностей, казалось бы, неоправданно ослабевать или столь же неоправданно усиливаться. Почему одни смертельно опасные вызовы человеком практически игнорируются, а другие, несущие пренебрежительно малые по вероятности риски, могут вызывать подчас неадекватно сильные страхи? Например, люди часто боятся летать на самолетах, гораздо больше, чем ездить на несущем куда как более реальную угрозу жизни и здоровью автомобильном транспорте. Или возьмем для сравнения частоты нозофобий СПИДа и гепатита С. Смертельные риски и частоты заболеваемости во втором случае выше, а частоты нозофобий выше в первом случае. Страхи по отношению к таким экзотическим заболеваниям, как геморрагическая лихорадка Эбола, свиной или птичий грипп или атипичная пневмония, также не сопоставимы с реальными рисками. Анало-

гичная картина наблюдается при сравнении страхов относительно маловероятных террористических актов с гораздо более реальными рисками бытовых убийств, когда значительная часть населения массово мигрирует из мест, в которых криминальная смертность на порядки ниже, но ничтожная часть этих смертей связана с громкими преступлениями террористического характера. Подобных примеров можно привести множество.

Остановимся подробнее на авиафобиях (страх полета). Почему они гораздо чаще встречаются в сравнении с теми же моторофобиями (боязнь автомобилей), при том что во втором случае смертность гораздо выше? Так, во всем мире в результате ЧП на авиатранспорте ежегодно погибают от 1000 до 1200 пассажиров. Это, конечно, много. Но для сравнения: такое же примерно количество людей находят свою смерть на дорогах только лишь одной Германии каждые два месяца [6]. Тем не менее страх дорог встречается несопоставимо реже. Самым распространенным объяснением такого несоответствия страхов, по нашим опросам, является то, что якобы в авиакатастрофе вероятность выжить чрезвычайно мала, тогда как в автокатастрофе аварии чаще всего не заканчиваются смертельными случаями. Вместе с тем это логическая ошибка. В действительности как раз этот факт дополнительно свидетельствует в пользу выбора авиатранспорта, поскольку это означает, что наряду с гораздо большей вероятностью погибнуть на дорогах, добавляется еще и множество возможностей получить травмы. Многие связывают это со страхом высоты, что тоже не совсем верно, поскольку, когда это необходимо, человек без всякого труда отключает этот страх, например в лифте, в горах или на балконе.

Атеросклероз многих пугает гораздо менее авиакатастроф, а ведь смертность от него превышает 25% от всех смертей, по данным ВОЗ [1]. Для того чтобы показать несоответствие страхов и рисков для вышеописанного случая, приведем следующий пример. Представим себе человека, который каждый день ест в общеизвестном предприятии быстрого питания, повышая и без того высокий уровень холестерина, рискуя в конце концов получить инфаркт или инсульт с последующим летальным исходом. Он знает о такой вероят-

ности и что она будет чуть ли не наверняка, но идет на это по необъяснимой беспечности. Допустим, этот же человек каждый месяц летает в командировку на самолете, поскольку не имеет иных возможностей. Он знает, что может разбиться, но летает так всю жизнь в страхе и умирает в итоге все равно от какого-либо сердечно-сосудистого заболевания, которого он не боялся совсем.

Можно также сравнить инсектофобии (боязнь насекомых) и арахнофобии (страх пауков). Не так много людей боится комаров больше, чем пауков. Вместе с тем статистика свидетельствует, что комары, вероятно, самые опасные насекомые в мире. Укусы даже безвредных видов комаров могут вызывать аллергическую реакцию вплоть до смертельного исхода в результате анафилактического шока. Еще опаснее малярийный комар, который обитает, в том числе и в России. От его укуса во всем мире инфицируются 350-500 млн человек и около 1,3-3 млн погибают [10]. Тогда как пауков, сколь-нибудь опасных для человека, в России практически нет.

Таких примеров можно привести множество, и все они связаны с меньшими страхами смертельного исхода от привычных и частых причин в сравнении с причинами более редкими и непривычными. Такое явление неоправданно заниженных страхов назовем синдромом привычной смерти.

Чем объяснить такую феноменологическую непропорциональность страхов? Рассмотрим наиболее очевидные причины:

1. Многие страхи связаны с наследственно обусловленными архетипами. Например, арахнофобия нами унаследована от предков¹, которые жили в местах, где пауки были далеко не столь безобидны; земмифобия (боязнь крыс) и прочие подобные зоофобии объясняются эпизоотологическими рисками, которые только в наше время не столь реальны. Однако это объясняет лишь незначительную часть страхов, те же авиафобии или фобии терроризма явно не могут иметь архетипического содержания.

2. Страхи во многом зависят от степени их наглядности. Зрелище гибели сотен людей в авиакатастрофе ужасает гораздо сильнее, чем одиночная смерть на дороге. Однако как тогда объяснить, например, феномен отклю-

чения страхов в военных компаниях, когда закаленные в боях люди после демобилизации испытывают гораздо больший ужас от любой одиночной смерти. Следовательно, эти страхи могут отключаться, когда это необходимо и поэтому следует выяснить причины их отключения или, напротив, усиления.

3. Во всем виновата пресса, которая буквально творит страхи. Думается, что здесь, фигурально выражаясь, не стоит ставить телегу впереди лошади. Пресса подчиняется тем же законам формирования страхов, что и общество. В погоне за тиражами и рейтингами она идет следом за обществом, не столько формируя его вкусы, сколько лишь удовлетворяя их. Впрочем, средства массовой информации вполне в состоянии усиливать уже имеющиеся страхи.

В чем же тогда истинные причины неадекватности многих страхов? Человек должен был научиться отключать страхи вплоть до страха смерти тогда, когда это необходимо. Например, на охоте, в военных столкновениях и т.д. И потому у человека выработался компенсаторный механизм отключения инстинкта самосохранения и даже страха смерти в необходимых случаях, иначе человек не смог бы совладать с нервными перегрузками и стрессами. Кроме того, выполнение многих опасных, но необходимых задач было бы невозможным. А началось все, вероятно, с осознания человеком своей смерти. Кто это был, – тот, кто впервые это понял, – Homo erectus или Homo ergaster, либо другой предок современного человека, – вряд ли мы это когда-нибудь достоверно узнаем. Ясно одно – это был серьезный стрессовый удар, и не все его выдерживали. Возможно, резко возросла смертность тех, кто не мог выдержать самой мысли о предстоящей неминуемой смерти (танатофобия), а осознание различных трансцендентных истин, вроде идеи жизни после смерти, еще не пришло. Выживаемость могла быть выше у тех гоминид, которые могли «отключать» инстинкт самосохранения, вернее, перенаправлять его на другие риски для жизни, зависящие от нашей воли. Полагаю, что именно эта реакция могла послужить началом для выработки синдрома привычной смерти.

Синдром привычной смерти широко используется не только в классических слу-

чаях мотивирования участников военных сражений, но и при подготовке «живых бомб» – камикадзе или шахидов. Достигается это посредством воспитания отношения к смерти как к чему-то привычному. Ведь в чем состоит принципиальная разница при сравнении с тем же больным атеросклерозом человеком, несмотря ни на какие риски потребляющим жирный гамбургер? Только во времени, да и то далеко не всегда.

Но есть и другое явление – синдром панического страха – его можно считать прямо противоположным синдромом. Не стоит смешивать синдром панического страха, как его понимает автор статьи, с фобиями. Фобии – это патологическая форма страха, характеризующаяся большей интенсивностью и навязчивым характером в стремлении избавиться от его источника [4]. Тогда как синдром панического страха не связан с какими-либо психическими отклонениями и чаще всего имеет не индивидуальный, а групповой характер. Действие данного синдрома является феноменом современного информационного общества, когда страхи оказываются неадекватно сильными, когда от самого страха может погибнуть больше людей, чем от источника этого страха. Например, при панике в давке или при землетрясениях от нервного стресса, вызывающего инфаркт, подчас гибнет больше людей, чем от самого источника опасности. Следует особо подчеркнуть, что данный синдром являлся вполне ординарным явлением всегда и во все эпохи, но до периода становления информационного общества панический страх был неким форс-мажором либо следствием неадекватной боязни, испытываемой отдельными субъектами. В нынешнюю эпоху панический страх превратился в обыденную данность. Связано это в первую очередь с искусственно навязываемыми посредством СМИ стереотипами. Можно предположить, что реальность, данная нам большей частью через опосредованные источники, все сильнее отдаляется от непосредственных субъектно-объектных отношений и все более абстрагируется, превращаясь в некие идеальные образы и штампы массового сознания.

Наиболее ярким примером проявления неадекватности социальных страхов можно назвать страхи, связанные с безопасностью

в северокавказских республиках, тогда как в действительности статистика свидетельствует о том, что по числу насильственных преступлений, включая и убийства, Северный Кавказ можно считать чуть ли не самым благополучным регионом [8].

Следует определиться с типологией страхов. Какие смертельные страхи чаще маскируются синдромом привычной смерти, а какие напротив, многократно усиливаются синдромом панического страха? К первому типу следует отнести перманентные страхи, которым мы подвержены сиюминутно, ко второму, соответственно, – страхи, случающиеся относительно редко. Назовем первый тип страхов перманентными страхами (страх неминуемой смерти, по крайней мере, от старости, страх заболеть смертельной неизлечимой болезнью, страх погибнуть в автокатастрофе, от руки грабителя и т.д.), второй тип – случайными страхами. Вероятность формирования неадекватных страхов в случае их случайности и редкости гораздо выше.

Синдром привычной смерти и синдром панического страха являются яркими примерами отрицательной и положительной обратной связи соответственно. Более того, по-видимому, тут срабатывает механизм смещенного поведения, описанный еще Н. Тинбергенем [7, с. 71-76]. Поскольку синдром привычной смерти принуждает сдерживать многие страхи, они, не находя выхода, накапливаются и, как только находят возможность для своей эффекторной реализации, изливаются панической волной либо сублимируются в часто ничем не мотивированные психозы и неврозы. И не случайно такие панические страхи гораздо больше характерны именно для наиболее защищенных от рисков культур Западной Европы, США, Канады или Японии. И чем более защищены культуры от перманентных страхов, тем более неадекватно сильна в них реакция на страхи случайные. Отсюда несложно понять, почему феномен терроризма раньше не был столь актуален. Это – оборотная сторона ослабления роли перманентных страхов в культурах. Мало того что перманентные страхи маскируются синдромом привычной смерти, – еще и сами источники этих страхов теряют свою роль по мере развития культур и их все большей

защищенности от опасностей. Но эти страхи сами по себе остаются в нас, каждый человек настроен на них, и если наша психика не находит выход в перманентных страхах, то она найдет выход в страхах случайных. И чем реже будет появляться источник этих страхов, тем более неадекватна будет реакция на них и тем на все менее существенные страхи человек будет реагировать. Этим культурным феноменом, когда страхи сохраняют свою значимость, невзирая на снижение роли самих опасностей, искусно пользуются различные «кукловоды», поскольку манипулировать массовым сознанием, особенно в наше время, совсем несложно.

Есть и еще один аспект, который может объяснить механизм этого парадоксального явления. Данный эффект известен в психиатрии как эффект регрессии [5] и представляет собой явление, когда человек в опасных ситуациях включает более детскую, инфантильную реакцию на внешние раздражители.

Использованная литература:

1. 10 ведущих причин смерти в мире [Электронный ресурс] // Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. № 310. 2013. Июль. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/index2.html> (дата обращения 12.10.15).
2. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: Гелиос, 2002.
3. Классификации страхов [Электронный ресурс] // Страхи и фобии. URL: <http://ctraxi.ru/klass.html> (дата обращения 12.04.15).
4. Кордуэлл М. Психология. А-Я: словарь-справочник. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
5. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 1998.
6. Матиенко Г. Самый безопасный вид транспорта [Электронный ресурс] // Еженедельник «2000». 2002. 8 ноябр. URL: <http://2000.net.ua/is/399/147-b8.pdf> (дата обращения 12.04.15).
7. Тинберген Н. Мир серебристой чайки. М.: Мир, 1974.
8. Щербакова Е. Несмотря на двукратное сокращение числа убийств, уровень преступности этого рода остается высоким [Электронный ресурс] // Демоскоп-weekly. № 505-506. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0505/barom02.php> (дата обращения 12.04.15).
9. Bateson G. Mind and Nature. N.Y.: E. P. Dutton, 1979.
10. Campbell N. A. Biology. 7th edition. Menlo Park: Addison Wesley Longman, Inc., 2005.

Часто это помогает, ведь известно, что дети гораздо легче переносят стрессы и волнения. Но тогда включаются детские страхи, которые далеко не всегда адекватны, отсюда и такие немотивируемые панические страхи с одной стороны, и столь же немотивируемое «мужество» – с другой. Получается, что страхи, которые ранее, и особенно в доцивилизационную эпоху, выполняли вполне утилитарную роль, в нынешнюю эпоху все чаще, не находя истинных опасностей, начинают сами рождать виртуальных чудовищ, становясь уже практически неотличимыми от фобий. И при этом многие действительно реальные источники опасностей никак не отражаются в адекватных страхах.

Проблема вполне решается просвещением, поэтому нужно активно включать все возможные средства масс-медиа в целях повышения уровня общей культуры населения и адекватного отражения реальной значимости тех или иных угроз для личности и общества.

References:

1. 10 vedushchikh prichin smerti v mire (The Top 10 Causes of Death), in *Informatsionnyy byulleten' Vsemirnoy organizatsii zdravookhraneniya*, no. 310, July, 2013. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/index2.html>. Accessed October 24, 2015.
2. Capra, F., *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivykh sistem* (The Web of Life: A New Scientific Understanding of Living Systems), Moscow: Gelios, 2002.
3. Klassifikatsii strakhov (The Classification of the Fears), in *Strakhi i fobii*. URL: <http://ctraxi.ru/klass.html> Accessed April 12, 2015.
4. Corduell, M., *Psikhologiya. A-Ya: Slovar'-spravochnik* (Psychology. A-Z: Reference Dictionary), Moscow: FAIR-PRESS, 2000.
5. McWilliams, N., *Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse* (Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process), Moscow: Klass, 1998.
6. Matienko, G., *Samyy bezopasnyy vid transporta* (The Safest Mode of Transport), *Ezhenedel'nik «2000»*, 8 November, 2002. URL: <http://2000.net.ua/is/399/147-b8.pdf>. Accessed April 12, 2015.
7. Tinbergen, N., *Mir serebristoy chayki* (The Herring Gull's World), Moscow: Mir, 1974.
8. Shcherbakova, E., *Nesmotrya na dvukratnoe sokrashchenie chisla ubiystv, uroven' prestupnosti etogo roda ostaetsya vysokim* (Despite the Halving of the Number of Killings, the Crime of This Kind Remains High), *Demoskop-weekly*, no. 505-506.

URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0505/barom02.php>. Accessed April 12, 2015.

9. Bateson, G., *Mind and Nature*, N.Y.: E. P. Dutton, 1979.

10. Campbell, N. A., *Biology*, Menlo Park: Addison Wesley Longman Inc., 2005.ms) [transl. from Balkarian language], Kuliev, K., Foreword, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983, 7th ed.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тайсаев, Д. М. Синдром привычной смерти [Электронный ресурс] / Д. М. Тайсаев // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 56-61. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Taysaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Taysaev, D. M., Sindrom privychnoy smerti (The Habitual Death Syndrome), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 56-61. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Taysaev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ДАВЫДОВА Ольга Евгеньевна

аспирант общеуниверситетской кафедры философии
Московского городского педагогического университета
Москва, Россия

Olga Ye. DAVYDOVA

postgraduate, University-Wide Philosophy Department,
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russia
bul130264@mail.ru

Концепция культурного многообразия Георгия Гачева

The Concept of Cultural Diversity by Georgy D. Gachev

В статье раскрываются содержание и сущность концепции изучения этнокультур, созданной известным российским философом и литературоведом Георгием Гачевым. Культура как духовный феномен национального бытия соотносится с исторической памятью народа, хранящей и передающей от поколения к поколению позитивные программы деятельности, поведения и общения людей. В каждой национальной самоидентичности фиксируются экзистенциальные дефиниции социокультурного саморазвития народов. Феномен этнокультуры не имеет прямой зависимости от социальных условий, но заключен в творческой одаренности народа, населяющего тот или иной географический регион, тождественный культурному ландшафту.

Ключевые слова: культурная традиция, этнос, «месторазвитие», нация, национальная культура, национальный космос, национальный логос, национальный образ народа.

The article describes the content and essence of the concept for studying the ethnic cultures, created by the well-known Russian philosopher and literary critic George Gachev. Culture as a spiritual phenomenon relates to the historical memory of the people, that stores, transmits (passes from generation to generation) and generates the positive programs of activities, behavior and communication between people. Each national identity fixed the existential definitions of social and cultural self-development of the peoples. An ethnic culture is not directly based on the general social conditions, but is directly dependent on the ability of the people, inhabiting a geographic region.

Keywords: historical memory of the people, culture and traditions, ethnic group, "mestorazvitie", the nation, national culture, national space, national logos, national image.

Юг России – сердце мира. Нет другого такого места на карте Земли, где на сравнительно небольшой площади территориального пространства, представлен богатейший калейдоскоп национального многообразия. Мир, гармония и нравственное благополучие проявляются здесь и в человеческих отношениях, и в роскошном природном ландшафте. Метафорически можно сказать, что это – золотое дно, Эльдorado, райские кущи для культурологов, этнологов, лингвистов

и прочих гуманитариев, которые исследуют этнокультурный феномен в своей профессиональной деятельности. Именно здесь можно наблюдать как нигде более, самоценностные элементы культуры: самобытность, языковые инварианты национальных форм бытия. Невероятный вмещающий ландшафт становится театром, где участники действия имеют уникальную возможность повседневно взаимодействовать друг с другом. Идеальная модель симфонического оркестра.

Глобализация, захватившая умы политиков в XX в., положительно предполагала единый информационный мир, решение социальных, экологических, ресурсных, и прочих проблем человечества, вплоть до единого мирового правительства. В культурном смысле подобная модель мироустройства должна стереть национальные особенности, что в результате приведёт к стиранию самого народа.

Теперь глобализация выступает как многополярный мир. А. Г. Дугин говоря о мировой культуре, констатирует: «Побочные эффекты глобализации возвращают общества к конкретному пространственному, культурному и подчас религиозному контексту. Это означает усиление роли этнической идентичности, рост значения конфессионального фактора, повышенное внимание к локальным общинам и проблемам. Если суммировать эти явления, то они вполне могут быть осознаны как стратегические позиции многополярного мироустройства, которые надо фиксировать, закреплять и поддерживать» [10, с. 331]. Нельзя не согласиться с философом, кроме того, современное понимание термина «национальная идентичность» тождественно понятию «историческая личность». Оно раскрывает общую закономерность культурно-исторического развития определённого народа.

Очевидно, что любой человек, имеющий представление о пространстве и времени, так или иначе, относит себя к определённому обществу окружающих его людей, с определёнными признаками поведения, правилами общепития, и определёнными представлениями о своём прошлом через родовую связь своей семьи с данным обществом, обычно получая информацию о положении конкретной его семьи в данном обществе. При этом с опытом, он усваивает обычные занятия, традиционные виды деятельности, критерии принятых в обществе и семье хорошо – плохо, и свой – чужой. Это применимо как на этническом уровне проживания, так и на культурно-историческом, в пределах той или иной географической территории и в каждой временной реальности. Воспринимая окружающую среду как некую модель, индивид соотносит себя с окружающим миром и самоидентифицирует себя по отношению к нему, как принадлежащего к определённой этнической, национальной или

идеологически-религиозной группой. Тем самым он подтверждает свою приверженность к культурной традиции своего народа, совершая свой выбор на основе внутреннего чувства родства с исторической памятью своего народа. Это является проявлением духовного феномена культуры, имманентно находящимся в национальном бытии и сознании. То есть культура реализует онтологически заданную в человеке потребность выразить себя в созидательном труде, гармонизирующем его отношения с обществом и природой – большой и малой.

Культура как духовный феномен соотносится с исторической памятью народа, который хранит и транслирует (передаёт от поколения к поколению), генерирует позитивные программы деятельности, поведения и общения людей. Данный феномен не имеет прямой зависимости от общих социальных условий, но обусловлен одаренностью народа, осознанной национальной самоидентичностью людей данного общества. Люди добровольно принимают господствующие в данном сообществе формы сознания, вкусы, нормы, ценности, разнообразные средства общения. Это позволяет иметь упорядоченный и предсказуемый характер жизни, так как делает человека причастным к конкретной этнокультуре. Социальная жизнь устраивается представителями общества согласно их внутренним устремлениям – этническим программам цивилизационного генокода в соответствии с внешними обстоятельствами, природными условиями проживания и потенциальными возможностями адаптации к ним личности.

В историческом развитии человечества культура порождается этносом. Этнос – это сообщество людей, имеющих общие происхождение, обычаи, традиции, верования, психологию, язык, а также привязанность к конкретной территории проживания. С точки зрения историка и географа Л. Н. Гумилёва [7], этнос – понятие географическое, а евразиец П. Н. Савицкий [12] привязывает само развитие этноса к месту, топографическому ландшафту как более широкой значимости для социобиологической общности, который характеризует через понятие «месторазвития», что предметно отражено в самобытном художественном наследии народов. И действительно, огромное

количество мифов, фольклора, история искусства свидетельствуют об укоренении народной традиции, одухотворяющей природно-географическую среду обитания и отношение к ней этнического сообщества.

Необходимым условием конструктивного взаимодействия разных народов является понимание того общего, универсального, общечеловечески значимого, что лежит в основе любой мировой культуры, и того традиционно уникального, самобытного, что лежит в основе культуры национальной. Данное противоречие часто и является предметом исследования философии культуры. Постараемся представить метод определения модели национальной общности на основе духовного источника, экстраполированного через образно-рациональную систему философского текста, раскрывающую национальную картину мира. Если мы с вами имеем одну этнокультурную принадлежность, то и эмпирических разногласий, скорее всего, не возникнет, или они не будут иметь принципиальных различий. В. Г. Белинский считал национальное первичным зерном [1, с. 95–97], из которого произрастают поэтапно, то есть – стадийно развиваясь: человек в своей природе, общество в своём историческом развитии, определяется духовная идея, совершается определённая деятельность, работа и создаётся та часть общечеловеческого достояния, называемого культурой. Содержание деятельности и творчества каждого народа подчиняется уникальной концепции принципов, заключённых во взгляде этого народа на окружающий мир. Мировоззрение, как правило, не выражается во внешних проявлениях однозначно и может трактоваться представителями иных культурных сообществ противоположно его действительному смыслу.

Исследования по вопросам иного мышления, манере понимания вещей и организации быта, было актуально уже в XVIII в. Поиски велись И. Кантом, И. Г. Гердером, Ж. Ж. Руссо, и их последователями, основателями романтизма в европейской литературе.

Ментальность – лежит в основе национальных способах умозаключений, создания и передачи художественного образа в искусстве, мифе, а далее в литературе, то есть это и есть – зерно национальной культуры. Из своеобраз-

ных суждений, укоренённых в исторической судьбе, структуре и формообразованиях национального языка, образуется национальное миропонимание, стремящееся в своём развитии к идеальному. Некоторые культурные антропологи утверждают – к универсальному. Универсализм как абсолютная идея или абсолютный дух, был предложен Гегелем, для решения философских задач, связанных с ядром философии. Практически, данное понимание законов духовного развития и культурной интерпретации, может быть полезно для философов, имеющих западный взгляд на вещи. Так, это имеет место, в попытках подогнать учёными возможные методы перевода с одного языка на другой. Известно, что для идентичного перевода, переводчик должен, как минимум, обладать знанием и пониманием того и другого языка как своего родного. Может, потому и нет ни одного авто переводчика в интернете, перевод которого на ваш язык был бы понятен вам, как носителю этого языка. Проблема «перевода» остаётся центральной для культуры.

Из сочинений литературного критика В. Г. Белинского о культуре мы узнаём, что с момента её зарождения она национальна и развивается стадийно как растение, границы межнациональных различий, по его мнению, постепенно стираются в результате взаимопроникновения и доступности плодов культуры. Таков прогноз глобализации в первой половине XIX в. в России. Белинский уверен, что наука займёт достойное место в обществе, так как все люди должны интересоваться достижениями просвещения, и национальные различия сотрутся [1].

Иной взгляд у русского мыслителя XIX в. Н. Я. Данилевского, описавшего известную концепцию «культурно-исторических типов», действующих в истории [11]. По его концепции, никакой сквозной прогрессивной линии развития единой цивилизации, понимаемой нами как глобализации, не существует. Но существуют на карте планеты отдельные народы, создающие свой самобытный культурно-исторический тип развития – «организм», оставляющий в истории после своего угасания памятники культуры, которыми можно пользоваться, но нельзя подражать. Таких типов Н. Я. Данилевский за период в несколько тыся-

четный выделил и кратко описал одиннадцать. При этом современный романо-германский культурно-исторический тип угасает, а новый славянский входит в пору роста и «цветения» культуры. На родине Данилевского эта концепция вызвала противоположные отзывы и споры, а в Европе в начале и середине XX в. ее продолжают О. Шпенглер и А. Тойнби. Немецкий философ О. Шпенглер пишет книгу «Закат Европы» [13], в которой особенность каждой культуры связывает с «материнским ландшафтом». Он удивляется, как эти «странные русские» могут «по-братски» относиться к чужим народам, особенно других типов культур. Сам же Шпенглер, вслед за Данилевским, прогнозирует, что «материнский ландшафт» России должен дать духовные всходы новой культуры, образ которой он связывает с именем Ф. М. Достоевского, и будущий её расцвет.

Высоко оценивая достижения культуры в развитии цивилизации, русский мыслитель Н. А. Бердяев, стал подробно разрабатывать понятийный аппарат собственно философии культуры. Он отождествил философию культуры с философией истории, которые должны иметь в своём начале, основании традиционное народное предание, находящееся внутри сознания каждого человека, позволяющее ему идентифицировать себя внутренним чутьём, интуицией среди других индивидов, этносов и культур. Человек как субъект культуры понимается Бердяевым заключённым в рамки исторической судьбы своего народа. Таким образом, национальная идентичность необходима для возможности вообще говорить о культуре и истории народа. Эта культура и история народа неизбежно соотносится с судьбой человечества. Индивид должен опознать свою родную судьбу и в своей судьбе – историческую судьбу. Именно так, через историческую память и причастность к ней представляет Бердяев отношение человека к своей родной национальной культуре. Определяя для России путь духовного Преображения, как единственный верный, но возможный лишь при условии создания экономического благополучия, которого у русского народа никогда не было. Тогда будет построена истинная философия культуры, которая невозможна при нищенском существовании людей [2, с. 22].

Национальную идентичность любой

человек определяет внутренним чувством, эмоциональным откликом и этическими установками под воздействием будущей судьбы народа. Различные проявления художественного творчества перестают ощущаться как подлинная ценность, всё это перестаёт вдохновлять. Стремление к наслаждению жизнью приводит к замене духовных ценностей на приобретение комфорта в быту, исключая сильные эстетические переживания. Большое «желание жить» появляется в эпоху культурного заката.

Необходимо отметить, что почти дословно это было повторено нидерландским историком Йоханом Хёйзингой и в поздних работах Мартина Хайдеггера, посвятившему гуманизму несколько философских статей. Речь идёт о внутренней экзистенциальной свободе человека, которая изначально строго ограничена рамками морально-нравственного идеала и чувством долга. Если тотальная социализация общественных отношений разрушает основу самоидентичности человека как субъекта культуры, ограничивает возможность творческой деятельности, необходимой для реализации потенциальных возможностей индивида, то напротив, культура всегда имеет национальный характер и национальные корни. Интернациональная культура как феномен духовной сущности – невозможна. Только техника носит интернациональный характер. Национальность есть культурно-исторический факт, утверждал Н. А. Бердяев. Культура не реализует новую жизнь, новый способ существования, но реализует новые ценности. Все достижения культуры более символичны, чем реалистичны. В её творческий период культура создаётся не ради практических целей, а ради самих ценностей. Представления об истине создаются ради самой истины и познания, представления о красоте – ради самой красоты, а представления о добре ради самой доброты. Философия культуры предметом своего познания имеет, с этой точки зрения, «духовную действительность», она есть «наука о духе, приобщающая нас к тайнам духовной жизни» [2, с. 22].

Мы видим: философская позиция Бердяева о национальной культуре лежит в духовных сущностных корнях, находящихся в глубине души человека. Судьба человека тож-

дественна судьбе его народа. При самоопределении каждый индивид необходимо должен почувствовать духовную связь с преданием своей родной культуры, своей исторической национальной принадлежностью. Ибо свободное и творческое развитие человека не может быть иным. Случайные флуктуации на пути движения России не имеют будущего, так как теряют своё духовное основание – прошлое, приобретают не свои свойства и обладают совершенно иными качествами, происходит трансформация культурного социально-генетического кода.

Сегодня в социальной философии и социологии широко обсуждается новое понимание категории «нация». Нация в современной науке описывается, прежде всего, как общность экономической жизни, территории, языка, и в последнюю очередь культуры. Однако, нация есть государство граждан, с общим происхождением и традициями; нация предполагает осознанное желание ее граждан жить совместно. На Западе в этой связи возникает термин «мультикультурализм», целью которого, является возможность «деконструкции национальных культур», что обостряет проблемы культурной самоидентификации народа, и часто приобретает вненациональный смысл (см. материалы, посвященные влиянию глобализации на этнические процессы в мире [9, с. 79–102]).

Перед угрозой глобализации новую жизнь вдохнул в исследование национальных культур во второй половине XX в. отечественный мыслитель, писатель и культуролог Г. Д. Гачев. Он создал свой метод исследования национальных культур в виде описания миропонимания тем или иным народом. Главная философская идея Гачева заключается в том, что между разными народами не может существовать антагонизма, ведущего к конфликтам на межнациональной почве, так как все народы наделены определёнными ценными качествами, которыми не обладают остальные. Эти качества дополняют друг друга, поэтому все народы уникальны и вместе представляют полноценную силу человечества и выполняют свою планетарную задачу, определённую логикой мироздания. Вместе все народы представляют собой «большой симфонический оркестр», в котором каждый испол-

няет свою партию, играет свою роль. У каждого народа существует то, что нет у другого. Из этого следует, считает Г. Гачев, что мы должны любить другие народы не потому, что они – такие как мы, а за то, что они другие, чем мы. Познавать чужую культуру нужно так, чтобы узнавать в ней новое, непохожее и, принимая это «не моё» как своё, становиться душевно богаче, гармоничнее и счастливее: «питать друг друга смыслами» [3, с. 423].

В связи с происходящими процессами адаптации наций к условиям глобализации надо учесть, что в России достаточно сильна ценность традиции, а именно этническая культура воспринимается как обеспечивающая преемственность поколений, придающая устойчивость социальному развитию, наполняющую смыслом прошлое, а значит и будущее народа. Согласно данным социологических исследований, культурная идентичность для российских народов обладает гораздо большей значимостью, чем идентичность гражданская. Культурная идентичность, которая проявляется, прежде всего, в языковой общности, а также религиозная терпимость и взаимопонимание между различными религиозными конфессиями, сложившиеся исторически в России, проявляются здесь гораздо ярче, чем во многих других полиэтнических государствах, где идентичность основана, в большей степени, на гражданских принципах и на идее нации.

После выхода из печати книги Георгия Гачева «Национальные образы мира» [4] автором были реконструированы 20 культурных моделей. Наконец, он пишет книгу, где объясняется его исследовательский метод. Иначе говоря, представив ключевые аспекты своего подхода, автор даёт описание некоторых национальных моделей миропонимания, он обобщил материалы многолетней работы, из которых читатель может составить алгоритм для анализа национальных и этнических особенностей разных народов. Его последний опубликованный при жизни труд «Космо-Психо-Логос» [3] является методологическим ядром серии сравнительных описаний культур и миропониманий разных народов. Вот как сам Г. Гачев объясняет название своей книги: «Главное понятие: Космо-Психо-Логос, что значит: тип местной природы, характер

человека и национальный ум находятся во взаимном соответствии и дополнительности. Труд и Культура в ходе истории восполняют то, что не дано стране от природы. КОСМОСОФИЯ – так бы я обозначил свой подход. Ею исследуется мудрость Природы: те идеи и цели, на которые она наводит свой народ» [3, с. 4]. Принятая Г. Д. Гачевым традиция описания мира через язык «четырёх стихий» Природы, обретает новое звучание сегодня в свете экологических проблем. Это позволяет говорить о том, что путь разрабатываемый Георгием Гачевым, один из путей коэволюции в развитии человечества.

Гачев воссоздает национальные картины мира с помощью образного мышления, считая невозможным ограничиться рационалистическим взглядом на вещи. Линейный подход к миропониманию неприемлем, считает он, как и любой подход, требующий однозначных ответов и оценок, отрицающий многокрасочность и полутона, ограничивающий и не допускающий гармонию многообразного мира. Свой методологический подход автор излагает «мыслеобразами», разделяя абстрактно-ассоциативное образное мышление и «привлечённое мышление», то есть мысли, возникающие из наблюдения конкретных жизненных ситуаций и рассматривая единый исторический процесс «с полюсов национального бытия». Народ – дитя природы и родины. Природа и Культура находятся в отношениях диалога и дополнительности: «Национальное (как и этнос, и язык), конечно, подвержено социальным, классовым дифференциям, растяжениям и расколам (“две культуры в каждой национальной культуре”)... но нужно выяснить, что может быть раскалываемо. Национальный образ мира складывается в религиозных пантеонах, космогониях, просвечивает в наборе основных архетипов-символов в искусстве» [3, с. 10]. Отделяя общечеловеческие неделимые для любой национальной культуры черты, автор буквально нащупывает решение, схваченное из незначительных, еле-уловимых признаков, особенности конкретного народа, чаще всего из художественных литературных произведений, которые всегда несут эмоциональную окраску и чаще всего показывают вектор движения [5]. Второе, конечно, топография. Определившись с

координатами и ландшафтными особенностями, он переходит к натурфилософии. В звучании национального языка определяет стихии, их значимость, избыточность и недостаток того или иного компонента. На этом этапе исследования определяет занятия людей, их виды деятельности, чаще всего встречающийся темперамент. Высшие задачи и цели этноса открываем в мифологии, и в общих чертах можно ответить, что восполняет конкретный народ в своём стремлении, не имея этого от природы, что пытается преобразить. Это всегда будут духовные задачи, питающие культурные ростки.

Работы Г. Д. Гачева являются в некотором смысле послесловием книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», повествующей о ценности культурно-исторического типа того или иного народа. Гачев считал размышления Данилевского актуальными и непревзойдёнными сегодня, как политолога. В этюдах о русских религиозных философах в «Русской думе» он пишет: «толковый реалист и деятель, неутомимый шелкопряд ткани русской цивилизации» [6, с. 37]. С точки зрения Георгия Дмитриевича в этом труде даны принципы концепции Государства, противопоставленные Н. Я. Данилевскому Ф. М. Достоевским, который выявляет и синтезирует концептуальные основы Личности. Как и в любом «научном методе», отмечает Гачев, у Данилевского отсутствует дыхание, «дух живой», не видит Данилевский, что «кроме Судьбы есть Свобода – воли и усилия превозмочь заданность природы и вещества». В «России и Европе» не ставились проблемы личности, там даётся обобщение не только русского, но и всех славянских народов, объединённых Н. Я. Данилевским в один культурно-исторический тип, выделяемый автором. В то время, как Г. Д. Гачев в опытах экзистенциальной культурологии исследует общие национальные качества, собираемые из глубоко личных для любого человека проявлений архетипа. Он заглядывает внутрь представлений человека, смотрит на мир его глазами, ощущает внешнюю среду и выстраивает его логику мышления, как представителя той или иной национальности сравнивая их между собой. Нечто подобное пытаются сделать представители трансцендентальной феноменологии, только они при-

бегают к более абстрактному методу. Ту же смысловую цель преследует М. Хайдеггер в своём герменевтическом методе, но не выходит за пределы миропонимания своей родной нации. Своеобразным способом представляет духовную составляющую культуры Николай Александрович Бердяев: с помощью мистики, которая была для него очень конкретным и определённым духовным элементом познания. Удивительно, что данная тема – не целина, а неоднократно паханое поле. Практически все значимые фигуры отечественной и зарубежной философии обязательно касались национальных особенностей культуры, причём очень органично и естественно, что не давало даже поводов к принципиальным разногласиям, и чаще всего было само собой разумеющееся. Откуда возникают проблемы межнациональных конфликтов? Всегда легко определить, что настоящими причинами будет материальная заинтересованность кого-либо, или территориальный спор, в котором одна из сторон непременно хочет захватить (отобрать) у другой более выгодную экономически или удобную для жизни территорию. Но этнокультурный фактор сам по себе не может являться причиной конфликта. Если кто-то об этом говорит, может делать это с целью провокации или, пытаясь отвлечь от реальных причин и целей заинтересованных лиц.

На протяжении всего XX в. подробно рассматриваются истоки культурных процессов: у Н. А. Бердяева о «предании культуры» («Смысл истории», «Новое Средневековье»), у Освальда Шпенглера о «пра-символах культуры» и «материнском ландшафте» в «Закат Европы», у Й. Хёйзинги «Человек играющий» и «В тени завтрашнего дня», у М. Хайдеггера «Исток художественного творения». Нельзя обойти Евразийскую концепцию. Л. Н. Гумилёв продолжает исследования о космоэтногенезе «Этногенез и биосфера Земли» [8]. Георгий Гачев в своем исследовании национальных образов мира, опирается на своих предшественников. Новизна взгляда и своеобразии автора в изучение этнических архетипических черт, которые имманентно присущи общности, которую исследует мыслитель в многомерности ракурсов, сравнении и сопоставлении с иными типами культур, – это

первое. И второе, в форме тех заключений и выводов, которые предъявлены читателю. Обязательно включается в содержание не только реконструкция быта, традиций, обычаев, но и их онтологическое осмысление через определённую идею, призвание, причину и роль в истории человечества. Первоисточник национальной целостности у Г. Гачева составляют: природа (пространство–время), этнос, язык, история, быт, труд, культура – музыка, танец, игры, литература, наука. История у него имеет два измерения: по вертикали и по горизонтали. Если рассматривать историю по горизонтали, происходит уход культуры от национальной сути к единой мировой цивилизации. При вертикальном рассмотрении – народ стремится к тождеству со своей природой: «... приноравливается к Природе и в одежде, и в вещах быта, и в красках живописи, в песнях; телодвижениями в танце очерчивает структуру национального пространства-времени» [3, с. 17]. Хотя Гачев отказывается от логической обязательности и скорее «показывает, а не доказывает», глубина изображения национальной целостности в книге не теряет в своей полноте, оставляя читателю право иметь свою точку зрения. Возможно, это происходит от манеры рассуждения автора и формы дневниковых записей.

Самым трудным, считает Гачев, является понимание логики мышления другого народа, национальный Логос. Механизм выхода коллективного бессознательного в сознание заключается в образном априоризме, «что залегает под рассудочным и понуждает в своём силовом поле опилки рассудочных выкладок так или иначе располагать. Но это силовое поле – уже «сверх» или «под» логикой: оно истекает из всего бытия данного народа, включая и особый склад природы (материю, вещество), быт, язык и историю (культуру), этнос и характер (психику)» [3, с. 21].

Критерии сравнения национального Космоса, психологии и Логоса автор устанавливает, рассматривая каждый элемент отдельно для каждого народа, в предметах культуры и быта он видит «книгу человеческой психологии». Космос интересен автору «натурфилософски»: как происходит его «переливание» в национальный склад мышления и творчества. Предпосылкой своего исследования

автор называет очевидные факты истории XX в., в ходе которого все народы сблизились и унифицировались по быту, информационным возможностям и мышлению. Все народы пользуются достижениями информационных и инновационных технологий, а население стран понимается как общество потребителей товаров и услуг без оглядки на ментальности и национальные особенности. Это не подлежит делению на национальности и общезначимо, это общечеловеческие или всечеловеческие технические достижения людей – ценности западной цивилизации привитые и воспринятые остальными. Но разным, необщим, особенным остаётся всё-таки у каждого народа свой инвариант бытия, и ценностные ориентиры, всё реже вспоминаемые в гонке за личным успехом. Текст Г. Гачева сильно концентрирован, насыщен, не прост в изложении и бывает труден для чтения. В нём переплетены художественные образы естествознания,

с помощью которых он исследует философский контекст гуманитария, повествующего о историко-географической сущности поэзии и музыки в проекции на цвето-ритмический смысл человеческого существования. Для Гачева характерна многослойность смыслов в построении предложения характерного для сказителя былин, неологизмы, стилевые обороты и формы речи. За сбивающей с толку наивно-упрощённой интонацией былинного изложения: «сказания о... чуде», непривычной для читателя научных трудов, можно определённо отметить как вознаграждение за труд – удивительный юмор и самоирония автора. В то же время вспомним Сократа, уверенного, что процесс познания начинается с удивления чем-либо. Г. Д. Гачев удивляется и удивляется постоянно как поставленными вопросами, так и выводами, которые вытекают из его рассуждений.

Использованная литература:

- 1.Белинский В. Г. Общее значение слова литература // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во худ. лит., 1948. Т. 2. С. 84–118
- 2.Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 203–220.
- 3.Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007.
- 4.Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
- 5.Гачев Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989.
- 6.Гачев Г. Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991.
- 7.Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. М.: Наука, 1999.
- 8.Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИ-ДИК, 1997.
- 9.Гусейнов А. А., Луков В. А., Гуревич П. С. Что означает крах мультикультурализма? // Вестник аналитики. 2011. №3 (45). С. 79–102.
10. Дугин А. Г. Многополярность и мировая культура // Теория многополярного мира. Плюриверсум. М.: Академический проект, 2015.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Известия. 2003.
12. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
13. Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. М.: Айрис пресс, 2004.

References:

1. Belinskiy, V. G., Obshchee znachenie slova literatura (Common Meaning of the Word "Literature"), in *Belinskiy, V. G., Sbranie sochineniy*, in 3 vols., Moscow: OGIz, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoy Literatury, 1948, vol. 2, pp. 84-118.
2. Berdyaev, N. A., Volya k zhizni i volya k kul'ture (The Will to the Life and the Will to the Culture), in *Berdyaev N. A. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e*, Moscow: Kanon+, 2002, pp. 203-220.
3. Gachev, G. D., *Kosmo-Psikhо-Logos* (Cosmo-Psychology), Moscow: Akademicheskij projekt, 2007.
4. Gachev, G. D., *Natsional'nye obrazy mira* (National Images of the World), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1988.
5. Gachev, G. D., *Neminuemoje. Uskorennoje razvitie literatury* (Inevitable. Accelerated Development of Literature), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
6. Gachev, G. D., *Russkaya дума. Portrety russkikh mysliteley* (Russian Thought. Portraits of Russian Thinkers), Moscow: Novosti, 1991.
7. Gumilev, L. N., *Geografiya etnosa v istoricheskiy period* (Geography of the Ethnos in the Historical Period), Moscow: Nauka, 1999.
8. Gumilev, L. N., *Etnogenez i biosfera Zemli* (Ethnogenesis and the Biosphere of Earth), Moscow: DI-DIK, 1997.
9. Guseynov, A. A., Lukov, V. A. and Gurevich, P. S., *Chto oznachaet krakh mul'tikul'turalizma? (What Does the Collapse of Multiculturalism Mean?)*, *Vestnik analitiki*, 2011, no. 3 (45), pp.79-102.
10. Dugin, A. G., *Mnogopolyarnost' i mirovaya kul'tura* ("Multipolarity" and the World Culture), in *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Plyuriversum*, Moscow: Akademicheskij projekt, 2015.

11. Danilevskiy, N. Ya., *Rossiya i Evropa* (Russia and Europe), Moscow: Izvestiya. 2003.
12. Savitskiy, P. N., *Kontinent Evraziya* (The Continent of Eurasia), Moscow: Agraf, 1997.
13. Spengler, O., *Zakat Evropy* (The Decline of the West), in 2 vols., Moscow: Ayris press, 2004.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Давыдова, О. Е. Концепция культурного многообразия Г. Д. Гачева [Электронный ресурс] / О. Е. Давыдова // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 62-70. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Davydova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Davydova, D. M., Концепција kul'turnogo mnogoobrazija G. D. Gacheva (The Concept of Cultural Diversity by Georgy D. Gachev), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 62-70. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Davydova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

БАНИЖЕ Олег Николаевич
независимый исследователь,
Москва, Россия
Oleg N. BANIZHE
Independent Researcher
Moscow, Russia
banigeon@mail.ru

Взаимодействие души и тела как основная проблема философской антропологии

В статье анализируются основные концепты и курсы рассмотрения взаимодействия души и тела как основной проблемы философской антропологии. Автор отмечает, что душа и тело обозначают традиционно разные субстанциальные качества человека, их конфигурация складывается в процессе участия индивида в сложившихся социокультурных практиках. В зависимости от трактовки наблюдается как амбивалентное, так и целостное понимание человека и его сущности. Последнее предполагает рассмотрение души и тела как субстанциальных качеств индивида, объединенных формами активности, энерго-информационного взаимодействия, языковыми практиками..

Ключевые слова: тело, телесность, культура, культура телесности, антропологический подход.

Interaction of Soul and Body as a Main Issue of Philosophical Anthropology

The article analyzes the basic concepts and angles of considering the interaction of body and soul as the main problem of philosophical anthropology. The author notes that the soul and the body indicate the traditionally different substantial human qualities, their configuration formed in the course of an individual's participation in the current socio-cultural practices. Depending on the interpretation both ambivalent and integral understandings of man and his nature are observed. This involves the consideration of body and soul as the substantial qualities of the individual combined by the forms of activity, the energy-information interaction and the language practices.

Keywords: body, corporality, culture, culture of a corporality, anthropological approach.

Актуальность тематики по проблемам человеческой телесности обусловлена телесными и культурными практиками современного общества: техники строительства тела, практики здорового образа жизни и долголетия, косметологические практики эстетического совершенствования и трансформации тела и пола, новые практики физической культуры, танца, и др. Современные генетические, медицинские практики субстанциональной трансформации организма нуждаются в гуманитарном осмыслении и нормативной легализации. Гендерная революция в современном социуме также порождает переоценку традиционных ценностей

и образа жизни. В современном массовом обществе телесные образы и практики приобрели вес символического капитала. В то же время, современная ситуация ставит индивида и социум перед множеством противоречий, касающихся природы и сущности человека – питание, движение, информатизация, и др. Между тем в гуманитарной науке по-прежнему существует тенденция отрыва мировоззренческой и культурно-ценностной проблематики от соматической.

В течение многих десятилетий в отечественной философии и теории культуры проблематика телесности была маргинальной. Она затрагивалась косвенно. Доминирующи-

ми были онтологический, гносеологический, деятельностный, историко-материалистический подходы. Концепты «бытие», «сознание», «общество», «природа», «субъект», «объект», «практика», «класс», «личность» не включали в себя проблему «душа-тело». «Душа» не включалась в число современных концептов. Концепт «сознание» соотносился с мозгом, а информационный подход вообще не нуждается в «душе».

Тематика духовности и телесности стала активнее обсуждаться тогда, когда в отечественной философии и теории культуры стали разрабатываться антропологические идеи – Г. С. Батищев, М. М. Бахтин, П. С. Гуревич, Б. Т. Григорян, М. С. Каган, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Б. В. Марков и др.

В постсоветский период эта тематика получила разработку в работах Н. Н. Бугуевой [1], И. М. Быховской, В. А. Подороги, Л. В. Жарова, и др.

Результаты. Недооценка отрицательной роли дуализма в решении антропологической проблемы приводит к утрате глубины понимания чувственной природы человека, ведь в актуальном звучании чувственность объединяет в себе телесное, сенсуальное, влечение, ощущение, эстетическое, коммуникативное содержание. Рационалистический уклон отчуждает человека от природы, а ведь уже Л. Фейербах продемонстрировал, что именно чувственно-нравственные качества альтруизма определяют сущность человека, ставя его на вершину природы. А русский мыслитель П. А. Кропоткин обосновывал, что основой прогресса является не вражда, а взаимопомощь (см. [5, с. 247]).

Проблема дуального характера человеческой природы как взаимосвязи души и тела характерна для западной традиции. Как таковая, она дает себя знать именно при антропологическом подходе, но проявляется и в противоречиях гносеологического и онтологического подходов. Особенно рельефно это обозначилось в эпоху механицизма. Р. Декарт механически противопоставил тело и душу как протяженную и непротяженную субстанции. В этом случае мы констатируем, что научная экстраполяция оказалась непродуктивной для антропологии. Для снятия противоречия Декартом была сформулирована надуманная

гипотеза о шишковидной железе как органе-посреднике души и тела.

Дуалистический подход является доминирующим в западной традиции. Он создает, с нашей точки зрения, не только внутринаучные методологические и теоретические трудности, но и мировоззренческие, в том числе в воспитании и образовании. Трагизм дуалистической позиции заключается в том, что отрыв души от тела не позволяет объяснить энергетические основы активности человека.

Но как достичь монизма? Для этого надо преодолеть противоречия физического и психического, объективного и субъективного. Для этого принципиальное значение для антропологии имеют концепты «энергия» и «деятельность».

Важный шаг на пути объединения психических и энергетических процессов сделал З. Фрейд, на что указывает Е. А. Косилова (см. [3, с. 49]). Это очень важный шаг, так как в западной традиции по преимуществу динамика и активность человеческого тела, психических процессов, мышление оторваны от своей энергетической основы.

З. Фрейд стал придавать «энергии» не только физический, но и биологический и психологический смысл. Он сочетает понятие энергии как с влечением, так и с мышлением и использует понятия «свободной» и «связанной» энергии [4, с. 588]. Дело в том, что процесс связывания энергии психоаналитик трактует как переход от неосознаваемого к осознанию [3, с. 56]. В психоанализе осознание понимается как переход от невербализованного к вербализованному состоянию, осознанию желания, мотива, себя. Сознание, в соответствии с отечественной традицией, является осознанием, контролем себя, своих поступков, своих целей. Это касается не только мыслительных процессов, но и контроль чувственности, волевых проявлений, телесных состояний. В состоянии сознания человек понимает норму, например, ему очевидно, какие телесные проявления приличны прилюдно, а какие – нет.

В специальных науках идет дискуссия по поводу локализации сознания. Нарушения сознания могут быть связаны с поражением разных участков мозга [7, с. 14]. В отличие от нейрофизиологии и других специальных

наук, в антропологии мы считаем возможным придерживаться широкой трактовки о том, что носителем сознания, как и носителем психики, речи и деятельности является человек в единстве его телесной и психической организации. Носителем души (психики, сознания, мировоззрения, ментальности) является индивид, имеющий человеческую телесную организацию и способный к осуществлению социальных практик – игровых, трудовых, коммуникативных, духовных и др. Сложность ситуации заключается в том, что человеческий индивид обладает как общими, так и уникальными сочетаниями духовных и телесных качеств.

Но что интегрирует различные телесные и психические процессы, делает их осознанными и целенаправленными?

С нашей точки зрения, в этом пункте следует говорить о языке. Человек не только целостная энерго-информационная, деятельная система. Он также является языковой, коммуникативной системой. Это языки мозга [6], вербальные языки, языки культуры, технологии, и пр. Человек своей телесной и ментальной организацией включен в большое многообразие знаковых систем и сам является носителем множества языков. С помощью языка человек осознает образ мира, в котором он существует, конструирует картину мира, объясняет все, что происходит с ним в мире. С помощью языка он осознает и идентифицирует Я, соотносит себя с другими, получает и распространяет информацию. Внутренняя интеграция себя, начиная от уровня телесности, заканчивая своими убеждениями, происходит с помощью языков разного уровня. Интеграция в социальные, политические и этнокультурные общности достигается посредством языковых средств. Недаром В. П. Зинченко отмечает, что «посредством чувственности, движений, эмоций слово впитывает в себя мир, становится плотью и вырастает в плодоносящее древо языка» [2, с. 130-131].

Борьба двух «начал» – телесно-биологического и духовного заложена в человеке генетически. Человек является носителем генетических и культурных кодов. Согласно данным социобиологии даже на генетическом уровне уже существует альянс природных и культурных факторов, predisposing

генетическую детерминацию культурных предпочтений, так и об обратном «давлении» культурных факторов на гены через эволюцию (см. [8]).

Согласно предположению В. П. Зинченко, культура как социальная память воздействует на ребенка через мать, родителей, окружение, воспитателей и предзадает формирование эмоций, чувственности, образов и других пучков смыслов. Человеческая телесность окультурена изначально как внешне, предметно и знаково, так и внутренне. Данные науки показывают, что младенец через запах, гуление, лепет, плач, улыбку, движения рук и др. с первых недель жизни начинает улавливать «свое» и «чужое», приспосабливаться к интонации, подражать. В совместном общении он рождает первые чувственные знаки и, таким образом, творит культуру.

Ребенок изначально включен в телесные и духовные практики. С ним коммуницируют врачи, воспитатели, родители, тренеры, сверстники, служители церкви, педагоги и др. Телесная и духовная фигуративность формируется не путем биологической предзаданности и вожделий и не путем внешнего воспитательного воздействия, а через его соучастие в гигиенических, гастрономических, речевых, игровых, духовных практиках. Язык эмоций и эмоциональные коды на первых этапах порой важнее, так как именно через них формируются нравственные, эстетические, интеллектуальные чувства и качества.

Таким образом, душа и тело обозначают традиционно разные субстанциальные качества человека. В науке эти термины устарели, но в повседневной жизни, религиозной лексике, в антропологии используются. В зависимости от своей трактовки, эти понятия могут вести к целостному или амбивалентному пониманию человека и его сущности. Целостная трактовка предполагает рассмотрение души и тела как субстанциальных качеств индивида, объединенных формами активности, энерго-информационного взаимодействия, языковыми практиками. Тело и душа составляют стороны человеческой личности, их конфигурация складывается в процессе участия индивида в сложившихся социокультурных практиках, к которым он приобщается с первых шагов своей жизни.

Использованная литература:

1. Бугуева Н. А. Телесность человека в социокультурном контексте современности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2012.
2. Зинченко В. П. Шепот прежде губ, или что предшествует эксплозии детского языка? // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 33–66.
3. Косилова Е. В. Энергетическая онтология психоанализа // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. М.: Современные тетради, 2006. Вып. IV. С. 44–57.
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
5. Поляков А. П. «Кропоткин Петр Алексеевич» // Русская философия: словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995.
6. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс, 1975.
7. Хомская Е. Д. Сознание как проблема нейропсихологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 14: Психология. 1999. № 4. С. 3–20.
8. Lumsden C. J., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture: The Coevolutionary Process. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
1. Bugueva, N. A., Telesnost' cheloveka v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti (Human Corporeality in Social and Cultural Context of our Time), *Extended Abstract of Cand Sci. Dissertation (Social Philosophy)*, Chelyabinsk, 2012.
2. Zinchenko, V. P., Shepot prezhde gub, ili chto pedshestvuet eksplozii detskogo yazyka? (Whisper before the Lips, or What Precedes the Explosion of Children's Language?), *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2008, no. 2. pp. 33–66.
3. Kosilova, E. V., Energeticheskaya ontologiya psikhoanaliza (Energetic Ontology of Psycho-Analysis), in *Aspekty: Sbornik statey po filosofskim problemam istorii i sovremennosti*, Vyp. IV. Moscow: Sovremennyye tetradi, 2006, pp. 44–57.
4. Pontalis, J.-B. and Laplanche, J., *Slovar' po psikhoanalizu* (Dictionary of Psycho-Analysis), Moscow: Vysshaya shkola, 1996.
5. Polyakov, A. P., Kropotkin Petr Alekseevich (Kropotkin Peter Alexeevich), in *Russkaya filosofiya: Slovar'*, Maslin, M. A., Moscow: Respublika, 1995.
6. Pribram, K., *Yazyki mozga. Eksperimental'nye paradoksy i printsipy neyropsikhologii* (Languages of the Brain; Experimental Paradoxes and Principles in Neuropsychology), Moscow: Progress, 1975.
7. Khomskaya, E. D., Soznanie kak problema neyropsikhologii (Consciousness as a Neuropsychological Problem), in *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 14: Psikhologiya*, 1999, no. 4, pp. 3–20.
8. Lumsden, C. J. and Wilson, E. O., *Genes, Mind and Culture: The Coevolutionary Process*, Cambridge: Harvard University Press, 1981.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Баниже, О. Н. Взаимодействие души и тела как основанная проблема философской антропологии [Электронный ресурс] / О. Н. Баниже // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 71-74. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Banizhe.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Banizhe, O. N., Interaction of Soul and Body as a Main Issue of Philosophical Anthropology, *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4. pp. 71-74. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Banizhe.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

ТУГУЗ Гошсим Туркубиевна
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник отдела языка
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
г. Майкоп, Россия

Goshsim T. TUGUZ

Cand. Sci. (Caucasian Languages),
Leading Researcher, Department of Language,
Adygeya Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
cmarieta@mail.ru

Отражение темы мужества в адыгском эпосе «Нарты» (цикл Шабатыныко)

В статье рассмотрено значение героического эпоса «Нарты» для адыгского (черкесского) народа, сила и мужество, отважность и храбрость нартского героя Шабатыныко, анализируются фразеологизмы, отражающие силу и мужество нартского героя.

Ключевые слова: адыгский народ, история, культура, искусство, нартский эпос, сказания, мужество, фразеологизмы, язык, диалекты.

The Reflection of the Courage in the Circassian Epos “The Narts” (The Cycle of Shabatynyko)

The article considers the significance of the heroic epos «The Narts» for the Adyghe (Circassian) people. Power and courage, bravely and valiancy of the Nart hero Shabatynyko were reflected in the idioms that are analysed in the article.

Keywords: Adyghe people, history, culture, art, Nart epos, legends, courage, idioms, language, dialects.

Эпос «Нарты» – это жемчужина адыгского фольклора, которая стала богатым украшением коллекции эпоса разных народов мира. Издание, составленное и подготовленное к печати известным всему миру ученым-нартоведом А. М. Гадагатлем и изданное Адыгейским республиканским институтом гуманитарных исследований, стало большим событием в культурной жизни Республики Адыгея. Нартские сказания представляют всему миру адыгов (черкессов) и их уникальную культуру.

Для нас, адыгов, героический эпос «Нарты» является памятью многовековой истории народа, его мудрости и художественным отражением его традиций и нравов. Дух нартских богатырей на земле адыгов (черкессов) проявляется сильно в жизни, фольклоре и искусстве адыгского народа.

Аскер Гадагатль оценивал «Нарты» как «Величайшее народное творение, выдающийся памятник древней культуры и искусства, как самое ценное и гениальное из всего, что

создано и сохранено народным искусством адыгов за их многовековую жизнь» [1, с. 82].

Монументальность героического эпоса «Нарты» заключается не только в объеме, хотя он очень внушителен – это издание адыгских (черкесских) народов состоит из семи томов оригинальных текстов на разных языках и диалектах традиционной речи, который впитал все богатство и многообразие лексических, фразеологических, грамматических, семантических особенностей адыгских языков.

В эпосе «Нарты» широко использованы фразеологизмы, отражающие силу и мужество нартских героев. Например: в сказаниях «Химишико Пэтэрэз» встречается 24 фразеологизма, в сказаниях «Сэтэнай и Орзамэдж» – 23 фразеологизма, в сказаниях о «Шабатыныко» – 15 фразеологизмов и т. д.

Данная статья не претендует на анализ эпических подвигов всех богатырей эпоса. Мы хотим остановиться на образе Шабатыныко и кратко осветить мужество, отважность и храбрость нартского героя.

Сказания о Шабатыныко относятся к более поздним циклам произведений о нартах. В легендах, посвященных ему, отсутствуют героические деяния, присущие культурному герою (например, добывания огня, изобретение ремесел и т. д.), древние мифологические мотивы о чудесном рождении и т. д. Шабатыныко противостоит подобному герою, истоки которого восходят к архаической мифологии. Он ведет борьбу с врагами нартов – чинтами, являясь отважным защитником нартов. Шабатыныко – храбрый и сильнейший воин, в эпосе изображенный как подлинным рыцарем. Его не влекут пиршества и веселья. Он – воплощение мужества, отваги, ловкости, честной борьбы, могучей силы. Шабатыныко не прибегает к магическим приемам, характерным для древних и архаичных героев вроде Саусырыко.

Шабатыныко не стремится к богатым угощениям, его удел – защита правды. Доказательства мужества и храбрости Шабатыныко

встречаются в эпосе не раз, при этом для более яркого показа этих качеств используются фразеологизмы. Например: *лыггэ хэлъын* «быть мужественным», *лыггэ зехъан* «совершить мужественный поступок», *клочэгъу фэхъун* «одолеть силой» и т. д.

Лыггэшкы хэлъэу ар чынтымэ яззуагъ (С большим мужеством он воевал с чинтами) [3, с. 104].

– *Сэ сшотхъамык1агъор, лыггэи зепхъагъ, ау о узыщыщыри зэрэсымыш1эрэр ары* (Для меня беда, мужественный поступок совершил ты, но я даже не знаю, кто ты) [2, с. 39].

Чынтымэ ядзэхэр ац зэхуупк1этагъ (Он разбил войско чинтов) [2, с. 104].

Находясь на Хасэ нартов, Шабатыныко показывает свою ловкость и богатырскую удаль. Он вскакивает на столик-трехножку, пускается в пляс и при этом, не проливая ни капли из еды и выпивки, танцует на кромке стола. Потом он показывает такое искусство, которое не приходилось видеть почетным нартам: вонзает рукоятью свой меч в землю, и на кончике острия меча танцует на носках.

На Хасэ нартов он опережает других богатырей и в стрельбе из лука, и в танце. Шабатыныко не только мужественен, но и человечен. Именно он убеждает нартов отменить обычай сбрасывания стариков с горы.

В эпосе нарт Шабатыныко изображен рыцарем без страха и упрека. Будучи ребенком, он рос не по дням, а по часам, а когда вырос, то стал для нартов защитником ... грозой для чинтов. В сказании он появляется тогда, когда молниеносно убивает врагов, освобождая страну от завоевателей, и исчезает неузнанным. Остальных нартов он превосходит боевой мощью и удалью.

Шабатыныко в эпосе «Нарты» выступает храбрый, чрезвычайно скромный, благородный, честный. В образе Шабатыныко народ сосредоточил квинтэссенцию мужества, воплотив в нем свой идеал настоящего героя.

Использованная литература:

1. Адыгский эпос «Нартхэр» – сокровищница мировой культуры / редкол.: А. Схалыхо. Майкоп: Адыгея, 2003.

References:

1. *Adygskiy epos «Nartkher» – sokrovishchnitsa mirovoy kul'tury* (Adyghe Epic “The Narts” as a Treasure of the World Culture), Skhalyakho, A., Ed., Maykop: Adygeya, 2003.

2. Нартхэр. Адыгский эпос. Собрание текстов: в 7-ми т. / Сист., сост., вступ. очерк и комм. А. М. Гадагатль. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1968-1971. Т. 3.

2. *Nartkher. Adygskiy epos. Sobranie tekstov v 7 tomakh* (Nartkher. Adyghe Epic. Collected texts in 7 vols.), Gadagatl', A. M., Comp., Foreword, Comms., vol. 3, Maykop: Adygeyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968-1971.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тугуз, Г. Т. Отражение темы мужества в адыгском эпосе «Нарты» (цикл Шабатыныко) [Электронный ресурс] / Г. Т. Тугуз // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 75-77. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Tuguz.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

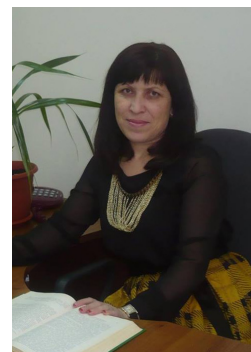
Full bibliographic reference to the article:

Tuguz, G. T., Otrazhenie muzhestva v adygskom epose «Narty» (tsikl Shabatynyko) (The Reflection of the Courage in the Circassian Epos "The Narts" (The Cycle of Shabatynyko)), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 75-77. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Tuguz.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

АНЧЕК Сурет Хазретовна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языка
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Россия

Suret Kh. ANCHEK,
Cand. Sci. (Languages of the Peoples of the Russian Federation),
Leading Researcher, Department of Language,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
ancheksuret@mail.ru

Адыгский эпос «Нарты»: к характеристике семитомного свода текстов героического эпоса

Рассматривается адыгский эпос «Нарты» как крупное эпическое произведение, в основу сюжета которого положены обобщенные и идеализированные действия героев. По количеству персонажей исследуемый эпос-эпопея разделен на 26 циклов, названия которых связаны с именами основных героев. Объем каждого цикла зависит от насыщенности сюжета деяниями главного героя. Фактический материал семитомника составляют 705 отдельных текстов. Язык и стиль изложения текстов эпоса характеризуются предельной выразительностью, возвышенностью слога, убедительностью звучания.

Ключевые слова: адыгский эпос, нарты, эпос-эпопея, цикл, язык, стиль.

Adyghe Epic “The Narts”: to the Characterization of a Multi- Volume Set of the Heroic Epic Texts

The Adyghe epic “The Narts” is considered as a large epic work which plot basis is underlain by the generalized and idealized actions of heroes. By the number of characters the studied epic is divided into 26 cycles which names are associated with the names of the main heroes. The volume of each cycle depends on a plot saturation acts of the main character. The actual material of a multi-volume contains 705 separate texts. Language and style of the texts of the epic are characterized by extreme expressiveness, a syllable height, persuasiveness of sounding.

Keywords: Adyghe epic, Nartes, epic, cycle, language, style.

Крупнейшим фольклорным памятником адыгского народа, иллюстрирующим его историю и быт, традиции и обычаи, мечту о свободной и счастливой жизни и огромное трудолюбие, является героический эпос «Нарты». Был прав известный адыгский нартовед А. М. Гадагатль, ставя адыгский эпос по значимости в одном ряду с такими величайшими творениями, как эпосы «Амираниани» (грузинский), «Давид Сасунский» (армянский), «Алпамыш» (башкирский), «Манас» (киргизский), «Гэсэриада» (бурятский), «Олонхо» (якутский), «Джангар» (калмыцкий) и другие.

В Адыгее в 1968–1971 гг. вышло в свет семитомное издание адыгского народного эпоса «Нарты» на оригинальном языке с обширным вступительным очерком, документацией, сведениями о певцах и сказителях, словарем, составленные А. М. Гадагатлем, на тот момент заведующим сектором литературы Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории, кандидатом филологических наук.

Данное произведение обладает огромным количеством особенностей, представляя собой совокупность оригинальных адыгских

народных песен, пщынатлей[®] и легенд о нартских богатырях. Этнографической особенностью языка нартского эпоса адыгов является относительная демократичность: тексты представлены на абдзахском, бжедугском, беслинейском, кабардинском, шапсугском, хакучинском, хатукайском, мамхегском наречиях в зависимости от этнической принадлежности сказителей.

Лингвистическая география нартского эпоса указывает на его принадлежность многим народам, проживающим на Северном Кавказе: абазинам и абхамам, балкарцам и карачаевцам, чеченцам и ингушам, осетинам, народам Дагестана и Грузии. Следовательно, нартский эпос надо рассматривать как общее художественное достояние северокавказских народов, являющееся ярчайшим свидетельством их исконных дружеских связей, а адыгский эпос «Нарты» – как составляющую часть этого единого целого. Более того, как предполагал А. М. Гадагатль, вполне возможно, что именно адыгский эпос является ядром всего нартского эпоса.

Многие исследователи адыгского народного эпоса относят его к ведущему жанру литературного произведения, развитие которого продолжалось до XVIII–XIX вв. – эпопее [10, т. 1, с. 13] [6, с. 31] [1, с. 50]. Некоторые ученые склонны считать, что «эпос – не цельная эпопея с единой сюжетной линией и сквозным действием, а разрозненные сказания и циклы, исполняемые как в прозаической, так и стихотворно-песенной форме, и объединенные в один эпический узел с общим наименованием «нарты» и образами главных персонажей» [12, с. 22].

Адыгский эпос «Нарты» – крупное эпическое произведение в стихах и прозе с одной сюжетной линией, показывающей борьбу с враждебными силами, силами природы и общества, имеющую не личное, а национальное значение. Мы полагаем, что первоначально были созданы стихотворно-песенные тексты адыгского эпоса, которые исполняются до сих пор. Возникновение прозаических текстов связано со своеобразной традицией адыгских певцов комментировать песни и пщынатли, сохраняющейся у адыгов и в настоящее время. Современные певцы, исполнив песню о нарте Саусырыко, Шебатыныко, Тлепше, Петерезе

и о других богатырях, подробно комментируют их. Поэтому, соглашаясь с А. М. Гадагатлем, правомерно предположить, что «стихотворно-песенные тексты адыгского народного эпоса “Нарты” – первичны. Это первичные песни и пщынатли могли стать ядром всего эпоса, которые постепенно обросли прозаическими текстами-параллелями» [4, с. 17–18].

Сюжетом адыгского эпоса «Нарты» служат обобщенные и идеализированные действия героев, таких как Сатанай-гуацэ, Саусырыко, Шебатыныко, Тлепш, Ащемез, Петерез и другие. Каждый из этих героев выделяется среди остальных по своему преобладающему качеству. Например: Сатанай-гуацэ выделяется среди остальных героев своей неимоверной красотой и дальновидностью, нарт Саусырыко – умом и находчивостью, Шебатыныко – храбростью, Тлепш – умелым владением кузнечным ремеслом, Ащемез и Петерез – бесстрашием, Лащын – «остротой» языка и неимоверной силой, Адыиф – как излучающая свет, Меличипху – как находчивая хозяйка и верная жена и т.д.

По количеству героев исследуемый эпос-эпопея разделен на 26 циклов, объем каждого из которых зависит от наполненности сюжетной линии деяниями главного героя. Названия циклов связаны с именами основных персонажей. Фактический материал семитомника составляет 705 отдельных текстов песен, поэм и легенд, к которым прилагаются еще 40 нотных записей песен и поэм, цикл пословиц и поговорок.

Тексты древнейшего эпоса понятны нам, современным адыгам, поскольку язык текстов мало чем отличается от современного адыгейского языка. Между тем наблюдается использование немалого количества исторических лексем, что является показателем насыщенности эпоса фактами и событиями, имевшими место в действительности. Вот что по этому поводу пишет В. Г. Базанов: «Народный эпос – это история, написанная самим народом, художественное обобщение важнейших событий национальной жизни. Нартский эпос в ряду других народных поэм и сказаний является памятником мирового значения» [3].

В эпосе рассказывается о крупных национально значимых исторических событиях, описывается, как нартские богатыри занима-

ются созданием первичных орудий труда. Например, из адыгского эпоса, можно узнать, что нарт Тлепш впервые изготовил *Iadэ* («клещи») [10, т. 1., с. 215–217], *гъунчъэ* («серп») [10, т. 1, с. 218–223]. Также отражен тот факт, что нарты занимались производством лучших образцов оружия, например, *чатэ* («меч») [10, т. 1., с. 224–226].

Язык и стиль изложения текстов эпоса характеризуются предельной выразительностью, возвышенностью слога, убедительностью звучания. «Именно эта особенность, – отмечает Н. Т. Гишев, – дает отдельным языковедам сделать радикальные выводы о якобы фольклорной базе литературного языка адыгов. Эти выводы ученых подтверждают мысль об отшлифованности языка нартского эпоса, служившего веками орудием устного общения народа в самых различных исторических условиях» [7, с. 82].

Многие исследователи языка адыгского эпоса обратили внимание на то, что он обладает формульностью [9, с. 196–215] и рядом фонетических, морфологических, синтаксических, лексических и стилистических особенностей [5, с. 94–134].

Адыгскому эпическому произведению свойственны различного вида формулы: инициальные, медиальные и финальные. Инициальные формулы встречаются в повествованиях, связанных с отправлением героя в битву, где описывается его доблесть, сила и т. д. Медиальные формулы встречаются в повествованиях, где описывается встреча с врагом: при описании врага, его снаряжения, боевого коня и т. д. Финальные формулы являются характерной особенностью повествований, где описывается возвращение героя с победой.

Встречаются еще типовые формулы, связанные с каждым героем адыгского нартского эпоса, притом что они подчас повторяются дословно, иногда в различных вариантах.

Наиболее яркими фонетическими особенностями эпоса являются звуковые повторы, добавочные гласные типа *о уй-уйй, уий-уйй* в начале строки, запевные звукосочетания согласных и гласных типа *Ра, Ор*, открытые слоги – запевы и припевы (*ри-ра-рэщ-арэда, орадэ-о, орэдэ-орэ, а орэдэ-орэда*).

Из морфологических особенностей обращает на себя внимание преимущественное

образование множественного числа имен в эргативном падеже посредством показателя *-мэ* по сравнению с показателем множественного числа *-хэм*. Другой морфологической особенностью является то, что часто имя дается в именительном падеже и множественном числе, а глагол – в единственном числе. Также наблюдается частое использование союзной частицы *-и* и утвердительной частицы *-ба*.

В адыгском эпосе наблюдается развернутая форма обращения, характеризующая обычно главного героя:

*Саусэрыкъоу тикъан,
Саусэрыкъоу тинэф,
Пчэ-мэлуфэр зиашгу,
Ашгор зиджэнэкокл,
Лъытсэр зипэлошыгу,
Ешыгуаор зичат,
Пызыутрэр зипчышгъхь.*

Саусыроко – наша надежда,
Саусырыко – наш свет,
У кого кольчуга из бычьей шкуры
У кого кольчуга – рубашка,
Чья шапка – вся в крови,
Чья пика сразит врага,..»
Чей меч рубит сплеча [10, т. 2., с. 72].

Рассмотрев лексические особенности адыгского эпоса «Нартхэр», нами выявлены следующие лексические группы: ономастическая, топонимическая, зоологическая, фитонимическая, гидронимическая, соматическая, лексика пантеона и другие мелкие группы [2, с. 93–98]. Особый интерес представляют лексические единицы, обозначающие названия видов вооружений, которыми пользовались в далекие исторические времена (*сагъындакъ* («колчан – сумка для стрел»), *пчэмылу* («пика»), *щабзэ* («стрела»), *сэшхо* («сабля, шашка»), *мэлу* («щит») и т. д.) и названия пород лошадей, которые сопровождали нартов (*бырул, къарэ, чэмыдэ, тхъожгый, фарэ, дул-дул* и другие).

В нартском эпосе четко прослеживаются ценностные ориентации адыгов: честь, мужество, адыгство, хлебосольство, красноречие, эпическое понимание красоты. Эпос учит проявлять милосердие, сострадание к слабым, униженным, оказывать помощь соседу, уважение к детям, старикам и женщинам. Особенно

прославляются в произведении общечеловеческие ценности: любовь к Родине, уважение к традициям и обычаям своего и других народов.

Нартский эпос несет грядущим векам, новым поколениям народную мудрость, уникальную культуру древних народов, являясь хорошим подспорьем для благоприятного взаимодействия культур Северного Кавказа, а адыгский эпос «Нарты» является

бесценным фундаментом для межнационального общения, уникальным вкладом в литературное наследие Северного Кавказа.

Завершить статью хотелось бы словами всемирно известного лингвиста и мифолога Джона Коларуссо: «Гадагатль сделал бессмертным духовное и культурное наследие адыгов... Семитомник «Нартхэр» больше поможет сохранению адыгской нации, чем деньги и оружие» [8, с. 66].

Использованная литература:

1. Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса // Эволюция эпической традиции: к 80-летию академика АН Абхазии Ш. Х. Салакая / под ред. З. Д. Джапуа. Сухум: НААР, 2014. С. 44–52.
2. Анчек С. Х. Разнообразие лексического состава языка произведений адыгского эпоса «нартхэр» // Героический эпос адыгов «Нарты»: история и современность: материалы республиканской научной конференции. Вып. 2. Майкоп: Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований, 2015. С. 91–101.
3. Базанов В. Г. Эпос – автограф народа // Советская Абхазия. 1963. 15 нояб.
4. Гадагатль А. М. Адыгский эпос «Нартхэр» – многовековая память народа // Нартский эпос и кавказское языкознание: материалы VI междунар. майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп: Адыгея, 1994. С. 15–25.
5. Гишев Н. Т. Все об адыгах. Майкоп: Качество, 2002.
6. Гишев Н. Т. Место адыгского эпоса «Нарты» в фольклоре адыгов // Героический эпос адыгов «Нарты»: история и современность: материалы республиканской научной конференции. Вып. 2. Майкоп: Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований, 2015.
7. Гишев Н. Т. Язык певцов адыгского эпоса «Нартхэр» // Нартский эпос и кавказское языкознание: материалы VI междунар. майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп: Адыгея, 1994. С. 82–90 .
8. Коларуссо Д. Нартский герой как рыцарь // Нартский эпос и кавказское языкознание: материалы VI междунар. майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп: Адыгея, 1994. С. 64–67.
9. Кумахов М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик: Эльбрус, 1984.
10. Нартхэр. Адыгский эпос. Собрание текстов: в 7-ми т. / Сист., сост., вступ. очерк и комм. А. М. Гадагатль. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1968–1971.
11. Салакая Ш. Х. Эпическое творчество абхазского народа // Эволюция эпической традиции: к 80-летию академика АН Абхазии Ш. Х. Салакая / под ред. З. Д. Джапуа. Сухум: НААР, 2014. С. 13–39.

References:

1. Abaev, V. I., Problemy nartskogo eposa (Problems of the Nart Epic), in *Evolyutsiya epicheskoy traditsii: k 80-letiyu akademika Akademii Nauk Abkhazii Sh. Kh. Salakaya, Dzhapua, Z. D., Ed., Sukhum: NAAR, 2014, pp. 44–52.*
2. Anchek, S. Kh., Raznoobrazie leksicheskogo sostava yazyka proizvedeniy adygskogo eposa «nartkher» (Variety of the Lexical Structure of the Language of the Works of Circassian Epic “Narther”), in *Geroicheskiy epos adygov «Narty»: istoriya i sovremennost’: Proc. Republican Science Conf., Maykop: Adygeyskiy respublikanskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, 2015, pp. 91–101.*
3. Bazanov, V. G., Epos – avtograf naroda (Epic as an Autograph of the People), *Sovetskaya Abkhaziya, November 15, 1963.*
4. Gadagatl’, A. M., Adygskiy epos «Nartkher» – mnogovekovaya pamyat’ naroda (Adyghe Epic “Narther” as a Centuries-Old Memory of the People), in *Nartskiy epos i kavkazskoe yazykoznanie: Proc. 6th Int. Maykop Colloquium of the European Society of Caucasiologists, Maykop: Adygeya, 1994, pp. 15–25.*
5. Gishev, N. T., *Vse ob adygakh* (Everything about the Adyghe People), Maykop: Kachestvo, 2002.
6. Gishev, N. T., Mesto adygskogo eposa «Narty» v fol’klore adygov (Adygeyan Epic “Nart” in the Folklore of the Adygs), in *Geroicheskiy epos adygov «Narty»: istoriya i sovremennost’: Proc. Republican Science Conf., Maykop: Adygeyskiy respublikanskiy institut gumanitarnykh issledovaniy imeni T.M. Kerasheva, 2015.*
7. Gishev, N. T., Yazyk pevtsov adygskogo eposa «Nartkher» (Language of Singers of the Adygeyan Epic “Narther”), in *Nartskiy epos i kavkazskoe yazykoznanie: Proc. 6th Int. Maykop Colloquium of the European Society of Caucasiologists Maykop, 1994, pp. 82–90 .*
8. Kolarusso, D., Nartskiy geroy kak rytsar’ (Nart Hero as a Knight), in *Nartskiy epos i kavkazskoe yazykoznanie: Proc. 6th Int. Maykop Colloquium of the European Society of Caucasiologists, Maykop: Adygeya, 1994, pp. 64–67.*
9. Kumakhov, M. A., *Ocherki obshchego i kavkazskogo yazykoznaniiya* (Essays of the General and Caucasian Linguistics), Nalchik: El’brus, 1984.
10. *Nartkher. Adygskiy epos. Sbranie tekstov v 7 tomakh* (Nartkher. Adyghe Epic. Collected texts in 7 vols.), Gadagatl’, A. M., Comp., Foreword, Comms., Maykop: Adygeyskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1968–1970.

11. Salakaya, Sh. Kh., Epicheskoe tvorchestvo abkhazskogo naroda (Epic Work of the Abkhaz People), in *Evolutsiya epicheskoy traditsii: k 80-letiyu akademika Akademii Nauk Abkhazii Sh. Kh. Salakaya*, Dzhapua, Z. D., Ed., Sukhum: NAAR, 2014, pp. 13–39.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Анчек, С. Х. Адыгский эпос «Нарты»: к характеристике семитомного свода текстов героического эпоса [Электронный ресурс] / С. Х. Анчек // *Наследие веков*. – 2015. – № 4. – С. 78-82. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Anchek.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Anchek, S. Kh., Adygskiy epос «Narty»: k kharakteristike semitomnogo svoda tekstov geroicheskogo eposa (Adyghe Epic “The Narts”: to the Characterization of a Multi-Volume Set of the Heroic Epic Texts), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 78-82. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Anchek.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

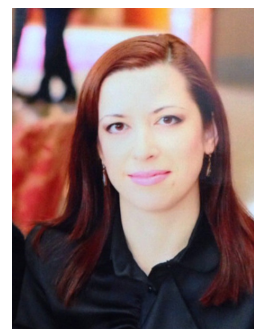

ДЖАБАЕВА Тахмина Чарагановна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
с древнейших времен до конца XIX века
Дагестанского государственного университета
г. Махачкала, Россия

Takhmina Ch. DZHABAYEVA

Cand. Sci. (National History)
Assoc. Prof., Department of History of Russia
since the Ancient Times to the End of the 19th Century
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia
tahmina.dj@rambler.ru

**Северный Кавказ в литературе
и искусстве России
второй половины XIX века**

Статья посвящена анализу проблемы отражения кавказских мотивов в произведениях русских писателей, поэтов и художников, посетивших Северный Кавказ во второй половине XIX в. Автор акцентирует внимание на исторических связях народов Северного Кавказа с русским народом, возникавшим в том числе и благодаря творчеству деятелей русской культуры. Исполненные художественного реализма и жизненной правды произведения, связанные с Кавказом, создали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, писатели и поэты «серебряного века» русской культуры и представители советской литературы. Автор затрагивает ряд вопросов, связанных с творчеством русских художников, находивших в эстетике северокавказских ландшафтов уникальную основу для своих творений. Делается вывод о том, что кавказская тема в русской культуре выступала в качестве мерила таланта, объективности и нравственных убеждений художника, поэта или писателя показывал их гражданское сознание, приверженность к общечеловеческим идеалам.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, русская культура, русская классическая литература, живопись, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, В. А. Соллогуб, В. Ф. Тимм, Н. Я. Ярошенко, Ф. А. Рубо.

**North Caucasus in the Russian
Literature and Art in the Second Half
of the 19th Century**

This article devoted to the analysis of the problems of reflection of the Caucasian motives in the works of Russian writers, poets and artists who visited the North Caucasus in the second half of the 19th century. The author focuses on the historical ties between the peoples of the North Caucasus and the Russian people, arisen in particular due to creative figures of Russian culture. Literary works associated with Caucasus were created by Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Leo Tolstoy, writers and poets of the «Silver Age» of Russian culture as well as the representatives of Soviet literature. Those works are full of artistic realism and truth of life. The author raises a number of issues related to the work of Russian artists, who found unique basis for their creations in the aesthetics of the North Caucasus landscapes. It is concluded that the Caucasian theme of Russian culture acted as a measure of talent, objectivity and moral convictions of the artist, poet or writer, showing their civic consciousness, commitment to universal ideals.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Russian culture, Russian classical literature, painting, Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Leo Tolstoy, Vladimir Sollogub, Vassily Timm, Nikolay Yaroshenko, Franz Roubaud.

Во второй половине XIX в. в русской литературе значительно увеличилось число реалистических произведений о Кавказе, в частности о Дагестане. Одновременно повы-

силось внимание к изображению реального Кавказа и быта его народов. Таковы гениальные произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Г. Успенского, М. Е. Салтыкова-Ще-

дрин, великих русских революционеров А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и многих других писателей и поэтов России.

Значительное внимание Дагестану и его народам уделяли русские революционные демократы А. Герцен, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский. А. Герцен в своих статьях критиковал антидемократические политические тенденции официальных произведений и высоко отзывался о горцах. Н. Г. Чернышевский посвятил движению горцев под предводительством Шамиля два произведения, это: повесть «Кормило кормчему» и рассказ «Знамя на кровле». В них в противовес официальной прессе, представлявшей политику царизма в розовых тонах, Чернышевский проявил глубокое знание того, что в это время происходило на Северном Кавказе. Он сумел воссоздать правдивые образы горцев, вскрыл социально – политическую причину, приведшие к поражению движения в горцев Дагестана и Чечни. [1, с. 122]

Конечно же, особого внимания к себе заслуживает творческая деятельность великого русского писателя Л. Н. Толстого на Кавказе. На Кавказе он находился с мая 1851 по 1854 гг. До приезда на Кавказ писатель знал об этих местах из книг и рассказов своего брата Николая. По приезду в край, во Льве Николаевиче вспыхнул к нему особый интерес, особенно к Дагестану. Толстой побывал во многих городах и аулах Северного Кавказа [2, с. 190].

Выдающийся ученый Ю. А. Жданов писал: «Творческое развитие великого гения Толстого как бы заключено в гигантскую кавказскую раму: в его начале – поэтические «Казаки», в его конце – страстный «Хаджи-Мурат».

1855 г. – Толстой написал «Рубку леса», в 1856 – «Кавказские воспоминания», в 1852 – повесть «Казаки», в 1872 – «Кавказский пленник», в 1904 г. – свой шедевр «Хаджи-Мурат», над которым проработал 20 лет. Толстой внимательно ознакомился с работой дагестанского этнографа А. Омарова «Воспоминания муталима» и факты из нее в «Хаджи-Мурат».

В «кавказских» произведениях Толстого красной нитью проходит мысль о том, что война противостоит естественной человеческой сущности. Будучи великим гуманистом Толстой, счита-

лал самым гуманным народное творчество, отсюда был его интерес к дагестанскому фольклору. В 1875 г. Толстой прислал подстрочника горских песен поэту А. А. Фету, в собственном переводе. Через Толстого горская тема проникла и вдохновила классическую русскую литературу и поэзию. Благодаря таланту Толстого, российский читатель все же имел хоть какую – то возможность узнать правду о жизни горного края.

Такую же возможность давали читателю работы В. И. Немировича-Данченко. В его произведениях «Кавказские богатыри», «Дагестанские захолустья» и др., написанных под влиянием романтических повестей А. А. Бестужева-Марлинского, дана правдивая картина быта, обрядов, религиозных представлений горцев. Одновременно творчество российских литераторов влияло на формирование дагестанской русскоязычной художественной интеллигенции. Отдельные местные авторы становились пионерами в таких жанрах как повесть, драма, роман. По мнению видного дагестанского литературоведа Гусейнаева А. Г. Омаров стал одним из основоположников дагестанской русскоязычной литературы». Даже в стихах поэтов, творивших на родных языках, таких как С. Стальский, О. Батырай, появляются русские слова, технические термины, образные выражения. К примеру, С. Габиев перевел стихи Лермонтова, Некрасова, басни Крылова. Кумык З. Батырмурзаев перевел повесть Л. Н. Толстого «Кавказский пленник».

Конечно же, было и другое, отрицательное влияние, российской литературы на становление местного художественного русскоязычного творчества. Такого рода литература была пропитана воинствующим шовинизмом. Одним из идеологов такой литературы был В. А. Соллогуб, чиновник по особым поручениям у наместника Воронцова. В 1855-56 гг. в Петербурге были опубликованы его сочинения в 5-ти томах; 5-й том целиком был посвящен Кавказу. Здесь можно было обнаружить целый «букет» оскорблений в адрес горцев. Соллогуб писал, что горцы похожи «скорее на орангутангов, нежели на людей... они не должны возбуждать ничего, кроме отвращения». Не отставал от Соллогуба и Е. И. Вердеревский, который несколько

лет был редактором газеты «Кавказ». В его памфлете «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» есть такая фраза: «...народная масса состоит из жаждущих добычи извергов». В «Плену у Шамиля» этого же автора – целый набор фальсификаций, нелепостей, искажений и прямых оскорблений» [2, с. 233].

В одном ряду с такими авторами стоят В. Савинов – «Ших Мансур», «Два года в плену у горцев», М. Ливенцов «Михайло и Нина», М. Николаевич. В подобной литературе установился какой-то трафарет сочинять о горцах Северного Кавказа «неистовые повести», полные приключений с убийствами и резней, откровенно клеветующие на горцев. Однако такого рода очерки, повести и рассказы, как правило, подвергались резкой критике на страницах ведущих журналов и газет страны [1, с. 134].

Не обошли своим вниманием горный край и художники. Многокрасочность и красота Кавказа влекли к себе живописцев. Художники прибывали на Кавказ по разным причинам, с различными целями, при разных обстоятельствах, но, как правило, это происходило по доброй воле. По данным З. А. Гейбатовой-Шолоховой на Кавказе за весь XIX в. побывало до 160 русских художников, из них более 60 в Дагестане. В произведениях многих этих художников Дагестан предстает «Кавказской Швейцарией», покоряющей своей красотой природы. На этих полотнах наряду с величественной красотой гор показаны фрагменты героической борьбы дагестанцев за свою свободу и независимость.

Свой след в истории Дагестана за XIX в. оставили такие художники как Г. Г. Гагарин, И. Ф. Александров, И. Н. Занковский, Т. Ф. Горшельд, И. К. Айвазовский, И. М. Бабанов, П. Н. Грузинский, Ф. А. Рубо, А. А. Шамишинов, Е. Е. Лансере, В. Ф. Тимм, В. В. Верицагин, Н. Я. Ярошенко, И. Александровский, Н. Г. Черенцов и др. [2, с. 247]

С 1858-1869 гг. в Дагестане жил и работал баварский немец Горшельд, ставшим единственным художником свидетелем пленения Шамиля в Гунибе. Он же оказался первым художником, написавшим портрет Шамиля с натуры. В 1865 г. его картина «Пленение Шамиля» была выставлена в Париже. 1868 г. – картина «Штурм Гуниба» получила

большую золотую медаль в Париже, а автор удостоился звания академика Петербургской Академии художеств за цикл живописных работ о Дагестане.

Известный критик 70-х гг. XIX в. А. Прахов пишет о впечатлении, произведенном картиной «Пленение Шамиля» на родине художника: «Энергичным реализмом в замысле и исполнении, как бы летописной точностью и простотой в композиции эта картина поразила германских художников... [3, с. 74]

Участником кавказских событий был художник В. Ф. Тимм, который пробыл в Дагестане с 1849 по 1850 г. Яркие впечатления от Кавказа направили деятельность В. Тимма на главное дело его жизни – издание журнала «Русский художественный листок». Тимм издавал свой «листок» в течение 11 лет, с 1851 г. по 13 номеров в год, [3, с. 75] там же публиковалось много рисунков посвященных Дагестану. Среди них были «Вид из окна Дербентской крепости», «Вид из аула Ахты», «Вид аула Кумух» и др. Более того, ему удалось встретиться с Шамилем в Петербурге. Художник провел с имамом немало времени, в результате появились такие рисунки, как «Прогулка Шамиля по Царскосельскому саду», «Шамиль у профессора Мирзы Казембека», «Прогулка Шамиля по улицам Петербурга», «Шамиль с сыном и мюридами в театре», «Посещение Шамилем императорской публичной библиотеки».

Последним из русских художников-современников Кавказской войны, отразившим ее в своих произведениях был П. Н. Грузинский (1837-1919). В 1862 г. была присуждена Большая золотая медаль академии художеств за картину «Последний штурм Гуниба». Отметим, что в этой работе молодого Грузинского нет ни исторических личностей, ни отдельных героев, здесь герой – это солдаты и горцы.

В 1872 г. художник закончил картину «Оставление горцами аула», за которую был удостоен звания академика. Это полотно экспонировалось на Всемирной выставке в Лондоне, а в 1873 г. на Всемирной выставке в Вене. Тему Шамиля развил и Верещагин. Он изобразил имама в белой черкеске на фоне гор.

Одной из жемчужин И. К. Айвазовского стала картина «Аул Гуниб», ставшая результатом его поездки по Кавказу и Дагестану в 1868 г. На панорамный уровень эту тему вы-

вел Ф. А. Рубо. В ряду Севастопольской и Бородинской панорам встала панорама «Штурм Ахульго». Это произведение действительно, было монументальным, демонстрирующим вершинный уровень развития искусства художника. Панорама имела в окружности 100 м., высоту 16 м. Ф. А. Рубо впервые написал панораму не на заказ, а по собственной инициативе. За это творение Ф. А. Рубо был избран профессором Баварской Академии художеств [3, с. 76].

Не раз побывал в Дагестане и выдающийся художник-реалист Н. Я. Ярошенко. Его кавказские этюды были экспонированы на XI Передвижной выставке 1883 г. под общим названием «Путевые заметки из путешествия по Кавказу». В конце 80-х гг. художник перехо-

дит от этюдов-портретов местности: «Гуниб», «Хунзах», «Чемодан – гора», «Облака в горах» к поискам пейзажа, который как бы синтезировал в себе его представления о природе Кавказа – «В горах Кавказа» (1888), «Среди облаков» – 1889 г. Выйдя в отставку Ярошенко, поселился на Кавказе, в Кисловодске [3, с. 77].

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что российский художественный взгляд на Кавказ на уровне живописи, поэзии и прозы был явлением в истории России. Кавказ при этом выступал катализатором, мериллом таланта, объективности и нравственных убеждений того или иного художника, поэта или писателя показывал их гражданское сознание, приверженность к общечеловеческим идеалам.

Использованная литература:

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988.
2. Рамазанов А. Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX – начале XX вв. Махачкала: Юпитер, 1997.
3. Художественная культура Дагестана в XIX в. / под ред. Д. М. Магомедова. Махачкала: Дагкнигиздат, 1989.

References:

1. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII veka – 1917 god)* (The History of the Peoples of the North Caucasus (The End of the 18th Century – 1917)), Narochnitskiy, A. L., Ed., Moscow: Nauka, 1988.
2. Ramazanov, A. Kh., *Mezhdunarodnye ekonomicheskie svyazi i kul'turnoe razvitie Dagestana v sostave Rossii v XIX – nachale XX veka* (International Economic Relations and Cultural Development of Dagestan as a Part of Russia in the 19th – the Early 20th Centuries.), Makhachkala: Yupiter, 1997.
3. *Khudozhestvennaya kul'tura Dagestana v XIX veke* (Art Culture in the 19th Century), Magomedov, D. M., Ed., Makhachkala: Dagknigizdat, 1989.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Джабаева, Т. Ч. Северный Кавказ в литературе и искусстве России второй половины XIX в. [Электронный ресурс] / Т. Ч. Джабаева // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 83-86. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Dzhabaeva.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Dzhabaeva, T. Ch., *Severnuy Kavkaz v literature i iskusstve Rossii vtoroy poloviy XIX veka* (North Caucasus in the Russian Literature and Art in the Second Half of the 19th Century), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 83-86. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Dzhabaeva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

СХАЛЯХО Дарико Саферовна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела литературы
Адыгейского научно-исследовательского института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева
Майкоп, Россия

Dariko S. SKHALYAKHO

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Leading Researcher, Department of Literature,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
arigi@mail.ru

О некоторых аспектах адыгского представления темы мужества и бесчестия в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец»

On Some Aspects of the Adyghe Representation of the Theme of Courage and Dishonor in Mikhail Lermontov's Poem "The Fugitive"

Вопрос о гражданском героизме в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» осмысливается в духе традиционных-адыгских представлений о долге перед родиной и своим народом. Автор, свидетельствуя о высокой мере строгости черкесских представлений о боевой чести и достоинстве, раскрывает участь труса Гаруна. Индивидуализм героя поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» трактуется в морально-философском аспекте, при этом подчеркивается мысль, о том, что славная кончина лучше, чем позорное спасение. Отмечается, что поэт смог сориентироваться на основную ментальную доминанту черкесского общества, на так называемую «культуру стыда», суть которой проявляется в форме общественного мнения, которое для адыгов, по существу, имеет силу закона.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Беглец», поэзия, адыги, герой, мужество, отвага, предатель, позор, ментальные черты, «культура стыда» традиционные ценности, индивидуализм.

The issue of civilian heroism in a poem by Mikhail Yu. Lermontov "The Fugitive" is interpreted in the spirit of traditional Adyghe notions of duty to the Motherland and its people. Author, indicating high severity of the Circassian ideas about combat honor and dignity, reveals the fate of the coward Haroun. Individualism of the hero of Lermontov's poem is interpreted in moral and philosophical aspects, emphasizing the idea that a glorious death is better than a shameful salvation. It is noted that the poet was able to navigate to the main mental dominant of the Circassian society, the so-called "culture of a shame", the essence of which is manifested in the form of public opinion, which in fact has the force of law for the Circassians.

Keywords: Lermontov, "The Fugitive", poetry, Circassians, hero, courage, bravery, traitor, shame, mental features, «culture of a shame», traditional values, individualism.

Как известно, М. Ю. Лермонтов художественно исследовал психологию не только сильных, но и слабых личностей. Подтверждением тому служит поэма «Беглец», где в сфере сознания лирического героя М. Ю. Лермонтова морально-философский «вопрос о гражданском героизме в жизни людей ставится... по-новому, в связи с расширением общей про-

блемы смысла и цели человеческого бытия» [4, с. 131]. Она написана в духе черкесской фольклорной традиции, согласно которой, насколько возвеличивался герой, настолько же осмеивался и трус на вечный позор. «Правда, – пишет Б. М. Эйхенбаум, – есть довольно убедительные указания на то, что «Беглец» восходит к двум романам В. Скотта – «Роб-Рой»

и «Пертская красавица», в которых имеются очень сходные эпизоды с горцами, бежавшими с поля сражения. Если это и так, то надо полагать, что М. Ю. Лермонтов слышал подобную легенду и на Кавказе, – в противном случае вряд ли он перенес бы действие на Кавказ и назвал бы это стихотворение «горской легендой» [12, с. 359].

О родстве лермонтовской поэмы «Беглец» с черкесскими фольклорными жанрами существуют подтверждения. В частности, отзвуки этой поэмы имеются в содержании переданной Тэбу де Мариньи одной черкесской песни. «В моем присутствии были исполнены несколько песен, – сообщает он в своем описании поездки в Черкесию, – и среди них плач о юноше, которого решили изгнать из родного края за то, что он возвратился один из похода против русских, в котором все его товарищи погибли» [10, с. 98]. Сюжетная ситуация песни, описанной Тэбу де Мариньи, соотносима с интонацией подчеркнута высоконравственного порицания, которым проникнуто лермонтовское произведение. Это подтверждает реально-жизненный черкесский характер содержания поэмы. Это была ситуация, которая затрагивала проблему жизни и смерти. И в одной из двух противоположностей – мужество, отвага, святость родного очага, с одной стороны, малодушие, трусость, предательство, с другой — человек исчерпывал себя. «Однако, – пишет В. Э. Вацура, – поэма как художественное целое возникает не столько на основе синтеза... источников,.. сколько на основе свободного развития мотивов, составляющих как бы этико-психологический и бытовой субстат» [3, с. 239].

Как известно, каждый народ имеет свой образ мышления, систему мировоззрения, которые в значительной степени и определяют направленность его развития. Эта система духовно-нравственных моделей мышления и поведения народа сформировывалась в течение тысячелетий в традициях, зависимых от вкусов, представлений и взглядов данного этноса. В этом процессе рождались категории благородного и грубого, красивого и уродливого, героического и трагического. «Трагичность исторической судьбы адыгов выразилась в том, – пишет К. Н. Паранук, – что самой востребованной из всех возможных ремесел

и профессий оказалась профессия воина. Суровая кочевая жизнь, бесконечные походы, постоянная готовность защитить свою «райскую» землю, которая всегда была предметом вождения для захватчиков – выпестовали из адыгов искусных воинов и непоколебимых защитников Отечества» [9, с. 69-70]. Поэтому главные ментальные черты адыгов первой половины XIX в. оказались ориентированными на традиционные ценности, связанные с культом воинской доблести, сопутствующего ему своеобразного рыцарского духа и рыцарских правил поведения. Народный метод воспитания любви к Отечеству предусматривал, чтобы человек во имя его жертвовал личным счастьем, даже своей жизнью, если обстоятельства этого требовали. В частности, в «Истории адыгейского народа» Шора Ногмов пишет: «Адыге славилась храбростью и безответным мужеством. Уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления» [8, с. 66]. В глазах народа человек, проявивший слабость и оставивший поле битвы до окончания войны, становился не только отверженцем и объектом всеобщего посмешища. Поступок изменника накладывал отпечаток и на его близких, которые не имели права показываться в общественных местах до тех пор, пока он не искупит свою вину в очередной войне, где храбро сражаясь, должен был или победить врага или погибнуть. Если человека, легко поддающегося чувству страха, певцы сурово осуждали, то храброго – прославляли. Поэтому самым почетным для мужчины считалось совершить героический подвиг и быть впоследствии воспетым народом.

Свидетельств высокой меры строгости адыгских представлений о боевой чести много в описаниях их быта и нравов. Например, Тэбу де Мариньи, свидетельствуя о высокой мере строгости черкесских представлений о боевой чести и достоинстве, писал: «Пылкая любовь к независимости и воинская доблесть, которая не поддается обузданию, делают их грозными для их соседей. Привычные с самого нежного возраста к суровой закалке тела, упражнениям с оружием и лошадью, они признают одну только славу победы над врагом, а стыдом – бегство от врага» [10, с. 26]. И другой исследователь Кавказа Г. Лопатинский свиде-

тельствовал: «Я видел весною 1857 г. во время сильной перестрелки на реке Атакуме, как один...бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по имени боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть названным трусом в национальных песнях, в этом случае он погиб: ни одна девушка не подаст ему руку. Он становится посмешищем в стране. Таков был суровый рыцарский этикет» [7, с. 123]. Именно это чувство позора позволяло воину преодолевать страх на войне. Не смерти должен был бояться настоящий воин, а бесчестия оказаться трусом и предателем. Это и делало смелость общим достоянием всех. В поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» тема мужества осмысливается в этих традиционно-национальных представлениях о долге перед Родиной и своим народом. Это – поэма о рыцарских законах черкесского народа и об участии труса.

Примечательно что, точно так же, как в черкесском обществе трусость была исключительной чертой, встречающейся очень редко, и в творчестве М. Ю. Лермонтова это единственное произведение, описывающее отсутствие твердости духа, решительности и мужества черкеса. Поэма о суровом нравственном долге, гражданской сущности человека на войне. Гарун, герой поэмы, бежит с поля сражения, где сложили свои головы его отец и два брата, защищая свою честь и независимость родного края. Героические действия отца и его сыновей подаются автором в духе народного понимания поведения героев в бою, предпочитая смерть позорному бегству, ибо гражданское и героическое содержание жизни является для них единственным смыслом и целью человеческого бытия. В отличие от них Гарун своим поступком нарушил установившиеся нравственные приоритеты: перед альтернативой потерять жизнь или потерять честь он предпочел остаться живым. В глазах соплеменников Гарун, позорно струсивший перед опасностью, стал предателем заветов предков. Оставив поле битвы в то время, когда «черкесы гибнут – враг повсюду...», пренебрег своими нравственными обязанностями, не отомстил за отца и братьев ради спасения себя одного. Индивидуализм героя здесь трактуется в морально-философском аспекте «как источник предательства и антинародной сущ-

ности жизни. Тем самым Лермонтовым ставится вопрос о необходимости коллективных общенародных форм борьбы за национальный прогресс и свободу» [4, с. 199].

Но герой не только проигнорировал свои обязанности. М. Ю. Лермонтов пишет: «Гарун забыл свой долг и стыд». Примечательно то, что поэт смог сориентироваться на основную ментальную доминанту черкесского общества, «на так называемую «культуру стыда» (ук1ытэ. – Д. С.), суть которой состоит в том, что представитель общества в высшей степени озабочен тем, чтобы не допустить морального осуждения своих действий со стороны общины» [5, с. 14].

Здесь «социальный контроль... проявляется в форме общественного мнения, которое для адыгов по существу имеет силу закона. Известно, что самым страшным для адыгов считается худое слово, худая молва» [11, с. 182]. Именно поэтому общественное мнение у адыгов являлось мощным фактором, регулирующим человеческие взаимоотношения, нравственные принципы жизни, чувство стыда, «в котором...доминирует страх, как бы предупреждающий бесчестие, позор» [2, с. 30], становилось механизмом социального контроля, его использование позволяло обществу контролировать поведение молодежи и предотвращать антисоциальные действия и правонарушения. В частности, абхазский ученый В. А. Бигуаа в рамках рассмотрения этических основ художественного образа в литературах абхазо-адыгских народов обращает внимание на то, что «стыд и страх, с точки зрения нравственности, выступают в качестве инструмента морального контроля и проявляются почти во всех категориях адыгагъэ и апсуара. Именно в этом понимании их отсутствие приводит к нравственной деградации человека... С точки зрения этической системы, страх выполняет функцию нравственного регулятора и тесно связан с этической категорией стыда: человек чести, воспитанный в духе адыгагъэ и апсуара, страшится не физической боли или наказания, а общественного, коллективного порицания, позора» [2, с. 30–31]. Именно боязнь осуждения создавал довольно жесткий порядок поведения человека, которому приходилось считаться и даже приспосабливать свои действия к общественной точке зрения.

Такой порядок заставлял его жить в боязливой оглядке на людское мнение. Традиционная черкесская система ценностей не позволяла ему быть свободным по отношению к своему роду, семье. Тот, кто не соответствовал традиционно-ценностным установкам и критериям общества вступал в социальный конфликт со своим народом. Поэма «Беглец» как раз и представляет собой модель такого конфликта. Общество, приверженное к традиционным социокультурным ценностям, не может простить Гаруну проявленную им на войне слабость, и автор демонстрирует презрительное к нему отношение людей родного аула. Отступничество Гаруна от обусловленных обществом норм поведения лишает его социального статуса и поэтому должен быть изгнан.

Заданная изначально сакральная социокультурная модель адыгского общества с трусостью генетически не совместим, что показано на примере судьбы Гаруна. Именно поэтому его, как чумного сторонятся, и никто не пытается скрыть к нему презрения, как существу мерзкому и гадливому. Беглец сначала подходит к сакле умирающего от полученных на поле боя ран Селима и просит убежища. Но, считавшийся до этого случая другом Гаруна, Селим не удостоивает его «ни кровом, ни благословением». Вспомнил Гарун и о любимой девушке. Но его остановила старинная песня, «Месяц плывет и тих и спокоен», уже встречавшаяся в поэме «Измаил-Бей» под названием «Песня Селима». Ее девушки обычно пели, провожая своих любимых на войну. В ней девушка давала наставление возлюбленному быть мужественным и отважным, чтобы в сражении победить неприятеля. Песня предупреждала, что «Своим изменивший Изменой кровавой, Врага не сразивши, Погибнет без славы» [6, с. 553]. Услышав эти слова из уст любимой девушки, герой, предавший чувства провожавшей его возлюбленной, проявив боязливость и несмелость, не решился зайти к ней. Песня возвращает нас к суровой морали черкесов о необходимости жертвовать собой, своей жизнью во имя благополучия Родины. Она, с одной стороны, поднимает тему героического, тему свободы на большую высоту, с другой – выступает как приговор предателю-трусу, изменившему традициям отцов. В

суровой тональности песни слышен голос родины, требовательно-ласковой к своим благодатным сынам, но беспощадной к лишенным твердости и последовательности изменникам. Суть песни тесно связана с содержанием поэмы. Здесь она направляет, определяет поведение героя. Последнюю надежду Гарун возлагал на мать. Но его позор падал особенно на мать, воспитавшую труса. Ментальные традиции адыгов с их культом мужества и отваги, подчинившими себе и сознание женщины, породили образ матери, более всего страшящейся родить недостойного сына, сына-труса. Поэтому и она тоже прогнала его, так как предательский поступок героя становится потенциальным источником стыда и для нее:

*...гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой.
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы [6, с. 551].*

«Крайняя жестокость концовки, – отмечает В. Э. Вацура, – выступает еще более рельефно на фоне эпически хладнокровной интонации рассказчика. Но жестокость не столь чудовищна, как должно это казаться европейцу: перед нами иная, неевропейская, система ценностей и этических представлений» [3, с. 240]. Ни дружба, ни любовь, ни родственные связи не могли быть препятствием для безусловного следования народно-общественным установкам, декларирующим права и обязанности каждого отдельного представителя этого этноса. По черкесским обычаям только смыв свой позор подвигом, герой мог вернуться в лоно традиционных ценностей. Но он оказался не способным на это, хоть и терпел муки и стыдился своего поведения. Поэтому мнение людей становится мерой поведенческой самооценки героя: Гарун, всеми отвергнутый и изгнанный, пресекает свое постыдное, унижительное бесчестье ударом кинжала, ибо его поведение выходило за рамки черкесской действительности, традиционных норм, определявших мироустройство народа. И имя героя становится для народа синонимом беславия:

*В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца [6, с. 554].*

Позорный поступок определил отталкивающее отношение родных к трусу. Сила общественного мнения, обрекая его на одиночество, была настолько велика, что он предпочел умереть. Потому что, хоть он и понимал, что нарушил нравственно-поведенческие нормы своего народа, в то же время не мыслил себя, вне своего этноса. И когда произошел разрыв с ним, тогда и его жизнь потеряла смысл. Этим обусловлено его самоубийство. Насколько бесславленным был его поступок, настолько же бесславной оказалась и его смерть – это двойное бесчестье, двойная гибель для героя. Отсюда напрашивается вполне оправданный вывод о невозможности личного благополучия и счастья вне благополучия и счастья всего народа. Так через отрицательный типаж героя-изгоя М. Ю. Лермонтов выразил менталитет адыга-черкеса. То, что М. Ю. Лермонтов «приводит своего героя к бесславной гибели», свидетельствует о том, что он «на стороне традиционных северокавказских нравственно-социальных установок» [1, с. 456]. В лице Гаруна «автор с гражданских позиций осуждает и развенчивает в поэме индивидуализм, замыкающий человека в узкие рамки личных интересов и противостоящий общественной морали» [4, с. 133], а в образах Селима, любимой девушки Гаруна и его матери «утверждает гражданское и героическое

содержание жизни, как единственный высокий смысл и цель человеческого бытия» [4, с. 132].

Таким образом, показ инонационального героя решается в поэме на основе творческого постижения культуры черкесского народа, национальной специфики его традиций. Но в решении этого вопроса «в поэме наблюдаются два художественно-стилевых начала: романтически-обобщенное и объективно-конкретное, эмпирическое. Второе начало способствует воссозданию кавказской действительности в ее предметной и бытовой конкретности, а также национальной характерности. Другое же романтически-обобщенное начало, которое является доминирующим, наоборот, выводит изображаемое за пределы конкретной кавказской действительности и придает ему общечеловеческое значение» [4, с. 139]. Поэтому полные всеобщим презрением слова матери, адресованные Гаруну, приобретают обобщенный смысл, который легко можно приписать к предателям любой национальности. И получается так, что поэма о суровом нравственном долге человека на войне, независимо от того, какой он национальности. Пронизанная фольклорными мотивами, она как бы устами народа порицает трусость, малодушие, пренебрежение интересами Родины ради спасения одной своей жизни.

Использованная литература:

1. Анкудинов Н. А. А. С. Пушкин о социокультурном конфликте в поэме «Тазит» // Мир и культура адыгов (проблема эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С. 452–456.
2. Бигуаа В. А. Абхазская литература и литература народов Северного Кавказа: Историко-культурный конспект. Диаспора. М.: Ин-т мир. лит-ры им. М. Горького, 2011
3. Вацуро В. Э. М. Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л.: Наука, 1976.
4. Глухов А. Н. Эпическая поэзия М. Ю. Лермонтова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982.
5. Костылев С. В. Менталитет адыгского этноса: проблемы становления и эволюции: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Краснодар, 2003.
6. Лермонтов М. Ю. Беглец // Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1988. Т. 1.
7. Лопатинский Л. Г. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея) полковника и коман-

References:

1. Ankudinov, N. A., A. S. Pushkin o sotsiokul'turnom konflikte v poeme «Tazit» (Pushkin about the Socio-Cultural Conflict in the Poem "Tazit"), in *Mir i kul'tura adygov (problema evolyutsii i tselostnosti)*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 452–456.
2. Biguaa, V. A., *Abkhazskaya literatura i literatura narodov Severnogo Kavkaza: Istoriko-kul'turnyy konspekt. Diaspora* (Abkhazian Literature and Literature of the Peoples of the North Caucasus: Historical and Cultural Synopsis. Diaspora), Moscow: Institut mirovoy literatury imeni M. Gor'kogo, 2011
3. Vatsuro, V. E., M. Yu. Lermontov (Mikhail Yu. Lermontov), in *Russkaya literatura i fol'klor. Pervaya polovina XIX veka*, Leningrad: Nauka, 1976.
4. Glukhov, A. N., *Epicheskaya poeziya M. Yu. Lermontova* (Epic Poetry of Mikhail Lermontov), Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1982.
5. Kostylev, S. V., *Mentalitet adygskogo etnosa: problemy stanovleniya i evolyutsii* (The Mentality of the Adygeyan Ethnos: the Problems of Formation and

дира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик: Эль-Фа, 1995.

8. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994.

9. Паранук К. Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Адыгейский республиканский кн. изд-во, 2012.

10. Тэбу де Мариньи Э. Поездки в Черкессию / пер. с франц. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006.

11. Ханаху Р. А. Морально-этический феномен адыгагъэ – основа народной культуры // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: Адыгея, 2002. С. 177–184.

12. Эйхенбаум Б. М. Лирика Лермонтова // Статьи о Лермонтове. М.-Л.: АН СССР, 1961.

Evolution.), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philosophy)*, Krasnodar, 2003.

6. Lermontov, M. Yu., Beglets (The Fugitive), in *Lermontov, M. Yu., Sochineniya*, in 2 vols., vol. 1, Moscow: Pravda, 1988.

7. Lopatinskiy, L. G., *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh. Opisanie ochevidtza Teofila Lapinskogo (Teffik-beya) polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyykh gortsev* (Caucasian Mountaineers and Their Liberation Struggle Against the Russians. Eyewitness Description of Theophilus Lapynsky (Teffik Bey), a Colonel and Commander of Polish Troops in the Country of Independent Mountaineers), Nalchik: El'-Fa, 1995.

8. Nogmov, Sh. B., *Istoriya adykheyskogo naroda* (History of the Adyghe people), Nal'chik: El'brus, 1994.

9. Paranuk, K. N., *Mifopoetika i khudozhestvennyy obraz mira v sovremennom adygskom romane* (Mythopoetic and the Artistic Image of the World in the Modern Adyghe Novell), Maykop: Adygeyskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012.

10. Taitbout de Marigny, E., *Poezdki v Cherkesiyu* (Voyages in Circassia), Mal'bakhov, K. A., Transl., Nalchik: El'-Fa, 2006.

11. Khanakhu, R. A., *Moral'no-eticheskiy fenomen adyag"e – osnova narodnoy kul'tury* (The Moral and Ethical Phenomenon of "adygag"e as the Basis of National Culture), in *Mir kul'tury adygov (problemy evolyutsii i tselostnosti)*, Maykop: Adygeya, 2002, pp. 177–184.

12. Eykhenbaum B. M. *Lirika Lermontova* (The Lyric of Lermontov), in *Eykhenbaum B. M. Stat'i o Lermontove*, Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Схаляхо, Д. С. О некоторых аспектах адыгского представления темы мужества и бесчестия в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» [Электронный ресурс] / Д. С. Схаляхо // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 87-92. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Skhalyakho.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Skhalyakho, D. S., *O nekotorykh aspektakh adygskogo predstavleniya temy muzhestva i beschestiya v poeme M. Yu. Lermontova "Beglets"* (On Some Aspects of the Adyghe Representation of the Theme of Courage and Dishonor in Mikhail Lermontov's Poem "The Fugitive"), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 87-92. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Skhalyakho.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

МАРЧЕНКО Елизавета Михайловна
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории и права
Ставропольского государственного педагогического института
Ставрополь, Россия
Elizaveta M. MARCHENKO
Cand. Sci. (National History), Senior lecturer,
Department of History and Law,
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia
mail@sspi.ru

Культура материнства и ее трансформация в условиях глобализации

Culture of Motherhood and Its Transformation in the Context of Globalization

В статье рассматривается материнство как социокультурный и исторический феномен. Отмечается его роль в генезисе традиционной культуры, а также механизмы воспроизводства в славянских обществах Северного Кавказа. Проводится анализ факторов, определивших трансформацию материнских практик, в том числе в деле родовспоможения. Рассматривается влияние вытеснения родов на дому при помощи бабок-повитух профессиональными акушерками. Отмечается, что отдельные традиции (например, многодетности, высокого социального статуса женщины-матери) к концу XX в. были утрачены, однако не потеряли актуальности. Другие – отказ от продолжительного грудного вскармливания – укоренились. Отмечается аналогия между сурrogатным материнством и кормиличным промыслом.

Ключевые слова: материнство, традиционные общества, культура, родовспоможение, повитуха, акушерка, грудное вскармливание, кормиличный промысел.

The article deals with the motherhood as a social, cultural, and historical phenomenon. The author marks its significance in the genesis of traditional culture. The mechanisms of reproduction in Slavic societies of the North Caucasus are considered. Factors that determined maternal practices include obstetrics are analyzed. Influence of the displacement of home labors with the assistance of wise women by the childbirths with the professional midwives is examined. The author notes that some traditions (for example, having many children, high social status of mothers) were lost by the end of the twentieth century, but now they have not lost their relevance. Other ones (for example, rejection of prolonged breastfeeding) were taking root. The analogy between surrogacy and trade in breastfeeding is marked.

Keywords: motherhood, traditional societies, culture, obstetrics, wise women, midwife, breastfeeding, trade in breastfeeding.

В данной статье мы обращаемся к такой составляющей традиционной культуры, как материнство. Не вызывает сомнений, что именно этот социобиологический институт во многом определяет то, в каком состоянии находится традиционная культура. Как с точки зрения истории, так с позиции этнографии и культурологии, материнство является важнейшим механизмом воспроизводства не только конкретного человека, но и культуры в целом.

Так, американский исследователь Э. Эриксон отметил наличие в каждой культуре особого стиля материнства (mothering), который всегда принимается матерью за единственно правильный, но, в конечном счете, определяется ожиданиями социума в отношении своего будущего члена. Он представляет собой систему воспитания, являющуюся результатом длительной эволюции, запечатлевшей историю общества, ориенти-

рованную на включение индивида в данную группу, на выработку присущего ей типа мировосприятия и поведения [12]. Важнейшую культурно-генетическую роль материнства отмечала и отечественная исследовательница В. П. Рамих [9].

Нынешняя ситуация, когда министр труда Максим Топилин сообщает, что «в прошедшем году в стране родилось 1 млн 947 тыс. детишек, такого количества рождений не было еще в истории России» [6, с. 1], казалось бы, обнадеживает. Тем более, что подобная тенденция наблюдается уже в течение трех лет. Однако факты рождения детей ещё не говорят о воспроизводстве культуры. Материнство, не смотря на свою биологическую основу, как доказывают исследователи и исторический опыт, под действием политического, социального и технико-медицинского факторов, подвержено сильным изменениям. Это привело к тому, что материнство, как важнейший механизм трансляции традиционной культуры, больше не выполняет этой роли.

Медикализация родового процесса, уменьшение количества рождений, повышение возраста последних родов, произошедшие в XX в., безусловно вызвали позитивные сдвиги в области снижения младенческой и материнской смертности, травматизма. Однако этот процесс имел и ряд негативных последствий. Первым из них стало уничтожением механизмов естественного воспроизводства материнства. Важную роль в этой связи играла практика множественного или параллельного ухода, широко бытовавшая в больших неразделенных семьях. Естественно, в связи с вытеснением этого типа семьи малой парной, передача народного опыта становилась более затруднительной.

Традиционная система воспитания в большой трехпоколенной семье обеспечивала высокую степень психологической готовности девушки к материнству. Как свидетельствуют исследователи, большинство обрядов, фиксируемых в славянской среде Северного Кавказа и связанных с первичной социализацией девочек, были направлены на подготовку к исполнению половых ролей [2, с. 130], выработку у них соответствующих феминных стереотипов, а также практических материнских умений.

Не менее важным стало изменение в месте и форме проведения родового акта. Если до установления советского государства в подавляющем большинстве случаев роды проходили на дому, то важнейшим направлением политики «охраны матимлада» стало создание роддомов и предоставление акушерской помощи. Большие материальные и пропагандистские средства были брошены на вытеснение из местных обществ важнейших фигур – повитух, замену их профессиональными медиками. Примечательно, что в славянских обществах, в том числе и на Северном Кавказе, обязанности повитухи не ограничивались только родовспоможением. Они оказывали в первые дни определенную помощь роженице в быту, и в этом их роль значительно отличалась от профессиональных медиков.

Оценки эффективности их деятельности часто весьма противоречивы. Часть авторов прямо говорят о том, что применяемые повивальными бабками приемы «иногда бывают так губительны для родильниц, что нужно удивляться, как бедные женщины еще остаются живы» [10, с. 27]. Встречаются и более сдержанные оценки: «Приемы таких бабок не всегда рациональны, и только самые опытные предоставляют дело природе, а другие, и притом большинство, стараются помочь родам... разумеется, при таких приемах ухаживания часто происходят или смерть родильницы, или постоянные боли живота» [4, с. 128]. Отмечаются и прямые одобрительные свидетельства, которые помощь бабок-повитух ставят выше, чем услуги акушерок. Очевидцы отмечали, что «от их грубых приемов больные через несколько дней встают с постели... и не страдают ничем после родов» [3].

Не умаляя роли акушерок в повышении качества услуг, оказываемых роженицам, необходимо отметить следующие последствия. Изменилось не только место родов (раньше в славянской среде – чаще всего баня, реже хлев или овин), но и положение, и роль женщины в родовом акте. Произошло вытеснение вертикального (более физиологичного) положения в родах, практикуемого традиционными обществами, горизонтальным – в обществах индустриального типа. Как доказывают исследователи, в этом случае не только физически меняется положение женщины, но и струк-

турно: горизонтальное положение облегчает внешний контроль процесса специалистом, превращая роженицу из субъекта деятельности в объект манипуляций [5, с. 28].

Медикаментозное обезболивание при родах, впервые примененное в Советском Союзе, в дальнейшем нашло широкое применение, несмотря на риск повышения травматизма матери и плода. Однако в традиционных обществах именно роды, боль и способность её переносить были важными инициационными составляющими, которые позволяли женщине переходить в новую, более полноправную и престижную категорию.

Материнство в целом легитимизировало брак, было фактором, который повышал социальный статус женщины. Возвращение к этим традиционным ценностям постулируется в государственных доктринальных документах (Указ Президента Российской Федерации «Об основах государственной культурной политики» [11]; проект Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г. [7] и т. д.) Однако социальные реалии не позволяют в полной мере преодолеть негативные социальные стереотипы, сформировавшиеся в обществе на протяжении XX в. Позитивный образ женщины-матери, многодетности — как оптимальной социальной стратегии, как отмечает Н. Л. Пушкарева, формировался и поддерживался в российском обществе не десятилетиями, а в течение почти тысячелетия, посредством многочисленных агентов (церковь, община, государство) [8].

Интересен при этом тот факт, что некоторые негативные черты, отмечаемые в традиционной восточно-славянской модели материнского поведения со временем лишь укоренялись. К примеру, широко распространенный отказ от продолжительного грудного вскармливания. По данным статистики, около трети детей, рождаемых в Российской Федерации уже с полугода лишаются грудного вскармливания. Аналогичную ситуацию фиксировала этнографическая литература на Северном Кавказе в среде славянского населения в конце XIX в. (см.: [4] [10]). Объяснялась она чрезвычайной занятостью женщины-матери в домашнем производстве на фоне подъема зернового хозяйства. В 1920-х гг. в брошюрах и других агитационных материалах,

выпускаемых отделом Охраны материнства и младенчества, отмечалась низкая младенческая смертность в регионах с мусульманскими традициями, где шариат обязывал мать кормить ребенка до 2-х лет.

Интересны также те трансформации, которые претерпевали отдельные материнские практики в различной социальной среде, и в частности, применение кормилиц. Данная практика, имевшая широкое распространение в высших сословиях, возникла из естественной причины – отсутствие молока у матери. Однако в дальнейшем общество значительно трансформировало формы и содержание процесса. В средневековой Европе кормиличный промысел был самым высоко оплачиваемым женским занятием [1, с. 275]. На Северном Кавказе, в среде горского населения, превратился в способ поддержания и расширения социальных связей посредством установления искусственного родства. При этом кормилица в княжеской семье могла заработать большой участок земли или отару овец, что было весьма существенно.

Характерно, что и в том и в другом случае, труд кормилиц чаще использовали представительницы высших сословий, перекладывая часть наиболее обременительных материнских обязанностей на плечи женщин более низкого происхождения. Этнографы утверждают, что в целом для славянской среды характерно отождествление доли, судьбы и материнского молока. В связи с этим в обществах, сохранивших традиционные устои, отмечалась крайняя неохота, с которой женщины брались за вскармливание чужих детей [2, с. 177]. Поэтому расцвет этого занятия в качестве промысла отмечался в промышленно развитых районах, вблизи столиц.

Примечательно, что в дальнейшем врачи-гигиенисты в России конца XIX в. рассматривали кормиличный промысел как еще один важный и губительный путь передачи венерических заболеваний от представительниц высших классов к низшим, а также из города – в деревню. Данное занятие подвергалось жесткой критике со стороны публицистов всех категорий, а особенно марксистов. Ими, в частности, отмечалось, что следствием такого «промысла» было резкое снижение качества жизни и увеличению рисков для детей меща-

нок или крестьянок, которые отказывали в грудном вскармливании собственным детям. (Ярчайшая иллюстрация – картина К. Б. Венига «Посещение кормилицей своего дитя»).

Таким образом, словно следуя прозвучавшему позднее девизу видного советского идеолога «женского вопроса» А. М. Коллонтай, привилегированные классы стремились снять с матерей – представительниц высших сословий «крест материнства», оставив им лишь безмятежную «улыбку материнства».

Как нам видится, логическое или генетическое развитие данная практика получила

в настоящий момент в проблеме суррогатного материнства. «Сурмамочки» обеспечивают себе относительное экономическое благополучие, а состоятельным согражданам – потомство. Какие элементы культуры транслируются такими своеобразными агентами – предположить сложно. Если прибавить к этому ещё электроньянь, диски с записями унифицированных колыбельных и сказок вместо живого исполнения и т. д., можно сделать вывод о том, что материнство как важнейший элемент трансляции и сохранения традиционной культуры в нашем обществе не действует.

Использованная литература:

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
2. Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX — середина XX вв.) / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. Ростов н/Д.: Изд-во Южного научного центра РАН, 2011.
3. Заметки из станицы Каменской (без подписи) // Донские областные ведомости. 1880. № 9. С. 3.
4. Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области, Баталпашинского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданскою частию на Кавказе, 1888. Вып. 6. С. 27–43.
5. Латухина К. Россия в 2014 г. побил рекорд по рождаемости // Российская газета. 2015. 22 марта. С. 1.
6. Оден М. Возрожденные роды [Электронный ресурс] // Библиотека Lib100. URL: http://lib100.com/book/mama/vozhrozhennye_rod_i (дата обращения 06.03.15).
7. Проект Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. (в редакции от 13 января 2015 г.) [Электронный ресурс] // Портал «Российское образование». URL: http://www.edu.ru/files/discussion/v14_01_15.doc (дата обращения: 1.03.15).
8. Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи: очерки частной жизни в Европе до начал нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1996. С. 305–345.
9. Рамих В. А. Материнство как социокультурный феномен: дисс. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д.: Ростовский гос. ун-т, 1997.
10. Стефанов Т. Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями г. Ейска... // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданскою частию на Кавказе, 1888. Вып. 6. С. 160–184.
11. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf> (дата обращения: 1.03.15).
12. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996.

References:

1. Ariès, F., *Rebenok i semeynaya zhizn' pri starom poryadke* (The Child and Family Life in the Old Régime), Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999.
2. Vlaskina, T. Yu., *Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kul'tury donskikh kazakov (konets XIX — seredina XX vekov)* (Home World at the Turning Point of the Epochs. Essays of the Traditional Culture of the Don Cossacks (the End of the 19th - the Middle of the 20th Centuries)), Pushkareva, N. L., Ed., Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, 2011.
3. *Zamетки iz stanitsy Kamenskoy (bez podpis)* (Notes from the Stanitsa Kamenskaya (unsigned)), *Donskie oblastnye vedomosti*, 1880, no. 9, p.3.
4. Ivanov, D., Stanitsa Otradnaya Kubanskoj oblasti, Batalpashinskogo uezda (Stanitsa Otradnaya of Kuban Region, Batalpashinsk County), in *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*, Tiflis: Tipografiya Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chastiyu na Kavkaze, 1888, vol. 6, pp. 27-43.
5. Latukhina, K., Rossiya v 2014 gody pobila rekord po rozhdaemosti (Russia in 2014 Broke the Record for Fertility), *Rossiyskaya gazeta*, Mart 22, 2015, p. 1.
6. Oden, M., *Vozrozhennyye rody* (Reborn Labor), in *Biiblioteka Lib100*. http://lib100.com/book/mama/vozhrozhennye_rod_i. Accessed Mart 1, 2015.
7. Proekt Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g. (v redaktsii ot 13 yanvarya 2015 goda) (Project of Education Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (as Amended on January 13, 2015)), in *Portal "Rossiyskoe obrazovanie"*. http://www.edu.ru/files/discussion/v14_01_15.doc. Accessed Mart 1, 2015.
8. Pushkareva, N. L., *Mat' i materinstvo na Rusi (X–XVII veka)* (Mother and Motherhood in Russia (from the 10th to the 17th Centuries)), in *Chelovek v krugu sem'i: ocherki chastnoy zhizni v Evrope do nachal novogo vremeni / Bessmertnyy*, Yu. L., Ed., Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 1996, pp. 305-345.
9. Ramikh, V. A., *Materinstvo kak sotsiokul'turnyy fenomen* (Motherhood as a Social and Cultural Phenomenon), *Extended Abstract of Dr. Sci. Dissertation (Philosophy)*, Rostov-on-Don: Rostovskiy gosudarstvennyy universitet, 1997.
10. Stefanov, T., *Obryady i obychai, soblyudaemye zhitelyami goroda Eyska...* (Rites and Customs Observed by

the Residents of the Town of Yeisk...), in *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*, Tiflis: Tipografiya Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chastiyu na Kavkaze, 1888, vol. 6, pp. 160–184.

11. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki (Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 no. 808 “On Approval of the Fundamentals of the State Cultural Policy”), in *Prezident Rossii: ofitsial'nyy sayt*. <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>. Accessed Mart 1, 2015.

12. Erikson, E., *Detstvo i obshchestvo* (Childhood and Society), Saint-Petersburg: Lenato, AST, Universitetskaya kniga, 1996.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Марченко, Е. М. Культура материнства и ее трансформация в условиях глобализации [Электронный ресурс] / Е. М. Марченко // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 93-97. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Marchenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Marchenko, E. M., *Kul'tura materinstva i ee transformatsiya v usloviyakh lobalizatsii* (Culture of Motherhood and Its Transformation in the Context of Globalization), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 4, pp. 93-97. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Marchenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

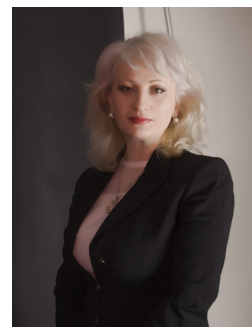

КАГЕРМАЗОВА Лаура Цараевна

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики и психологии
дополнительного профессионального образования
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х. М. Бербекова,
Нальчик, Россия

Laura Ts. KAGERMAZOVA

Dr. Sci. (Educational Psychology), Assoc. Prof, Prof., Department
of Pedagogy and Psychology of Additional Professional Education,
Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia
laura07@yandex

АБАКУМОВА Ирина Владимировна

доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой общей психологии развития
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия

Irina V. ABAKUMOVA

Dr. Sci. (General Psychology, History of Psychology,
Psychology of a Person; Educational Psychology), Prof., Head, Department
of General Psychology of Development, Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
laura07@yandex.ru

Этническая толерантность как основа взаимодействия культур

В работе рассматривается проблема этнической толерантности, которая понимается как проявление личностной толерантности. Этническая толерантность выступает и как элемент общей и личностной культуры представителей различных этносов. Авторы показывают ее взаимосвязь с ценностно-смысловой сферой личности. Практическое применение выводы авторов нашли при разработке учебного курса «Искусство общения и достижение согласия». Его освоение обеспечивает глубокое понимание студентами роли межэтнической толерантности в жизни каждого человека и мира в целом. Студенты приобретают навыки преодоления трудностей и конфликтов с помощью принципов сотрудничества и равноправия, вставая на позиции противоборствующих сторон и пытаясь увидеть мир глазами «Другого».

Ключевые слова: смыслообразование, смысловые образования личности, ценностно-смысловая сфера личности, этническая толерантность, образовательный процесс.

Ethnic Tolerance as the Basis of the Interaction of Cultures

The paper deals with the problem of ethnic tolerance, which is understood as a manifestation of personal tolerance. Ethnic tolerance also acts as an element of general and personal culture of representatives of the various ethnic groups. The authors show its relationship with value-semantic sphere of personality. The practical application of the conclusions of the authors was found in the training course "The Art of Dialogue and Consensus". Its development provides a deeper understanding of the role of interethnic tolerance in the life of every human being and the world in general. Students acquire the skills to overcome the difficulties and conflicts using the principles of cooperation and equality, rising to the position of the opposing sides and trying to see the world through the eyes of "The Other".

Keywords: meaning-making, semantic formations of the personality, value-semantic sphere of personality, ethnic tolerance, educational process.

Международная практика определила толерантность в качестве необходимого условия общения людей разных культур, этнических и межконфессиональных групп. Эта тенденция отражена в Декларации принципов толерантности, подписанной 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая и Россию. В документе подчеркивается, что «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности» [2, с. 80].

Толерантность – это искусство жить в мире разных людей и идей, способность иметь права и свободы, при этом не нарушая прав и свобод других людей. Конструктивное взаимодействие социальных групп с различными ценностными, этническими, политическими, религиозными ориентирами может быть достигнуто на общей платформе социальных норм толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия. Формирование установок толерантного поведения, веротерпимости, миролюбия, противодействие различных видов экстремизма и их конструктивная профилактика имеет огромное значение как в сфере социально-политической жизни многонациональной России, так и в межгосударственном масштабе.

Система образования и воспитания подрастающего поколения, обеспечивая функционирование механизма трансляции этнического наследия, призвана, вместе с тем, обеспечить и интеграционные процессы, заложить основы для понимания и общения с другими культурами, нацелить на умение поддерживать и развивать диалог культур. Этим задачам как нельзя лучше отвечает процесс этнопедагогизации средней школы и вуза, который позволяет оптимально решать задачи кросс-культурного образования, формирования культуры межнациональных отношений, воспитания межэтнической толерантности. В начале XXI в. проблема толерантности приобрела особую актуальность в связи с процессом глобализации, сталкивающей цивилизационные, религиозные, национальные и этнические идентичности различных культур и народов. В условиях глобализации проблема толерантности приобретает принципиально важное значение, поскольку выступает одной

из возможных парадигм взаимодействия и взаимовлияния культур, способной противостоять тенденции снижения этнокультурного разнообразия, их унификации [3, с. 15].

Вместе с тем необходимо учитывать очень важное звено – психологическое, внутриличностное содержание феномена толерантности, без понимания которого, а также соответствующих условий и механизмов его развития, хотя бы в самом общем виде, трудно ожидать создания эффективных стратегий воздействия. Психологический взгляд на основы толерантности включает в себя следующие аспекты. Подлинная толерантность – это проявление сознательного, осмысленного и ответственного выбора человека, его собственной позиции и активности в построении определенных отношений. Межличностная толерантность – это толерантность, понимаемая как особый способ взаимоотношения и межличностного взаимодействия с Другим, как межличностный диалог (диалогический подход) [3].

Поэтому нам представляется важным осуществление психолого-педагогической работы с подрастающим поколением по формированию толерантности, ориентированной на обеспечение устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; на сохранение этнического и культурного разнообразия цивилизаций и народов; на готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

Подлинная толерантность является качеством развитой, зрелой личности, то есть такой, которой для самоутверждения не требуется унижения другого человека, но обладающей адекватной самооценкой, высоким чувством собственного достоинства и системой нравственных норм и ценностей. Можно даже сказать, что толерантность является неотъемлемым качеством зрелой личности. Поскольку зрелость личности предполагает наличие таких черт, как ответственность за свои чувства, мысли и поступки, выбор сотрудничества как стиля взаимоотношений, принятие себя и другого человека целиком, таким, какой он есть, гибкость и способность к адаптации. Актуальность формирования толерантности

определяется тем, что при ее отсутствии в поведении человека возникает не пустота, а противоположные черты – агрессивность, жестокость, насилие.

Толерантность формируется при наличии у субъекта адекватной самооценки, навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях, осознанности мотивации терпимости. В основе толерантности личности – самоуважение, чувство собственного достоинства, отсутствие комплекса неполноценности. Следовательно, формирование этих качеств должно способствовать воспитанию в духе толерантности [1, с. 21].

Толерантность как особенность сознания или личностная черта не присуща человеку изначально и может никогда не появиться. Поэтому она должна быть специально воспитана, сформирована. Воспитание толерантности предусматривает отказ от социальных предубеждений, негативных социальных стереотипов в пользу объективного отношения к любому человеку вне зависимости от его индивидуальных особенностей.

Основными компонентами понятия толерантность являются активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости. Целью формирования данных социально-психологических качеств является позитивное взаимодействие с людьми иных культур, взглядов, позиций, ориентацией. На развитие толерантности личности влияют как внутренние, так и внешние факторы. Из внешних факторов, препятствующих процессу ее формирования в нашем обществе в настоящее время отмечают следующие:

- отсутствие устоявшихся традиций многообразия мнений;

- развившееся у людей в последнее время чувство национального унижения, связанного с распадом СССР, нарастающей зависимостью от других стран. Следствием этого является рост националистических настроений и популярность экстремистских идей, которые передаются и молодежи, и детям;

- свойственные многим молодым людям эгоцентрические установки сознания. Эгоцентризм – это видение мира через призму только своих интересов, с точки зрения, которая

наивно оценивается ее выразителем как исключительно правильная. Многие не могут даже представить себе, что перед ними другая культура со своей собственной, особой логикой мышления и поведения и зачастую пытаются проецировать на других собственные мысли и качества. Кроме того, наши подростки в основной своей массе некомпетентны в вопросах, относящихся к толерантности, и даже не вполне знакомы с этим понятием [4, с. 60].

Внутренние факторы, которые сдерживают развитие толерантности – агрессивность, несдержанность, черты темперамента, негативные формы самоутверждения.

К факторам, способствующим развитию толерантности молодежи, можно отнести те, которые связаны с процессом образования (рост осмысленности восприятия, формирования мировоззрения, расширение кругозора, развитие самосознания, становление адекватной самооценки) и местом в социальной жизни. Здесь на первый план выходит проблема образования и трудовой деятельности.

Рассмотрим подробнее воздействие этих двух факторов (образования и трудовой деятельности) на формирование толерантности молодого человека.

Трудно не согласиться с М. Липманом, который убежден в том, что если общество не тратит усилия на образование, не работает целенаправленно и систематически, чтобы с помощью образовательных мер уменьшить насилие и развивать миролюбие и толерантность, оно не имеет мира [3, с. 19].

Образование не сводится к усвоению знаний. Это, скорее, изменение всего духовного мира личности, а не только социально-познавательного статуса. Образование влияет на деятельность личности, ее субъективные (знания, умения, навыки, потребности, мотивы, самооценку) и объективные (профессиональное становление, карьерный рост и др.) характеристики.

Влияние образовательного пространства вуза на нравственное развитие юношеского возраста осуществляется через действие идентификации, подражания, внушения, конформности. Поэтому доминирующим направлением в решении задач воспитания толерантности является ориентация личности

будущего специалиста на духовные ценности при формировании ее профессиональных качеств.

Задача высшего образования – воспитать специалиста, отличающегося терпимостью к различным мнениям, непредубежденностью к оценке коллег, партнеров и событий, способного творить свою судьбу и судьбу своей многонациональной страны, быть в ответе за мир своего региона, своего государства. Высшее образование как часть общей образовательной системы способно эффективно работать в этом направлении. Возможности для развития личности, повышения общей культуры и формирования толерантного сознания студентов заложены, прежде всего, в программе гуманитарных дисциплин. При правильном подходе на формирование толерантности способно значительно повлиять само содержание этих дисциплин, которые имеют огромный потенциал в этом отношении [2, с. 79].

Курс «Искусство общения и достижение согласия», который читается в Кабардино-Балкарском государственном университете имени Х. М. Бербекова, обладает необходимыми в процессе формирования этнической толерантности преимуществами, выражающимися в том, что профессиональный компонент – толерантность к Другому – может и должна формироваться на базе обращения к культуре и психологии различных народов. Следующий этап формирования этнической толерантности (формирование собственной положительной этнической идентичности) также реализуется в содержании данного курса. Психологическая и теоретическая его составляющие, обеспечивающие становление и развитие этнической толерантности студента, должны быть дополнены практической составляющей для формирования специфического профессионального компонента.

К практико-ориентированным методам относятся проблемные ситуации, приемы аттракции, убеждение, положительный пример, упражнение, тренинги. Особенности рассматриваемого нами процесса создают необходимость отбора таких методов обучения, которые способствовали бы развитию формируемого качества в целостности, что требует использования комплексных методов. Такими методами являются познавательные учеб-

но-профессиональные ситуации в условиях учебно-игровых дискуссионных форм обучения, а также реальные проблемные ситуации профессиональной деятельности будущих учителей. Реальная проблемная ситуация, в которой формулируется задача (проблема) в собственном смысле этого слова. Перечислим возможные проблемные задачи: распознать природу межэтнической конфликтной ситуации; выявить объект конфликта; установить участников конфликта; рассмотреть их точки зрения и причину столкновения интересов; выбрать оптимальный стиль взаимодействия в конфликте и соответствующие способы, приемы его разрешения.

Посредством специально разработанных социально-психологических технологий преподаватели, студенты в ходе тренингов толерантности и социальной компетентности научаются разрешать конфликтные ситуации, вести переговоры, вставая на позиции противоборствующих сторон и пытаясь увидеть мир глазами «Другого». Главная цель разработанного этнокультурного курса не просто привить студентам навыки толерантного поведения, но и научить их глубокому пониманию роли межэтнической толерантности в жизни каждого человека и мира в целом; научить применять полученные знания в реальной жизни, решая трудности и конфликты, опираясь на принципы сотрудничества и равноправия, учитывать как собственные интересы, так и интересы «Другого».

В рамках воспитания толерантности как составной части гражданской позиции молодого специалиста необходимо, на наш взгляд, проводить различные по форме и содержанию мероприятия. В числе таковых можно назвать, например:

- проведение анкетирования студентов с целью выяснения мнений учащихся по проблемам экстремизма и национализма и др.;

- введение в обучение курсов этнопсихологии и народной педагогики, организация вечеров национальной культуры для создания определенной информационной базы в данной области;

- организация круглых столов и конференций по наиболее острым проблемам в сфере политики, экономики и др. всестороннее овладение учащимися культурой своего соб-

ственного народа, как непереносимое условие интеграции в иные культуры;

- обучение студентов правам человека и миролюбию;

- формирование представлений о многообразии культур в России и мире;

- воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества;

- формирование умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур;

- воспитание в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения.

Подлинная культура межнационального общения, взаимодействия и сотрудничества народов может возникнуть только на основе раскрытия духовно-нравственного потенциала каждой нации, обмена опытом социального и культурного творчества на основе реализации идеалов свободы, справедливости и равенства. И именно образование призвано обеспечить сочетание интернационального и национального воспитания у студентов.

Здесь представляется актуальным обратиться к развитию смыслообразующего компонента образной сферы человека. Система личностных смыслов индивида позволяет оптимизировать или минимизировать активность субъекта во взаимоотношениях с объективной действительностью и проявляться в отношении к цели, процессу, результату деятельности, а также к жизни и к самому себе.

Вне всякого сомнения, толерантность как качество личности и феномен общественного бытия принадлежит к числу высших, базовых ценностей культуры. Она входит в состав смысловых единиц жизни и фактом своей значимости предписывает создание таких моделей образовательного процесса, которые бы исходили из жизненной практики толерантной культуры и основывались на субъектном опыте толерантных отношений участников процесса. Искусство учителя заключается в том, чтобы актуализировать те смысловые структуры сознания учащихся, содержанием которых были бы установки если не на принятие позиций «инакомыслящих», то, по крайней мере, на желание постичь их смыслы.

Воспитание толерантного сознания на личностно-смысловой основе может эффек-

тивно осуществляться в модели поликультурного образовательного пространства [6, с. 20]. Одно из таких пространств, получившее распространение в многонациональной России, предполагает множественность этнических культур, а значит, палитру и взаимодействие личностных смыслов, их несовпадение и взаимоисключение или, напротив, их взаимное сближение. Такой вариант поликультурного образовательного пространства технологически реализуется через диалог, механизмы взаимной адаптации, интерактивные методы общения, проблемные технологии обучения, ситуации выбора и, несомненно, задачи развития толерантного сознания учащихся. Более того, имеются основания считать, что поликультурное образовательное пространство по сравнению с другими образовательными моделями обладает большим потенциалом для решения этих задач [3].

Условиями успешности формирования этнической толерантности являются диалог разных культур, интерактивные методы общения и обучения, проблемные ситуации, а также прохождение всеми участниками образовательного процесса адаптации в поликультурной среде, участие в социализации друг друга. Эффективность педагогического процесса в условиях поликультурного образования обусловлена толерантным отношением друг к другу участников процесса, вариативностью и культуросообразностью содержания образования. Мы склонны также считать, что толерантность, обеспечивая успешную социализацию, является условием развития в личностном плане национального самосознания (сознание своей принадлежности к определенной социально-этнической общности и ее положения в системе общественных отношений) и в социальном плане межэтнической интеграции (процесса сближения этнических общностей).

Учитывая, что толерантность в этих условиях предстает как нравственное качество, ориентирующее личность на уважение права и достоинства людей иных групп, иных взглядов, стиля мышления и поведения, на конструктивное взаимодействие с ними, определим ведущие направления деятельности современного образования, способствующих воспитанию у подрастающего поколения то-

лерантности как инструментальной ценности и нравственного качества:

1. Гуманизация образовательного процесса, предполагающая отказ от универсальных педагогических способов воздействия, их вариативность в зависимости от особенностей ребенка и среды.

В условиях гуманизации студент как развивающаяся личность становится центральным звеном образовательной системы, а само образование – процессом становления личности в культуре, в диалоге культур. Толерантность при этом выступает в качестве одной из составляющих результата образования.

Решение проблемы гуманизации образования, рассматриваемой в аспекте обеспечения условий для воспитания толерантности у детей и подростков, во многом зависит от усилий квалифицированных подготовленных к работе по данному направлению педагогов, что требует реформирования системы педагогического образования.

2. Подготовка педагогических кадров для воспитания толерантности у детей и подростков.

Формирование толерантности как одной из инструментальных ценностей личности – процесс продолжительный и целенаправленный, результат которого во многом обусловлен усилиями современной образовательной политики.

Учет смыслообразующего компонента образной сферы человека позволяет нам установить внутреннюю связь образной сферы с характеристиками личности и деятельности. У каждого человека есть свой образ представителя той или иной культуры, национальности, вероисповедания, связанное с ними ассоциативное представление цветовой визуализации, музыкального звучания, двигательного ритма. Понимание и чтение разных этносов на знаковом и символическом уровнях раскрывает новые возможности для принятия Другого. И здесь толерантность выступает как приемлемая основа урегулирования социальных и межэтнических конфликтов, снятия напряженности и достижения взаимоуважения интересов и ценностей всех этносов, «норма жизни в мире реально-

сти, это там, где надо понять других людей» [4, с. 58].

Механизмы смыслообразования как основы личностного становления, определяющие жизненные приоритеты и ценности в системе любых жизненных реалий, позволяют выйти на новый уровень осмысления той проблемы, которая, собственно, и является предметом анализа настоящей статьи. Хотя смысл, как было показано, по своей природе интенционален, однако, очевидно, что при определенных условиях внешнего воздействия его интенция может приобретать определенный вектор, что является ощутимым ресурсом в плане направленного воздействия на развитие определенной системы ценностей, особенно на уровне личности, которая находится еще в процессе своего становления подростка, юноши. В этом плане, безусловно, перспективен подход В. А. Иванникова, раскрывающий механизмы волевой регуляции, формирование побуждений к деятельности, дающий смысловой анализ деятельности [4, с. 60]. В психологической науке разработан целый ряд приемов, позволяющих целенаправленно изменить смысл действия, т. е. личностный смысл: переоценка значимости мотива или предмета потребности; изменение роли, позиции человека; соединение заданного и принятого действия с новыми мотивами и т. д. Эти психологические техники вполне могут быть выведены на уровень методов воздействия, ориентированных на формирование определенной идеологии как системы жизненных ценностей человека в отношениях с окружающим социумом.

Таким образом, образование выступает не только средством трансляции культуры, но и само является пространством для становления человека. Через образование реализуются тенденции к изменению систем [5]. Кроме того, гуманистический ценностный статус образования, обращенность его к культуре не только ориентируют личность в социальном мире, но и способствуют развитию «внутренних смыслов». «Смысл образования – в образовании смыслов» [5]: образующийся человек преломляет культурные ценности через призму своего «Я», наделяя их собственными смыслами.

Использованная литература:

1. Абакумова И. В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе: дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д., 1989.
2. Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 78–82.
3. Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц. Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8. № 3. С. 11–20.
4. Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц. Технологии направленной трансляции смыслов в обучении // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5. № 4. С. 56–64.
5. Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Смысл, 2002. С. 4–7.
6. Ермаков П. Н., Абакумова И. В., Азарко Е. М. Особенности личностно-смысловой сферы одаренных подростков // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 17–28.

References:

1. Abakumova, I. V., Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i ego ispol'zovanie v uchebnoy protsesse (The Meaning of the Person as the Pedagogical Factor and Its Use in the Educational Process), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Pedagogy)*, Rostov-on-Don, 1989.
2. Abakumova, I. V. and Ermakov, P. N., O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii (On the Formation of the Tolerance of Personality in the Multicultural Education), *Voprosy psikhologii*, 2003, no. 3, pp. 78–82.
3. Abakumova, I. V. and Kagermazova, L. Ts., Smysloobrazovanie kak faktor initsiatsii tsennostno-smyslovykh ustanovok v protsesse formirovaniya antiextremistskoy ideologii (The Meaning-Making as a Factor in the Initiation of Value-Semantic Guidelines in the Formation of Anti-Extremist Ideology), *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2011, vol. 8, no. 3, pp. 11–20.
4. Abakumova, I. V. and Kagermazova, L. C., Tekhnologii napravlennoy translyatsii smyslov v obuchenii (The Technologies of the Directional Translation of Meanings in the Education), *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2008, vol. 5, no. 4, pp. 56–64.
5. Asmolv A. G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu (Tolerance: from Utopia to Reality. On the Way to the Tolerant Consciousness), Asmolv, A. G., Ed., Moscow: Smysl, 2002, pp. 4–7.
6. Ermakov, P. N., Abakumova, I. V. and Azarko, E. M., Osobennosti lichnostno-smyslovoy sfery odarennykh podrostkov (Features of the Personal-Semantic Sphere of Gifted Adolescents), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2003 № 1, pp. 17–28.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кагермазова, Л. Ц. Этническая толерантность как основа взаимодействия культур [Электронный ресурс] / И. В. Абакумова, Л. Ц. Кагермазова // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 98-104. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Abakumova_Kagermazova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kagermazova, L. Ts. and Abakumova, I. V. Etnicheskaya tolerantnost' kak osnova vzaimodeystviya kul'tur (Ethnic Tolerance as the Basis of the Interaction of Cultures), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 98-104. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Abakumova_Kagermazova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР: ЯЗЫКИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ТЕМИРБОЛАТОВА Айшат Исмаиловна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры филологии
и общественных наук
филиала Южного федерального университета
в с. Учкеекн Карачаево-Черкесской Республики
Учкеекн, Карачаево-Черкесская Республика, Россия

Ayshat I. TEMIRBOLATOVA

Cand. Sci. (Theory of Language), Senior Lecturer,
Department of Philology and Social Sciences,
Branch in Uchkeken, Southern Federal University,
Uchkeken, Karachay-Cherkess Republic, Russia
temirbolatova@yandex.ru

Малочисленные языки Северного Кавказа и перспективы их развития в период глобализации

Minority Languages of the North Caucasus and the Prospects of their Development in the Globalization Period

Статья посвящена анализу современного состояния малочисленных языков Северного Кавказа. Автор указывает на угрозу исчезновения значительного количества языков, носители которых проживают в этом полиэтничном регионе. Рассмотрены основные причины исчезновения языков Северного Кавказа, среди которых выделяются социально-экономические, историко-культурные и бытовые факторы. Предлагаются некоторые неотложные меры, направленные на сохранение и развитие малочисленных языков, при этом особое внимание уделено актуализации исследований лингвистов, проводившихся в течение XX в.

Ключевые слова: исчезающие языки, Северный Кавказ, языковая политика, развитие языка.

The article is devoted to the analysis of the current state of minority languages of the North Caucasus. The author points to the threat of the disappearance of a large number of languages whose speakers live in this multiethnic region. The main reasons for the disappearance of the languages of the North Caucasus are considered, among which the socio-economic, historical, cultural and domestic factors are distinguished. Some urgent measures aimed at the preservation and development of minority languages are offered, with special attention paid to the actualization of linguistic research conducted during the 20th century.

Keywords: endangered languages, North Caucasus, Minority Languages, language policy, language development.

С древнейших времен Северный Кавказ известен как очень богатый и сложный этнический и языковой мир. «Здесь живет более пятидесяти автохтонных народов, чей этногенез произошел именно здесь. Из них тридцать проживают в Дагестане», – отмечает С. А. Арутюнов [3, с. 45]. Этническая картина Северного Кавказа мозаична и насыщена самыми разными красками, как нигде в других регионах России. «Каких только эпитетов не получил Северный Кавказ: и лаборатория национальных отношений, и край ста языков и народов, и бурлящий этнический котел. Немалую трудность для анализа этнической структуры региона представляет и тот факт, что во многих районах Дагестана некоторые аулы могут претендовать на статус самостоятельных этносов, настолько тонкой и неуправляемой является здесь грань между этносом и этнографической группой, между языком и диалектом. Не случайно ученые расходятся в оценке количества народов в Дагестане в пределах от тридцати до ста!» [1, с. 106].

По происхождению языки Северного Кавказа относятся к трем лингвистическим семьям: иберийско-кавказской (северокавказской или кавказской), индоевропейской и алтайской. Кавказские языки подразделяются на три группы – абхазо-адыгскую, картвельскую и нахско-дагестанскую [19, с. 2001]. Индоевропейская семья на Северном Кавказе представлена осетинским языком, который делится на два основных диалекта: иронский (положен в основу литературного языка) и дигорский [19, с. 1978]. Алтайская семья на Северном Кавказе представлена тюркской группой, к которой относятся кумыкский, ногайский, карачаево-балкарский и другие языки [5].

В настоящее время многие языки Северного Кавказа находятся под угрозой исчезновения. Согласно прогнозу М. Краусса, в XXI в. из 6000 языков на Земле останется 600, то есть 90% языков мира исчезнут безвозвратно. М. Краусс выделяет три категории языков: умирающие, находящиеся в опасности и находящиеся в безопасности. К первым он относит те языки, которые уже перестали выучиваться детьми как родные. В опасности, по его мнению, находятся те языки, которые, если сохранятся существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем

столетии. Наконец, безопасные языки – это те, относительно которых нет сомнений, что дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем [4, с. 9].

Что касается языков Северного Кавказа, то ЮНЕСКО в «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения» определило большинство этих языков как исчезающие. Не существует одного-единственного показателя, по которому возможно было бы определить, находится ли язык в опасности. Специалисты ЮНЕСКО выделили девять критериев, которые должны рассматриваться в совокупности: общее число носителей языка, доля носителей языка в общей численности населения, наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности, использование языка в новых областях и СМИ, вид и качество документации, государственная политика в отношении данного языка, включая его официальный статус и использование, области употребления языка, отношение членов общины к родному языку, передача языка от поколения к поколению. Языки, согласно классификации ЮНЕСКО, могут относиться к одной из шести категорий: «находится в безопасности», «положение вызывает опасение», «язык находится под угрозой исчезновения», «язык находится в серьезной опасности», «язык находится в критическом состоянии», «язык исчез». Так, к числу вымирающих относятся языки горских евреев джухури, адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и многие другие языки [21]. В Дагестане насчитывается, по данным атласа, более 25 языков, которым грозит исчезновение, а преподавание в школах республики ведется только на 14 языках.

Некоторые кавказские народы (абазины, шапсуги) включены в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации». А ведь даже самые экзотические языки, на которых говорит очень малое число людей, являются носителями коллективной памяти и нематериального культурного наследия. Вильгельм фон Гумбольдт считал, что язык народа – его дух, дух народа – это его язык [11, с. 68]. Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые выражают характер народа. Вместе с тем духовные особенно-

сти народов определяют национальное своеобразие языков. Так, профессор А. Е. Кибрик предлагает следующую шкалу языков: *здоровые языки, больные языки, исчезающие языки, мертвые языки*. Чем ближе расположен язык на такой шкале к зоне «мертвые языки», тем больше оснований считать его исчезающим [14, с. 67–69]. По классификации А. Е. Кибрика, исчезающие языки разделены на пять групп:

- 1) языки, которыми владеют 2–3 человека, эти языки стоят на грани небытия;
- 2) «смертельно больные» языки;
- 3) «серьезно больные языки»;
- 4) «хронически больные языки»;
- 5) бесписьменные «исчезающие» языки, обслуживающие малочисленные этносы на уровне разговорно-бытового общения семьи и села (*по преимуществу языки Дагестана: арчинский, гинухский, гунзибский, годоберинский и др.*) [14, с. 67–69].

Действительно, все миноритарные этносы находятся в зоне этнического бедствия, и как справедливо отмечает В. П. Нерознак, «поэтому они должны стать объектом лингвоэкологии и ревитализации как приоритетного и неотложного направления государственной языковой политики» [20, с. 5].

Утрата языка его носителями – первый и чаще всего последний симптом исчезновения малочисленного этноса. В решении о включении тех или иных языков коренных малочисленных народов в «Красную книгу» составители справочника руководствовались этнодемографическими критериями (численность этноса от 50 тыс. и менее). Так, в «Красную книгу» вошли двадцать представителей нахско-дагестанской группы языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, агульский, ботлихский, годоберинский, гунзибский, каратинский) и два представителя абхазо-адыгской группы (абазинский и шапсугский) [20, с. 10]. А ведь язык каждого народа является вкладом в мировую цивилизацию. «Под воздействием происходящих в современном мире процессов активно стираются границы языкового и культурного различия народов. Проблема сохранения языкового многообразия становится проблемой морального состояния планеты» [8, с. 22].

Среди основных причин исчезновения языков можно выделить следующие: соци-

ально-политические, историко-культурные, геополитическое положение, религиозные факторы, количество носителей, бытовые (повседневная жизнь), особенности менталитета.

Рассмотрим названные причины подробнее.

1. Социально-экономические причины.

Тотальные депортации в годы Великой Отечественной войны. Поголовной депортации подверглись такие титульные народы Северного Кавказа, как карачаевцы, чеченцы, ингуши и балкарцы. В местах поселения депортированных народов (Средняя Азия и Сибирь) среди иноязычного населения представители северокавказских народов не изучали свои родные языки, что тоже сказалось на положении и без того малочисленных народов. Депортированные народы навсегда утратили значительную часть своих культурных ценностей. Однако после возвращения на историческую родину в 1957 г. началось постепенное изучение национальных языков и литератур.

Глобализация и миграция. Процесс исчезновения языков происходил во все времена. Однако сейчас ученые отмечают, что темпы вымирания ускорились. Это во многом объясняется процессом глобализации и вытеснения отдельных языков другими, более сильными языками (например, тотальное изучение молодежью английского языка). Известный российский философ Г. Д. Гачев отмечает, что «в ситуации современного мира, когда наступает стандартизирующая глобализация и своим катком давит народы и национальные культуры – тем более так называемые «малые», – тем важнее явить общезначимую философическую и художественную весомость творчества и вклада их в спектр и оркестр человечества» [9, с. 288] [10].

Многие люди уезжают из сел в города и постепенно теряют язык своего народа. «В современном мире рост миграции и урбанизации нередко сопровождается потерей традиционного образа жизни и принуждением говорить на доминирующем языке, который необходим или воспринимается как необходимый для полноценного участия человека в общественной жизни и процессах экономического развития», – отмечают специалисты ЮНЕСКО. М. Е. Алексеев считает, что «языковые

коллективы, проживающие компактно и относительно замкнуто, менее подвержены процессам перехода на другие языки, в то время как активное иноязычное окружение заметно ускоряет эти процессы» [2, с. 17]. Автор говорит о пагубном влиянии переселения и миграционных процессов, при этом подчеркивая, что с отрывом народа от традиционной среды существования фактически теряется одна из важнейших функций его языка – моделирование характерной для данного языка картины мира. Эти факторы способствуют ускорению процессов утраты родного языка.

Некоторые исследователи опасаются, что языковое многообразие ведет к непониманию и конфликтам. Другие считают, что носителям малых языков лучше перейти на язык большинства. Хотя эти точки зрения имеют право на существование, нельзя допускать исчезновения языков, ведь при таком исходе мы не узнаем, какая мудрость таится в их поэзии, преданиях, написанных на умирающих языках. А конфликтов можно избежать путем распространения двуязычия, которое дает людям возможность обратиться к основному, доминирующему языку и культуре мажоритарного народа, не оставляя при этом своих родных языков. На Северном Кавказе двуязычие и многоязычие – довольно распространенные явления.

2. Историко-культурные причины.

Известно, что современная языковая ситуация в мире сложилась в результате урбанизации, миграции, под воздействием политических, межэтнических процессов, войн, развития туризма и других факторов. З. М. Габуня и Р. Г. Тирадо в монографии «Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации» (2010) отмечают тот факт, что многие кавказские этносы оказались в большем количестве на чужбине, чем на исконной родине [8], и это, конечно же, отразилось на языковой ситуации на Северном Кавказе.

В начале XX в. практически все народы Северного Кавказа были бесписьменными. Российские ученые проделали огромную работу по созданию письменностей для ранее бесписьменных народов Северного Кавказа. По мнению Т. Т. Камболова, одной из главных задач в послевоенном СССР было преодоле-

ние языковых и культурных различий между многочисленными «народами» и «народностями» Советского Союза, чем и объясняется начавшийся в начале 1960-х гг. процесс закрытия национальных школ. «Наиболее ощутимо последствия тех реформ обнаружилось уже в постсоветскую эпоху. В большинстве национальных республик родные языки оказались в состоянии угасания, число представителей миноритарных народов, не владеющих родным языком, постоянно возрастало, а сами языки, будучи вытесненными из социального функционирования и не адаптируясь к стремительно меняющейся жизни, теряли важнейшие лексические, стилистические, стилиевые и, в целом, коммуникативные ресурсы» [12].

В 1991 г. был принят Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации», который утверждает языковой суверенитет народа, право на сохранение и развитие родного языка. «В начале 90-х гг. в большинстве национальных регионов началась работа по поднятию престижа родных языков, так как сужение их функциональных возможностей привело к почти полному отсутствию мотивации к изучению и использованию национальных языков, особенно среди молодежи» [18, с. 8].

Геополитическое положение. Как отмечается в аналитическом журнале «Кавказ», «даже неискушенному в геополитических тонкостях человеку достаточно одного взгляда на карту, чтобы оценить все стратегические преимущества региона, расположенного между Черным и Каспийским морями и связанного многими реалиями в единое целое... Вхождение в ареал великих мировых цивилизаций вместе с открытием богатых нефтяных месторождений в новое время крепко вписали регион в мировую коммуникативную систему. Этническая и конфессиональная пестрота населения, наличие явных и скрытых очагов напряжения, межнационального противостояния и территориальных претензий все больше и больше приковывают внимание мировой общественности к региону» [13, с. 48]. На Кавказе, как отмечают М. З. Габуня и Р. Г. Тирадо, «происходит сплав нескольких цивилизаций – собственно кавказской, византийско-греческой и др. Кавказ – это мост между Европой и Азией и в то же время важнейший геополити-

ческий плацдарм, на котором разворачиваются столкновения великих держав» [8, с. 51].

В качестве *религиозного фактора*, ведущего к исчезновению языков, можно назвать то, что национальные языки Северного Кавказа недостаточно часто используются в качестве языка богослужения. Это могло бы способствовать изменению бедственного языкового положения.

Количество носителей. Согласно предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее крупными национальностями на Северном Кавказе являются чеченцы (1,43 млн.), армяне (1,18 млн.), аварцы (0,91 млн.), даргинцы (0,59 млн.), кабардинцы (0,52 млн.), кумыки (0,5 млн.), лезгины (0,47 млн.), ингуши (0,44 млн.). Исходя из этих данных, остальные северокавказские народы (карачаевцы, балкарцы, черкесы, абазины, агульцы, табасаранцы и др.) считаются малочисленными, а их языки – исчезающими [6]. В «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения» в России оказался 131 язык.

Особенности менталитета. Если язык конкурирует с другим языком, и этот последний вытесняет его из общественного использования, сужая тем самым сферу его употребления, то уже есть повод для тревоги. В число ключевых для выживания языка входят такие важные факторы, как его использование в системе школьного образования, в работе средств массовой информации, для письменного сообщения. Еще один фактор – отношение людей, говорящих на этом языке, к нему и к языкам, с ним конкурирующим. «Ситуация становится драматической для языка в тот момент, когда подрастающее поколение больше не осваивает его как родной, – пишет Леман. – Тогда этот язык обречен умереть вместе с последним поколением говорящих на нем людей. Опять же, само по себе количество говорящих, которое часто используют как показатель способности языка к выживанию, не так важно. Даже большие языковые общности могут сменить свой язык за несколько поколений, если считают его непрестижным с социальной точки зрения» [15, с. 184].

3. *Бытовые причины (повседневная жизнь).*

Основной причиной исчезновения языков является то, что родители перестают об-

щаться с детьми на родном языке. В последние годы происходит изменение жизненных приоритетов молодежи и снижение роли родного языка в жизни этноса. Как отмечает С. У. Пазов, «сегодня выгодней знать английский язык, потому что в дальнейшей трудовой деятельности в фирмах, акционерных обществах или за рубежом национальные языки могут и не понадобиться, а знание английского даст определенные предпочтения» [16, с. 92–93]. Многие люди, спокойно изъясняющиеся на родном языке, зачастую не владеют письменной речью. А ведь большинство сегодня, посвятив себя изучению иностранных языков, забывают о необходимости изучать свой, доставшийся им в наследство от далеких предков родной язык. Более того, даже в домашней обстановке многие представители городского населения северокавказских народов предпочитают разговаривать на русском языке. В последнее время часто можно встретить тех, кто может без труда понимать свой родной язык, но не говорит на нем или же говорит, смешивая с основным языком. Переключение на другой язык происходит тогда, когда носители одного языка адаптируют язык большинства или язык, считающийся престижным, или же язык уважаемых слоев общества. На последних этапах языкового переключения мы получаем «полуносителей» языка, которые могут без труда понимать язык, но не говорят на нем или же говорят, смешивая с основным языком [16, с. 92–93].

Среди населения Северного Кавказа распространены двуязычие и многоязычие. Но большинство людей, к сожалению, не владеют письменной речью своего родного языка. Поскольку самым страшным последствием того, что мы сейчас наблюдаем, является то, что в результате незнания родного языка многие оказываются оторванными от своей национальной культуры. Это приводит к формированию специфической субкультуры, в которой сливаются остатки разных национальных культур.

При описании языковой ситуации в любой точке земного шара прослеживается связь целого ряда факторов социологического, демографического, лингвистического, экстралингвистического характера, под влиянием которых происходит признание языка

той или иной национальности в качестве ее родного. Так, З. М. Габуниа и Г. Р. Тирадо к экстралингвистическим факторам относят этно-территориальную компактность населения, интенсивность миграционных и переселенческих (местных) процессов, место проживания населения (город или село), религию, смешанные браки и др. К лингвистическим факторам, по мнению З. М. Габуниа и Г. Р. Тирадо, относятся такие, как степень изученности языка, его диалектов, степень отдаленности языков, состояние функционирования литературного языка и др. Если в качестве родного языка называется язык, связанный не с этническим происхождением, а с социальной обстановкой, в такой ситуации происходит постепенное исчезновение языка. Компактное проживание населения, низкий уровень миграции, жизнь в сельской местности, сохранение эндогамности способствуют сохранению и развитию родных языков [7, с. 17].

В связи с быстрым сокращением числа миноритарных языков необходимы как можно более полные описания живых языков. Этой цели служит российское энциклопедическое издание «Языки мира». Чтобы спасти культурное наследие, лингвисты срочно изучают исчезающий язык, составляют его словари, грамматики, учебники, делают звукозаписи произношения, фольклора, диалектов – то есть все, чтобы в дальнейшем ученые или потомки людей, говоривших на исчезающем

языке, смогли возродить его. Еще в начале XX в. в этом направлении работали сотрудники Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. М. Кирова (1926–1937), архивный фонд которого находится в Государственном архиве Ставропольского края. Работы этого научного коллектива являются теоретической основой для дальнейшей разработки проблемы изучения истории, культуры и языков народов Северного Кавказа, а следовательно, и сохранения языков малочисленных народов, поскольку исчезновение любого языка фактически является культурной катастрофой: «утрата языка по своим культурным последствиям – бедствие, размеры которого вообще трудно переоценить» [17].

В связи со сложившейся языковой ситуацией на Северном Кавказе мы вынуждены признать, что большая часть северокавказских языков, на которых сейчас говорят малые народы, через несколько поколений может исчезнуть с лица земли. Необходимо сохранить столько знаний об исчезающих языках, сколько возможно, чтобы последующие поколения не были лишены богатства этого многообразного пласта человеческой культуры, чтобы не пропали бесследно многочисленные труды ученых-лингвистов, благодаря которым можно и нужно обеспечить сохранение миноритарных языков этого богатого в культурном и лингвистическом отношении региона.

Использованная литература:

1. Авксентьев А. В. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 1998.
2. Алексеев М. Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1991 гг. М.: ИНИОН, 1992. С. 34–42.
3. Арутюнов С. А. Гора народов и языков // Мой Кавказ. 2008. № 1. С. 12–54.
4. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. К проблеме исчезающих языков // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы межрегион. науч. конфер., посвященной 30-летию кафедры общего языкознания. Уфа: Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2011.
5. Баскаков А. Н. Социолингвистические аспекты языкового законодательства в Российской Федерации // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. С. 138–145.

References:

1. Avksent'ev, A. V., *Severnyy Kavkaz v etnicheskoy kartine mira* (North Caucasus in the Ethnic Picture of the World), Stavropol: Stavropol'skiy gosudarstvennyy universitet, 1998.
2. Alekseev, M. E., *Yazyki malochislennykh narodov SSSR: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* (Languages of the Minorities of the USSR: a Current State and Prospects), in *Problemy yazykoznaniya v SSSR: 1987–1991 gody*, Moscow: INION RAN, 1992, pp. 34–42.
3. Arutyunov, S. A., *Gora narodov i yazykov* (Mountain of the People and Languages), *Moy Kavkaz*, 2008, № 1, pp. 12–54.
4. Ayupova, L. L. and Salikhova, E. A., *K probleme ischezayushchikh yazykov* (To the Problem of the Endangered Languages), in *Aktual'nye problemy obshchego i regional'nogo yazykoznaniya: Proc. Interregional Scientific Conf. "Actual Issues of General and Regional Linguistics" devoted to the 30th Anniversary of the Department of General Linguistics*. Ufa: Izdatel'stvo Bashkirskogo gosudarstvennogo

6. Владение языками населением Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения–2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf (дата обращения 19.09.15).
7. Габуниа З. М., Тирадо Р. Г. Современная глобализация и проблемы малочисленных языков в лингвистике XX в. // Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесский гос. ун-т, 2007. С. 13–22.
8. Габуниа З. М., Тирадо Р. Г. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований, 2010.
9. Гачев Г. Д. Мир иной и ум иной // Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. С. 288–296.
10. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
12. Есть ли шанс у национальных языков в современной России? Интервью с лингвистом Тамерланом Камболовым [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. URL: <http://polit.ru/article/2007/06/19/kambol/> (дата обращения 19.09.15).
13. Кавказ: Ежемесячный международный аналитический журнал. 1997. № 1.
14. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1992.
15. Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 180–191.
16. Пазов С. У. Абазинский язык: проблемы функционирования и развития // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: материалы Всерос. науч. конференции: в 2-х ч. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т, 2011. Ч. 2. С. 86–96.
17. Плунгян В. А. Лингвистика катастроф [Электронный ресурс] // Итоги. 2000. № 30. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2000/30/113725.html> (дата обращения 19.09.15).
18. Тухватуллина Д. Н. Языковая ситуация в республике Татарстан в контексте европейской языковой политики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007.
19. Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки: Иранские языки. Дардские языки; Дравидийские языки / И-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1978. Т. 2.
20. Языки народов России. Красная книга: энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002.
21. Atlas of the World's Languages in Danger / Moseley, C. (ed.). 3rd ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010 [Electronic resource] // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (date of access 21.09.15).
- pedagogicheskogo universiteta, 2011.
5. Baskakov, A. N., Sotsiolingvisticheskie aspekty yazykovogo zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii (Sociolinguistic Aspects of Language Legislation in the Russian Federation), in *Yazykovye problemy Rossiyskoy Federatsii i zakony o yazykakh*, Moscow: Institut yazykoznavaniya RAN, 1994, pp. 138-145.
6. Vladenie yazykami naseleniem Rossiyskoy Federatsii (The Languages Used by the Population of the Russian Federation), in *Vserossiyskaya perepis' naseleniya-2010*. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf. Accessed September 19, 2015.
7. Gabunia, Z. M. and Tirado, R. G., *Sovremennaya globalizatsiya i problemy malochislennykh yazykov v lingvistike XX veka* (Modern Globalization and the Problems of Minority Languages in 20th Century), in *Lingvisticheskoe kavkazovedenie i tyurkologiya: traditsii i sovremennost'*, Karachaevesk: Izdatel'stvo Karachayevo-Cherkesskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, pp. 13-22.
8. Gabunia, Z. M. and Tirado, R. G., *Malochislennyye yazyki v tret'em tysyacheletii i protsessy globalizatsii* (Minority Languages in the Third Millennium and the Globalization Processes), Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, 2010.
9. Gachev, G. D., *Mir inoy i um inoy* (The Other World and the Other Mind), in *Kuchukova, Z. A., Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki (Karachaevo-balkarskaya mental'nost' v zerkale poezii)*, Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005, pp. 288-296.
10. Gachev, G. D., *Mental'nosti narodov mira* (Mentalities of the Peoples of the World), Moscow: Algoritm, Eksmo, 2008.
11. Humboldt, W., *Izbrannyye trudy po yazykoznavaniyu* (Selected Works on Linguistics), Moscow: Progress, 1984.
12. Est' li chans u natsional'nykh yazykov v sovremennoy Rossii? Interv'y u s lingvistom Tamerlanom Kambolovym? (Is There Any Chance for the National Languages in Modern Russia? Interview with the Linguist Tamerlan Kambolov) in *Informatsionno-politicheskiy kanal "POLIT.RU"*. <http://polit.ru/article/2007/06/19/kambol/>. Accessed September 19, 2015.
13. *Kavkaz: Ezhemesyachnyy mezhdunarodnyy analiticheskiy zhurnal* (International Monthly Analytical Journal), 1997, № 1.
14. Kibrik, A. E., *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznavaniya* (Essays on the General and Applied Linguistics Issues), Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1992.
15. Leman, K., *Dokumentatsiya yazykov, nakhodyashchikhsya pod ugrozoy vymiraniya* (Endangered Languages Documentation), *Voprosy yazykoznavaniya*, 1996, no. 2, pp. 180-191.
16. Pazov, S. U., *Abazinskiy yazyk: problemy funktsionirovaniya i razvitiya* (Abaza Language: the Problems of Functioning and Development), in *Yazykovaya situatsiya v mnogoyazychnoy polikul'turnoy srede i problemy sokhraneniya i razvitiya yazykov i literatur narodov Severnogo Kavkaza: Proc. All-Russian Scientific Conf.*, in 2 vols., vol. 2, Karachaevesk: Karachaevo-Cherkesskiy gosudarstvennyy universitet, 2011, pp. 86-96.
17. Plungyan, V. A., *Lingvistika katastrof* (Linguistics of the Catastrophes), *Itogi*, № 30 (216), 2000. <http://www.itogi.ru/archive/2000/30/113725.html>. Accessed September 19, 2015.

18. Tukhvatullina, D. N., Yazykovaya situatsiya v respublike Tatarstan v kontekste evropeyskoy yazykovoy politiki (A Language Situation in the Republic of Tatarstan in the Context of the European Language Policy), *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philology)*, Kazan, 2007.

19. *Yazyki Azii i Afriki. Indoevropeyskie yazyki: Iranskie yazyki. Dardskie yazyki; Dravidiyskie yazyki* (Languages of Asia and Africa. Indo-European Languages: Iranian Languages. Dardic Languages; Dravidian Languages), vol. 2, Moscow: Nauka, 1978.

20. *Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* (Minority Languages of Russia. Red Book. Collegiate Dictionary Directory), Moscow: Academia, 2002.

21. Atlas of the World's Languages in Danger, Moseley, C., Ed., Paris: UNESCO Publishing, 2010, 3rd ed., in *UNESCO*. <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>. Accessed September 19, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Темирболатова, А. И. Малочисленные языки Северного Кавказа и перспективы их развития в период глобализации [Электронный ресурс] / А. И. Темирболатова // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 105-112. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Temirbolatova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Temirbolatova, A. I., Malochislennyye yazyki Severnogo Kavkaza i perspektivy ih razvitija v period globalizatsii (Minority Languages of the North Caucasus and the Prospects of their Development in the Globalization Period), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 105-112. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Temirbolatova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГИШЕВ Нух Туркубиевич
доктор филологических наук,
заведующий отделом языка
Адыгейского научно-исследовательского института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева
Майкоп, Россия
Nukh T. GISHEV
Dr. Sci. (Caucasian Languages)
Head, Department of Language,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
arigi@mail.ru

Национально-специфические термины вежливости в адыгских языках

В статье дается характеристика национально-специфическим терминам вежливости в адыгских языках, образованных суффиксальным элементом **-пкIэ** со значением «цена», «стоимость» или «дар за что-то» в знак извинения или выражения вежливости по отношению к уважаемому человеку. Автор анализирует каждый термин в тесной связи с традиционными обычаями адыгов и культурой адыгского народа, поясняет особенности использования этих лексических единиц. Особо подчеркивается объединяющее начало, лежащее в основе вежливости как составной части этикета адыгов, служащей для душевного сближения людей, нацеленной на смягчение их отношений.

Ключевые слова: этикет, этика, традиционная культура, речевая культура, вежливость, адыги, адыгагъэ, специфические термины вежливости.

National Specific Terms of Politeness in the Adyghe Languages

The article describes the national-specific terms of politeness in the Adyghe languages, formed by the suffixed element **“-пкIэ”** with a meaning of “price”, “value” or “gift for something” as a token of apology or expression of politeness towards the respected person. The author analyzes each term in close connection with traditional customs and culture of Adyghe people, explains the features of the use of these lexical units. It is emphasized that the unifying principle is underlying the politeness as part of the etiquette of the Adyghe people, serving for the soulful convergence of people, aimed at mitigating their relationship.

Keywords: etiquette, ethics, traditional culture, speech culture, politeness, Circassians, adygage specific terms of politeness.

В любом языке человеческого общества выражены деятельность, мысли, чувства, окружающая среда, социальные взаимосвязи людей, отношение к старшим и младшим по возрасту, к женщине и мужчине, а также особый этикет, выработанный тем или иным народом и т. д. В настоящей работе мы хотим обратить особое внимание на специфические термины вежливости адыгских языков, используемые в случаях или обстоятельствах радостного сообщения или встречи (по-адыгейски – «гъэшIоныгъэ гущыIэхэр») уважаю-

щих друг друга людей. В подавляющем большинстве термины вежливости такого рода образуются с помощью слова-суффикса **-пкIэ** со значением «цена» («стбIт», видимо, производный от слова *пкIыIн* в смысле «от души», «исходить от чистого сердца»). Речь идет о таких терминах вежливости у адыгов, как: *хъ-упхъа-пкIэ* («за прилежность», т. е. «премия»), *лэжъа-пкIэ* («за работу (даю), т. е. «зарплата»), *гуихы-пкIэ* («дар за испуг»), *укIыта-пкIэ* («плата за стыд»), *лъэхэхъа-пкIэ* («дар за нарушение обычая избегания»), *кIуа-пкIэ* («дар за то, что

пошел за тебя куда-то») и т. д. Такие термины несут заряд вежливого обращения и служат составной частью адыгской культуры, основанной на национальных традициях, и адыгского речевого этикета.

Вместе с тем следует отметить, что термины вежливости обычно объединяются и с экстралингвистическими явлениями, т. е. образуются с помощью языковых и внеязыковых средств. В данном случае термины вежливости типа *гушлуа-нкIэ* («плата за сообщение радости») превращаются из обычного слова со своим морфологическим строем в понятие с общим коммуникативным значением. Другими словами, лингвистическое средство преобразуется в логическое понятие и приобретает общенародное, общечеловеческое значение, отражающее культурные ценности данного народа.

Что такое «культурные ценности народа»? Для ответа на этот вопрос необходимо объяснить общественную значимость каждого термина вежливости, поскольку они являются не только обычными словами со своими лингвистическими объяснениями, а целыми понятиями культурной истории адыгского народа, наполненными национальным и социальным содержанием.

Предварительно следует отметить, что почти все термины вежливости ориентированы на душевное сближение людей, на смягчение их отношений. Лингвистическое толкование рассматриваемых терминов подсказывает, что они используются в языке со значением дарить что-то кому-то за что-то. Однако с точки зрения логики или культурной ценности они выражают лишь вежливое самовыражение общающихся друг перед другом, вовсе не обязательное для реализации их лексического значения. Главной общественной функцией терминов вежливости является создание корректного в этикетном смысле культурного взаимоотношения в обществе. Именно такие слова в полной мере показывают связь языка с культурой народа, создают сродство душ собеседников.

Так, термин *гушлуанкIэ* («дар за сообщение радости») используется при сообщении, несущем особый положительный эмоциональный заряд, например: сообщение о том, что родился сын так ждавшего его отцу;

живым и здоровым вернулся сын с войны к родителям; дочь поступила в высшее учебное заведение, выдержав конкурс, и т. д.

Первому лицу, сообщившему о радости, по обычаям адыгов, полагается *гушлуанкIэ* («дар за сообщение радости»). Нужно отметить, что подношение за сообщение может иметь самую разную форму, и не носит обязательный характер, также не определен его размер и вид, но само подношение должно быть приятно и тому, кто сообщает, и тому, кому сообщают. В качестве предметов подношения могут выступать деньги, овца, курица или петух, платье, специальная вечеринка с празднично накрытым столом. Вид дара за радостное сообщение во многом зависит от возраста, пола, наклонностей сообщившего, а также от возможностей дающего *гушлуанкIэ*.

Термин *гуихынкIэ* («дар за неожиданный испуг») употребляется больше всего при игре в *къандис* – «душку»¹, при которой участники разламывают душу и устанавливают срок, в течение которого они не должны ничего брать друг у друга. Если же один берет что-либо у другого, то берущий должен сказать, что «помнит» о споре. Если же он не напомнил и взял какую-нибудь вещь, то тот, у кого он взял, заявляет (напоминает): «*Къандис!*» («душка»). При этом тот, кто забыл, сильно испугается с сожалением, что проиграл и теперь должен отдать условленный предмет спора. Однако выигравший игру, по обычаю, должен платить *гуихынкIэ* – «дар за испуг» проигравшему. Здесь, как обычно, все строится на добровольных началах, никаких обязательств друг перед другом стороны не имеют – все совершается ради обоюдного веселья. Впоследствии термин *гуихынкIэ* использовался при испуге (или при вызове испуга) пожилой женщины, или при неуместном шуточном сообщении чего-то страшного с целью напугать. Тот, кто пугал пожилого человека, должен был «откупиться» или извиниться перед старшим за испуг подношением *гуихынкIэ* («подношение за то, что напугал»). При этом оба были довольны и благожелательны по отношению друг к другу.

¹ Душка или дужка – распространенное в народе наименование грудной вилочки (вилочковая кость, лат. – *furcula*) у птиц, сформированной двумя сросшимися ключицами (прим. ред.)

У адыгов есть хорошее слово *уклытанкIэ* («дар за стыд»), используемое обычно при появлении молодых перед родителями или старшим по возрасту родственником после их женитьбы. Этот дар тоже считается знаком уважения родителей и старших. После свадьбы или даже при появлении перед родителями с первым ребенком, молодые появлялись перед старшими с каким-нибудь подношением, что воспринималось как великое выражение вежливости и воспитанности молодых перед старшими и достоинство ими оценивалось. Выполнение этой этикетной нормы рассматривали в качестве признака воспитанности молодых. Разумеется, важность в данном случае имеет не ценность подарка, но соблюдение адыгского этикета, «адыгэ хабзэ», «адыгагъэ» – «адыгства». В подношении *уклытанкIэ* нет, конечно, ничего обязывающего, но соблюдение его как элемента культуры адыгов очень приятно и молодым, и старшим.

Термин *лъэхэханкIэ* («плата за преодоление избегания») является частью адыгской культуры и выражает уважение к старшим, олицетворяя вежливые взаимоотношения, в первую очередь, между свекровью или свекром и невесткой, между тещей или тестем и зятем. При первой встрече невестки со свекровью или свекром нужно было дарить *лъэхэханкIэ*, что знаменовало собой завершение периода действия обычая избегания и являлось обязательным выражением вежливости по отношению друг к другу. Стоит отметить, что *лъэхэханкIэ* должна была преподнести инициативная сторона, но, как правило, подношения совершались с обеих сторон. Плата за прекращение избегания – *лъэхэханкIэ* – за редким исключением сближала их. Иногда при горячем характере отношений или плохом воспитании одной из сторон, этот обряд нарушался, и обычай избегания снова возобновлялся. В фольклоре адыгов встречаются случаи подобного рода.

Слово *гъэшлуанкIэ* («подарок за почитание») является знаком уважения к старшим (родным, соседям, приятелям). Преподносится он, например, когда отсутствовавший долгое время молодой человек при возвращении домой, наносит визит соседке-старушке, спрашивается о её здоровье, обнимает её и при этом дает ей *гъэшлуанкIэ* в виде платка, бус, тапочек,

носков или какой-нибудь безделушки. Этот дар, возможно, не очень ценный, имеет огромное морально-этическое значение, ведь соседский парень за долгое отсутствие не забыл её и пришел к ней с подарками. Такое отношение для неё – настоящий праздник души. Таким же образом, например, внучка, отсутствовавшая целый год, после сдачи экзаменов приехала на каникулы и в первую очередь посетила любимого дедушку, подарив красочную палку с изогнутой головкой в знак особого уважения – *гъэшлуанкIэ*. Дедушке это очень приятно, от этого подарка он молодеет душой. Разумеется, получатель подарка радуется не столько ценности палки, сколько тому, что внучка помнит о нем и по-прежнему любит его, не забыла адыгскую культуру выражения вежливости и уважения.

Когда-то у адыгских народов использовался термин *тхъэпчъылуанкIэ* («дар за молебное причитание»). Такой подарок давали пожилой женщине, которая молилась при выводе невестки из комнаты молодых, и организовывали «нысэудж» – «танец с участием невестки», обычно среди женщин [2, с. 117–118].

Суть обряда, заключенная в слове *тхъэпчъылуанкIэ*, такова: родители невестки присылали длинный платок специально для обряда «нысэудж», во время которого этот платок должен быть перекинут через плечо той женщины, которая произносила напутственное моление-пожелание невестке. После завершения обряда моления, платок оставляли (дарили) той, которая пела молитву добра. Морфологический состав слова подсказывает его лексическое значение – *Тхъэ* «бог» + *луа* (*ло*) «произносить» + *нкIэ* «стоит» («цена»), т. е. «цена за просьбу (причитание) перед Богом». Что же касается морально-этического или культурного значения этого обряда, то для общества он представлял большую ценность, выступая в качестве знака уважения, любви и сближения, поскольку далеко не каждой женщине доверяли вести этот обряд, и пользоваться правом первой обнимать невестку.

Слово *кIуанкIэ* («знак внимания (доверия) идти») или «выбор-доверие пойти», то есть некто доверяет именно тебе идти куда-то для решения важного дела. В этом термине имеется слово-суффикс *-пкIэ*, означающее в данном случае не «дарение», а выражает

лишь «выбор», «доверие», т. е. из всех кандидатов-послов тебе больше всех доверяют быть посланным. Подобное отношение поднимает авторитет посылаемого, и именно в этом смысле данному слову придается культурно-этическое значение, поскольку самое дорогое для человека во все времена – доверие окружающих, доверие общества.

Взаимные отношения людей, основанные на поддержке и взаимопомощи, обусловили возникновение обычая *улэупкIэ* («плата за бескорыстную помощь»). В морально-этическом плане – это проявление человечности, вежливости и уважения человека к человеку. Помочь другу, соседу и просто знакомому человеку – характерная черта адыгов, воспитанных по законам «адыгагъэ» – «адыгства». Тот, кто помогал ближнему, не думал об оплате за труд, более того, если начнут платить за его труд (помощь), такой человек может и обидеться. Но тот человек, которому в нужный момент оказали бескорыстную помощь, как правило, все же хочет проявить человеческое внимание в награду за нее и в очень корректной форме, не обижая своего помощника, может сделать ему любезное подношение. Такое подношение в адыгской лексикографии обозначается словом *улэупкIэ* («плата за утомленность»). Разумеется, дарение за помощь не является обязательным, а служит выражением уважения, вежливости, проявляемых к человеку, составной частью традиционного этикета адыгов.

В адыгской свадебной обрядности присутствует обычай, когда невесту выводят из родительского дома, один из дружков жениха оставляет на столе или кладет незаметно под подушку деньги, сумма которых четко не определена, будучи зависимой от состояния и желаний жениха. Этот акт этикета в языке адыгов отразился словом *гъэтэджыпкIэ*, означающим «дар за то, что девушка согласно встала и покидает родительский дом». Подарок расходуется по усмотрению родителей невесты. Оставленные *гъэтэджыпкIэ* подчеркивают уважение жениха к родителям и родственникам невесты.

Термин *плъапкIэ* («подношение за предсказание...») использовался, когда провидец или чаще всего эфенди («мулла») предсказывает человеку о том, что его ожидает в будущем. «Предсказание», если оно пози-

тивно, смягчает человека, делает его бодрее; если же его ждет не совсем удачная жизнь, то мулла (провидец) все же оставляет человеку надежду на улучшения в будущем. Это придает веру в поправлении его дел, укрепляет в стремлении к лучшему. За «предсказание» обычно преподносят что-нибудь провидцу (или мулле). Такой дар, являвшийся необязательным, народ называл словом *плъапкIэ*.

Со словом *плъапкIэ* сходен по значению или характеру и термин *пщапкIэ* («подношение за то, что целитель (или мулла) подул на больного или больное место»). Суть этого обряда заключается в том, что если человек заболел горячкой, страдал лихорадкой или предположительно подвергся сглазу, то приглашали целителя или эфенди (муллу), которые осматривали больного. За неимением лекарств и соответствующих знаний о характере болезни они что-то приговаривали и дули на больного, убеждая его и его родственников в том, что ничего страшного нет, скоро все пройдет и он поправится. Такое внушение в некоторой степени обнадеживало пациента и положительно действовало на родственников. Ободренные этим внушением родители или близкие считали своим долгом преподнести эфенди или целителю *пщапкIэ* («подношение за то, что подул на больного»).

Термин *къэшъуапкIэ* («подношение за танец») использовался применительно к традиционному ритуалу, проводившемуся в женском обществе в конце свадьбы и имевшему шуточный характер. У адыгов пожилым или замужним женщинам, как правило, не было положено танцевать на свадьбах, однако этот традиционный порядок нарушали в кругу женской компании. В конце свадьбы, когда невестку вводили на кухню, где находились в основном женщины, затевались танцы, на которых заставляли танцевать женщин-родственников жениха. Некоторые из них отказывались принимать участие в этом действе и должны были оплатить несостоявшийся танец – и все присутствующие в шутку кричали *къэшъуапкIэ къыптефагъ* «ты заслужила плату за отказ танцевать». Никто не отказывался платить «наказание». Обычно платили кружку бузы (бакъсымэ), жареная курица, узорчатые *щэ-лам* – «тонкие лепешки, жаренные в масле», фигурные и узорчатые *хъалыжъо* – «пирожки

с сыром, испеченные в масле» и т. д. Этот ритуал вносил дополнительное веселье в женский коллектив. О тех женщинах, которые принимали танец и танцевали превосходно, днями и неделями ходили добрые хвалебные слухи не только в женском кругу, но и во всем свадебном обществе. Все эти элементы культуры вежливости вносили в адыгское общество живость, уважительное отношение друг другу.

Наряду со словом *лэуасэ* («цена, выплачиваемая за убитого») [3, с. 169], у адыгов существовал и другой термин – *лбышлэжыпкIэ* («благодарственный поступок (дар) за убитого»). Существовал обычай, когда убийца брал (или выкрадывал) ребенка убитого или малыша из рода убитого. Он воспитывал его у себя до подросткового возраста, обучая верховой езде, джигитовке, стрельбе и другим военно-спортивным играм, а также учил безукоризненно выполнять основные требования адыгства, т. е. воспитывал настоящим адыгом-рыцарем, благородным, порядочным, гуманным. Он одевал его по последней моде современности, дарил положенные черкесу доспехи, самого лучшего коня, дорогие подарки родным, и т. д. С этими дарами молодого человека торжественно приводили домой и представляли (возвращали) родителям и родственникам. Все это смягчало родственников воспитанника, они забывали о мести или прощали, с радостью принимая своего юношу и подарки. Этот обряд (или прием примирения, предотвращения мести) сближал стороны (роды), которые становились почти родственными. Таким образом, этот обряд, как и все перечисленные, являлся знаком выражения вежливости у адыгов.

У адыгов, особенно у кабардинцев, был такой обряд: семья, куда приводили невесту, приглашала признанного народом артиста, увеселяющего гостей. До конца свадебного периода он играл роль распорядителя, тамады, шутника, весельчака, анекдотиста, импровизатора и музыканта. Такому лицу приводили хорошего коня из семьи, куда предварительно отвозили невесту (у адыгов раньше невесту не сразу привозили в дом жениха, а предварительно размещали в доме близких жениху людей, где ей была приготовлена комната) и дарили животное ему. Этот подарок отразился в языке адыгов словом *пцынэуапкIэ* – «дар му-

зыканту (или гармонисту)». Такой дар являлся знаком внимания и вежливого отношения между гармонистом-импровизатором, семьей, от которого привели коня, и семьей хозяев торжества.

Как знак уважительного отношения в среде адыгских князей и дворян использовали обряд *тецэрыпкIэ* («дар за временное пребывание невесты у своего близкого дворянина в течение около года»). За то, что жена молодого князя находилась в доме своего друга, князь дарил ему одну семью из своих тфокотлей и лошадей, которые были запряжены в телеге, когда невесту везли из родительского дома.

У адыгов был период, когда отдельные люди занимались угоном чужого скота, кражей имущества. Разумеется, собственник украденного усиленно искал свое кровное добро, сильно переживал и опрашивал людей о похищенном. Находились люди, которые были свидетелями угона или кражи и, жалея обворованного, сообщали о виновнике или о способе нахождения краденного добра. Такой человек оказывался в какой-то степени вовлеченным в ситуацию, и назывался *хацэ* – «лазутчик». Он подсказывал страдальцу то, что знал, не из расчета получить за это вознаграждение, а лишь за то, что пожалел обворованного и относился к нему с уважением и состраданием.

Тот человек, которому он помог найти краденое, в знак благодарности отвечал ему дарением чего-либо в знак уважения. Этот знак в адыгских языках отразился словом *хэщапкIэ* – «дар за то, что втянулся в дело» безвозмездно, по своей воле, из уважения к пострадавшему человеку. Конечно, факт того, что этот человек стал *хацэ* – «лазутчиком», держался в секрете. Но «дарение за сообщение» все же сближало этих людей, поэтому и слово *хэщапкIэ* воспринимается адыгами как элемент культуры этикета, связанный с выражением вежливости.

К шуточно-вежливым отношениям культуры адыгов относился ритуал, выражаемый словом *убытыпкIэ* – «вознаграждение за поддержание уздечек всадника». Суть его заключалась в следующем: к юноше, который уже приступил к трудовой деятельности в поле или на стане, мог подъехать всадник, которого тот встречал, поддерживая уздечки его коня и помогая спешиться. В это время

старшие работники вели и привязывали коня к коновязи. Это означало, что всадник должен был привести ягненка или овцу к ним в поле и угощать всех работников. Когда всадник-гость выполнял требование этого ритуала, они возвращали ему коня и считали с этого времени юношу достойным (или созревшим) встречать всадников, помогать им спешиваться и угощать их самостоятельно. За честное проведение такого ритуала все они дарили юноше звание зрелого человека, умеющего с достоинством встречать любого гостя. Это все выражалось в слове *убытыпклэ* – «дар за достойное поддержание» или умение встречать всадника-гостя.

Когда-то у адыгов был порядок, в соответствии с которым каждый аул имел своего табунщика, которому платили за труд, причем плату вносили также и те семьи аула, которые не имели коней. Между тем они имели право взять с табуна любого коня и снова пустить его в табун после использования. За пользование чужим конем никто их не упрекал и не наказывал. Так было заведено тогда в адыгском обществе и это считалось обычной практикой. В то время, видимо, появилось слово *шэхъуапклэ* – «плата табунщику», воспринимавшаяся как часть уважительных взаимоотношений между жителями данного аула.

У адыгов был и есть обычай, когда молодой человек, перед женитьбой временно живет в семье близкого друга, избегая до свадьбы своих родителей, стариков и старух своего хабля (квартала). Его официально и торжественно приводят к родителям к завершению свадьбы. После свадьбы, когда уезжают домой те, у кого жених находился, его родители и старшие братья в знак вежливости или уважения дарят им овец или коня с кобылой, или тельную корову. Это подношение не является обязательным, но, по обычаю, посредством его стороны выражают свое благожелательное настроение, еще более сближающее обе семьи или даже два рода. Такой подарок в языке адыгов обозначается термином *клэщыжьыпклэ* – «дар за увод «воспитанника» к своим», т. е. «своего *шъао*», своего сына к родным.

В заключение хотелось бы отметить, что связь упомянутых здесь культурных терминов вежливости адыгов с их языком впервые описывается в настоящей работе, хотя эти термины были нами опубликованы ранее (см. в частности, [1, с. 206–210]) Думается, что объяснительное описание других культурных слоев в терминологическом составе языка адыгов покажет его взаимосвязи с культурой и особенностями развития социально-экономических отношений в адыгском обществе в разные периоды его истории.

Использованная литература:

1. Гишев Н. Т. Мысли нараспашку. Гупшысэ шъхъэихыгъэхэр. Майкоп: Полиграф-Юг, 2014.
2. Гузиекова С. М. Концепт «свадьба» в русском и адыгейском языках: лингвокультурологические основы формирования. М.: Флинта, 2013.
3. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп: Полиграф-Юг, 2012. Т. 2.

References:

1. Gishev, N. T., *Mysli naraspashku. Gvpsħase Ŗheixə-gexer* (Unbuttoned Thoughts), Maykop: Poligraf-Yug, 2014.
2. Guziekova, S. M., *Kontsept «svad'ba» v russkom i adygeyskom yazykakh: lingvokulturologicheskie osnovy formirovaniya* (Concept "Wedding" in the Russian and Circassian Languages: Lingvoculturological Bases of Formation), Moscow: Flinta, 2013.
3. *Tolkovyy slovar' adygeyskogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Adyghe Language), vol. 2, Maykop: Poligraf-YuG, 2012.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гишев Н. Т., Национально-специфические термины вежливости в адыгских языках [Электронный ресурс] / Н. Т. Гишев // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 113-118. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gishev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gishev, N. T., *Natsional'no-spetsificheskie terminy vezhливosti v adygskih yazykakh* (National Specific Terms of Politeness in the Adyghe Languages), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 113-118. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gishev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

БИДАНОК Марзият Мугдиновна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела языка
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева,
Майкоп, Россия

Marziyat M. BIDANOK

Cand. Sci. (Languages of the Peoples of the Russian Federation)
Senior Researcher, Department of Language,
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies
Maykop, Russia
arigi@mail.ru

Жанровые возможности адыгской басни при передаче социального окраса действительности

Genre Possibilities of the Adyghe Fable in the Transmission of Social Aspects of Reality

В статье анализируются стилистика, поэтика, синтаксис, морфология адыгской басенной лексики в процессе передачи социального окраса действительности. В качестве примера рассматривается творчество писателя Адыгеи второй половины XX в. Хазрета Ашинова. Посредством распределения имеющегося в баснях языкового материала автор выделяет его социальную обусловленность, обозначает синтаксические, грамматические и языковые признаки. С опорой на фольклорные традиции выстраивается функционирующая национальном языке сегодня лексико-семантическая конструкция.

Ключевые слова: адыги, Ашинов, социум, басня, язык, лексика, синтаксис.

The article analyzes the style, poetics, syntax and morphology of the Adyghe fables vocabulary in the Transmission of Social Aspects of Reality. The works of Khazret Ashinov, the Adyghe writer of the second half of the 20th century, are considered as a case study. Through the distribution of linguistic material of the fables author identifies its social conditioning, denotes the syntax, grammar and language features. The lexical-semantic structure functioning today in the national republic is based on the folklore traditions.

Keywords: Adyghea, Ashinov, society, fable, language, vocabulary, syntax.

Общеизвестно, что процесс эффективной инкультурации возможен только при всестороннем влиянии общества на личность. При этом творческое и духовное развитие индивидуума напрямую обуславливается уровнем культуры конкретного общества. Вышеотмеченное можно отнести и к народной педагогике адыгов, использующей в качестве действенного инструментария эпос «Нарты», всевозможные сказания, сказки, поговорки,

пословицы, песни (свадебные и колыбельные) и др.

Интересными в этом плане представляются тексты адыгского писателя Хазрета Ашинова, изобличающие общественные пороки и воспевающие общечеловеческие ценности. Так, мать нартского героя провожает сына в путь с четким девизом: «Іуэхуу къэхьур пхуэлъэкӀыу, лы ухъункӀ солъаӀуэ» (= «Насколько можешь, как сумеешь, умоляю, будь истинным

мужчиной», *здесь и далее пер. с адыг. наш.* – М. Б.) [2, с. 43].

При этом у Х. Ашинова семейно-ценностные приоритеты требовательны и жестки. К примеру, в мини-басне «Кукуум ищылак!» (= «Житие кукушки») героиня, разыскав гнездо и снеся в него яйцо, считает себя облегченной и оправдывается: «Сэ кыстефэрэр сшагъэ» (= «Я сделала то, что мне положено»). Она так же утверждает, что глубоко уважает птиц, приютивших ее детеныша: «Кукуу щырыр къэхъумэ, / Ар бзыумэ зэрапущтым сицыхъэ телъ» (= «Если родится кукушонок, / Я полностью доверяю птицам в его воспитании») [1, с. 23].

Своеобычие текстов проявляется в лексике, имеющей немалое число разнообразных акустических перестроек и сжатий, а значит, басенные имена существительные допускают формирование на своей основе экспрессивно-оценочных вариаций. Обязательная патетика сообщений базируется на частых переменах тематики, на нередком использовании пафосных выражений, внешне далеких друг от друга. При этом, варьируя повествовательные, вопросительные и восклицательные изложения, автору удается заинтересовать читателя. Такая вопросительно-восклицательная фраза-обращение подытоживает монолог в пьесе-басне: «Ар сыдэуштэу о кьебгъэкьурэ, / Сиблэгъэжъэу Бэджэжъый?!» (= «Ты как это предполагаешь / Мой дружиЩЕ ЛисиЩЕ?!») [1, с. 55]. Выделенные частицы (-жъ- = -ще) делают персонаж носителем непосредственной авторской оценки.

Эта реплика мотивирует к размышлению не только собеседника-лиса, но заставляет задуматься и читателя, следящего за речевым актом. Будучи представлены на обрамляющих ступенях, в зачине или в почине, такие фразы оказываются раздумьем, подытоживающим или предваряющим, сосредоточивающим или «подбивающим» смысловую нагрузку всего произведения. Подобного рода семантический прием чрезвычайно интересен и может быть проиллюстрирован чрезвычайно популярными в народе «фразами-стрелами»: «Акъылышлом делэми бзэ кыфегъоты» (= «Умный найдёт общий язык и с дураком»), «Акъыл зиэм къулай и!» (= «Располагающий умом, располагает и способом»), «Акъыл зиэр зэкьэмэ якьэсэн» (= «Тот, кто обладает рассуд-

ком, опора для всех»), «Акъылыр чыжьэу маллэ, нэр ащ илъагъо рэкьо» (= «Интеллект глядит далеко, а око следует только за ним»), «Акъылыр сыдрэ Юфи ылъапс» (= «Разум есть стержень всякого действия»), и др.

Творчество Х. Ашинова дает нам обширный материал для дальнейшего анализа в этом ключе. В речи автора и в рассуждениях героев акты и деяния построены на специфических их логических узлах. Подобные формулировки можно расценивать как осязаемые элементы порождаемого текстом басни воспитательного потенциала, включающего приемы народной сказки, восхваляющей разум и догадливость: «Гъэсэпэтхыд» (= «Воспитательный сказ»), «Лъытакьэ» (= «Считалка»), «Пыжъ Юш» («Умный еж») и др. Создаваемая с помощью концентрата, способствующего запоминанию, такая ситуация прослеживается и у Х. Ашинова, ее семантические детали способствуют формированию представлений о социальном устройстве общества. Как неоднократно утверждалось исследователями адыгского эпоса, педагогические возможности фольклора заключаются в приобщении индивида в культурному наследию народа. По словам классика нартоведения А. М. Гадагатля, «Одной из причин особого интереса, проявлявшегося к эпосу «Нарты», являлась его воспитательная роль, которая неоднократно подчеркивалась исследователями устно-поэтического творчества» [2, с. 222].

Имеющиеся в тексте фабула и ее персонажный строй раскрываются в двух-трех начальных фразах и подытоживаются такими же выражениями в финале. К примеру, зачином басни «Хъантларкъор» («Лягушка») выступает аналогичный куплет авторского повествования: «Зышюшъыжъ нэмылэкьэ бэгыгъэу / Псылупэм Юсыгъ Хъантларкъор. / Зы мафэ псыр лаеу къиугъэу, / Чэрэгъоу рихъыжъагъ уакъ-уакъэр. (= «Опухающая от хвастовства / Сидела на берегу Лягушка / Однажды вода сильно взволновалась, / Крутя, унесло квакушку») [1, с. 18]. Последующее краткое, двухкуплетное изложение зиждется на этом факте, строится на реакции жертвы, обращающейся к окружающим с пояснениями о том, что ничего страшного не случилось, все под ее контролем. Итоговый басенный вывод следует из

такой логики: мол, есть среди нас такие люди, их вода уносит, а они говорят, что сами плаванием занимаются.

Столь же интенсивную, социально-обусловленную смысловую нагрузку выполняют обозначающие действие части речи (глаголы и глагольные формы) в их разнообразных типовых и временных модификациях. Социальной тональностью снабжены, например, такие глагольные формы рассматриваемых басен Х. Ашинова. Так, в мини-басне «Тракторымрэ Такъэмрэ» (= «Трактор и Пенек»), где персонажи спорят о о пеньке в поле, активны следующие глагольные формы: «щыгъуазэ» (= «находится в курсе»), «умышлэмэ сшлэрэп» (= «знаешь ли ты, не знаю»), «урищыклагъ» (= «ты нужен»), «укъысэдэонэу» (= «требовать») [1, с. 6]. Либо в мини-басне «Тыдэ клуагъэми...» (= «Куда бы ни пошел...») В другой басне Ворон и Птица обсуждают маршруты своих передвижений с помощью таких глагольных форм: «угулэра» (= «волнуешься»), «еупчлыгъ» (= «спросил его»), «сэкложбы» (= «возвращаюсь»), «клэлъылуагъ» (= «сказал вслед»), «уздалорэмэ» (= «направляешься») [1, с. 7]. В мини-басне «Чъыгъ жау» (= «Тень от дерева») автор показывает неблагодарность тех, кто днем наслаждается в тени, а ночью приходит срубить дерево посредством следующих глагольных оборотов: «щегъакло» (= «направляет»), «кыфырагъало» (= «заставляет сказать»), «тыпхьакли» («угостивши нас»), «тыщыуухъумагъ» (= «защитил нас»), «раупкли» («срубили»), «арашыллагъ» (= «наделали») [1, с. 7]. Подобного рода социально-окрашенные глаголы и глагольные формы являются своеобразной смысловой базой ситуаций речевого общения и способствуют наступлению взаимного согласия коммуникантов.

Насыщенная общественно-политическая тональность используемых автором мотивов и выражений присутствует и в других басенных оборотах. Например, изображая двух спорящих приятелей в басне «Лыхъудыдж» (= «Тлихудыдж»), где один из работников его осуждает своего руководителя, а другой защищает, применяя явный анти-коплиментарный стиль: «Мы титхъэматэ / Зыкли лы хъатэп!» (= «Этот наш руководитель / Отнюдь не достойный мужчина») [1, с. 13]. Рассказчик не принимает внезапно возникших обвинений собеседника, пока не выясняется, что обвини-

тель вчера ушел на пенсию. Социальная обусловленность вновь возникает в итоговом куплете: «Джащ фэдэ цыфы загъорэ урехьыллэ: / Ольэрыхьыфэ къэгущылэрэм ежэдэуагъ, / Ау пенсием зыклорэм, – тхъэматэми тхъар еуагъ, – / Дишли димышли лэклахъэрэр реуаллэ» (= «Порой встречаются такие люди: Будучи руководителем, закрывает всем рот / Однако, уйдя на пенсию, – несчастный руководитель, – / Виноват или не виноват, все равно обливает грязью») [1, с. 13–14]. И еще возможен целый ряд аналогичных примеров в других баснях. Продолжая тенденции развития общенародной педагогической системы, приоритетной социальной задачей выступает необходимость воспитания личности, всесторонне ориентирующейся в многочисленных жизненных трудностях.

Нередкими в басенном тексте Х. Ашинова являются и эмоционально- насыщенные, разнообразные вопросительные и восклицательные вставки. Такие вкрапления всевозможных синтаксических типов и частей речи обладают добавочной семантической долей, сопровождающей точку зрения рассказчика. Все они распространены и в сегодняшнем разговорном адыгском языке: «Ара зэклэ?» («И это все?»), «Сыд адэ джыри?» («Что еще?») [1, с. 5], «Сэри?!» (= «Я?!») [1, с. 6], «Сыдэухъумэ» (= «Как бы то ни было») [1, с. 8], «Кло» (= досл. «иди», в значении «ну») [1, с. 9], «Еж» (= «Жди») [1, с. 17]. Одними из наиболее частых в числе таких вводных слов и выражений в рассматриваемых текстах можно считать вводные слова «гъогумаф» (= «счастливого пути»), «е-оой» (= «ай-я-яй») и «хъа-хъа» (= «ха-ха»), применяемые периодически в реальной разговорной речи как современных, так и исторических адыгов, а потому вошедшее в лексику героев Х. Ашинова.

Ведущий повествование персонаж одновременно оказывается весьма понятен и доступен собеседнику, распознавшему мотивацию его поступков. Благодаря производимым в басенных текстах Х. Ашинова словесным вкраплениям духовно-творческая система адыгского словосложения оказывается достаточно и полноценно иллюстрирована. В результате она выступает весьма продуктивной комплексной конструкцией, способствующей не только выделению этнических признаков, но и последующему развитию собственной общественно-значимой содержательности.

Использованная литература:

1. Ашинов Х. А. Допрыгался!: Басни (на адыг. яз.). Майкоп: Адыгейское отделение кн. изд-ва, 1981.
2. Гадагатль А. М. Память нации: Генезис эпоса «Нарты». Майкоп: Меоты, 1997.

References:

1. Ashinov, Kh. A., *Doprygalsya!: Basni (na adygeyskom yazyke)* (He Ended Up in a Bad Way! Fables (in Adyge Language)), Maykop: Adygeyskoe otделение knizhnogo izdatel'stva, 1981.
2. Gadagatl', A. M., *Pamyat' natsii: Genezis eposa «Narty»* (The Memory of the Nation: Genesis of Epic "The Narts"), Maykop: Meoty, 1997.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Биданок, М. М. Возможности адыгского басенного слога при воспроизведении сюжетов социального характера [Электронный ресурс] / М. М. Биданок // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 119-122. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Bidanok.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bidanok, M. M., *Vozmozhnosti adygskogo basennogo sloga pri vosproizvedenii syuzhetov sotsial'nogo kharaktera* (Opportunities of the Adygeyan Fable Style in Reproducing the Plots of Social Nature), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 119-122. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Bidanok.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КОНДРАШОВА Ольга Васильевна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка
Краснодарского высшего военного
авиационного училища летчиков имени А. К. Серова
Краснодар, Россия

Olga V. KONDRASHOVA

Dr. Sci. (Russian Language), Prof., Head,
Department of Russian Language,
Krasnodar Higher Military Aviation School
Краснодар, Россия

ovkondrashova@freemail.ru

ШЕЛЬДЕШОВА Ирина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
Краснодарского высшего военного
авиационного училища летчиков имени А. К. Серова
Краснодар, Россия

Irina V.SHELDESHOVA

Cand. Sci. (Russian Language), Prof.
Department of Russian Language,
Krasnodar Higher Military Aviation School
Krasnodar, Russia

sheldeshova_iv@mail.ru

**Поиски точек соприкосновения
языков и культур
при обучении русскому языку
как иностранному**

**Search for the Points of Contact
of Languages and Cultures
in Teaching Russian
as a Foreign Language**

В статье рассматривается реализация методического принципа опоры на общие признаки языков и культур разных народов при толерантной подаче специфического учебного материала в практике вузовского преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: лингводидактика, русский язык как иностранный, культурный контекст, методический принцип, познание особенного на фоне общего.

The article presents the usage of the methodological principle of relying on a common language and cultural features of different nations in the tolerant presentation of the specific learning material in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: linguodidactics, Russian as a foreign language, cultural aspect, methodological principle, learning the specific as a part of the common.

Различные формы взаимодействия языков и культур характеризуются, как известно, двунаправленным устремлением их носителей, с одной стороны, к сближению и

взаимопониманию, а с другой – к обособлению с целью сохранения самобытности. В. М. Алпатов, определяя языковую политику, объясняет эту антиномию «потребностью идентичности и

потребностью взаимопонимания» [1, с. 11–24]. Считаем, что выделение общего (сходного) и толерантное объяснение различий в жизни и коммуникации народов-носителей разных языков и культур может рассматриваться как средство оптимизации обучения иностранцев русскому языку.

Собственно, вся передовая педагогика строится на позитивных методиках преподавания нового как частично знакомого, поскольку освоение идет успешнее через открытие и «узнавание». Более чем сорокалетний опыт преподавания русского языка как иностранного в высшей школе иностранным учащимися из разных стран четырех континентов при получении ими гуманитарных и технических специальностей позволяет сделать некоторые обобщения относительно применения принципа «единения» в лингводидактике.

Если различия языков и культур «лежат на поверхности» и поэтому более заметны, то общее в них не сразу бросается в глаза, хотя и является основополагающим. Действительно, учиться в наши вузы приезжает молодежь из цивилизованных обществ, имеющих государственность и в общих чертах сходную социально-культурную организацию (наличие армии, судопроизводства, системы образования, здравоохранения и проч.), для подавляющего большинства важным остается институт семьи. Народы (один или несколько), как правило, проживают на территории той или иной страны или, реже, нескольких стран, но каждый их представитель является гражданином определенного государства. Одни считают себя атеистами, другие исповедуют некоторую (чаще монотеистическую) религию или придерживаются традиционных верований. Молодые люди воспитываются большей частью в сложившейся системе ценностей, воспринимая духовное наследие предыдущих поколений.

Что касается лингвистических универсалий, то они обусловлены знаковым характером языков и охватывают все уровни языковой системы, независимо от ее типологической принадлежности. Так, основные звуки речи любого языка (в среднем 30–60 фонем) делятся на согласные (их всегда больше) и гласные (минимум одна гласная фонема); в обязательный набор согласных входят рото-

вые взрывные звуки [п, т, к], фрикативный [с] и сонорные [н] или [м]. Все развитые языки имеют письменность, чаще буквенную на базе своего или заимствованного алфавита, реже – иероглифическую. Во всех языках выделяются грамматические классы слов, более четко они представлены в синтетических, менее определено – в аналитических и совсем слабо – в изолирующих; основная морфологическая оппозиция – это противопоставление имени и глагола; самой частотной из именных категорий является категория числа, а из глагольных – категория времени; во всех языках есть личные местоимения, числительные и междометия. Законченная мысль в любом языке оформляется предложением, в котором так или иначе различаются тема и рема сообщения; в каждом языке есть союзы; все языки имеют синтаксические конструкции сравнения; предложения по цели высказывания делятся на повествовательные и вопросительные, могут быть эмоционально окрашены. Во всех языках различаются имена собственные и нарицательные; семантическое развитие слова может идти метафорическим и метонимическим путем; абстрактные наименования восходят к конкретным. Во всех языках есть устойчивые воспроизводимые сочетания слов (фразеологизмы) и идиоматические выражения, значение которых не складывается из значений их компонентов (подробнее см. [2, с. 247–283]). Знание хотя бы основных лингвистических универсалий, а также отличительных черт языка обучаемых позволяет преподавателю объяснять особое в русском языке с опорой на общее. Покажем на примерах действие утверждаемого методического принципа.

Знакомство учащихся с лингвокультурными традициями страны обучения начинается с формы именования человека – официального личного имени собственного, наличие которого, как уже было сказано, обязательно для всякого развитого общества. В современном русском языке такое именование трёхчленно: личное имя, отчество (производное от имени отца) и фамилия, передающаяся из поколения в поколение, как правило, по отцовской линии. Условия обучения в русской язычной среде предписывают студентам гражданских вузов обращаться к преподавателям

по имени и отчеству, а в военных училищах в официальной обстановке (занятие, консультация) принято использовать универсальную форму «товарищ преподаватель», что значительно облегчает курсантам общение в вузе.

Добиваясь от инофонов правильного обращения к преподавателю, следует предвидеть возможное непонимание значения компонентов русского имени. Дело в том, что антропонимические модели разных народов могут иметь иные, чем в русском языке, параметры и основания. Так, например, в монгольской антропонимической модели отсутствует фамилия, а отчество (имя отца в родительном падеже) предшествует личному имени, например: Содномын Самбу 'Самбу сын Соднома'. Народы хауса, проживающие в Нигерии, Нигере, Камеруне, Чаде, Гане и Других странах Западной Африки, имеют дву- или трехчленную модель имени: здесь за основным (личным) именем следует патроним (имя отца), за которым возможно название места жительства (района города, селения), например: Sule Musa Madobi 'Сулейман, сын Моисея из г. Мадоби'. Весьма вариативны антропонимические модели у испаноговорящих народов: от простой двучленной, включающей личное (*nombre de pila*) и фамильное имя (*nombre de apellido*), например Mario Saenz до многочленных моделей, представленных комбинациями нескольких личных имен с двумя и более фамильными (первое может носить патронимический характер, а следующие – происходить от наименования места рождения, места жительства и др.), где в качестве связующих элементов используются артикли и частицы, например: Oscar Quesada y de la Guerra, Teodoro Caballero y Martinez del Campo (см. [2]).

При знакомстве с группой и перед преподавателем стоит задача правильно выбрать нужный для именованного компонент многочленного имени или принять тот вариант, который при знакомстве был предложен самим учащимся. Заранее ознакомившись с антропонимической системой страны обучаемых и выучив их имена, преподаватель, оттолкнувшись от общего элемента национальных моделей именованности личности (индивидуальное имя), показывает другие компоненты, свойственные русскому языку (фамилия, отчество). Позднее выясняется, что в языках учащихся

полное имя человека может включать прозвище, кастовое имя, должностное имя, имя по месту рождения и проч.

Поскольку на уроках русского языка помимо мобильности / краткости имени требуется его адаптация к русской грамматике, то есть наличие флективного показателя рода и падежа, то, с одобрения преподавателя, учащиеся выбирают себе русские имена, обычно созвучные со своими, или преобразуют собственное имя по модели русского: Андрэ – Андрей, Ван – Ваня, Катрин – Катя, Малгажата – Маргарита. Такое «переименование» позволяет обучаемым чувствовать себя психологически более комфортно и успешнее использовать в речи само имя и производные от него эмоционально-оценочные формы. Кроме того, новое «русское» имя создает своеобразную маску, придающую инофону, начинающему говорить по-русски, относительную коммуникативную уверенность. В этом случае и у преподавателя не возникает проблем с употреблением трудных имен, неверное произношение которых может снизить его авторитет и даже показаться учащимся обидным. Русские и русифицированные имена органично встраиваются в грамматику предложений и не нарушают целостности коммуникации.

Если познание человеком родного языка начинается с устной речи, а к письму он приходит только к 5-7 годам, то пролонгированное изучение иностранного языка, тем более в вузе, сразу идет по пути параллельного освоения фонетики и графики. В произношении с опорой на сходные звуки русского и родного языков прежде всего отрабатываются слоги и односложные слова с сонорными [м], [н], переднеязычными согласными, взрывными губными и гласным среднего ряда нижнего подъема [а]: *ма-ма, мама, Ан-на, Анна, ба-ба, баба, па-па, папа, да-та, дата, дам, там, бант*. При отработке написания букв с учащимися, чье национальное письмо основано на латинице, обращается особое внимание на те сходные графемы, которые в двух языках обозначают разные звуки: *т, п, в, р, и, у, е*. Замечено, что в силу языковых различий звуковая система русского языка особенно трудно дается учащимся из Китая, Вьетнама, Лаоса, а письмо с заметным трудом осваива-

ют носители арабского языка (без второго европейского) и те же лаосцы.

Речевое освоение русской бытовой культуры начинается с запоминания учащимися названий тех предметов, о которых им необходимо говорить с носителями языка в общении (помещения, мебель, постельное белье), в столовой (посуда, блюда), в магазине и на рынке (продукты питания, одежда, другие товары), на улице (транспорт, банк, торговый центр, парк, театр, аптека), в поликлинике (некоторые заболевания, их симптомы, лекарства). Эти наименования вводятся в моделях предложений (*Что называется как; Что является каким; Что начинается когда; Что находится где и под.*) и отрабатываются (с учетом уровня подготовки обучаемых) в развернутых ситуациях диалогов, например, «В кинотеатре»: *Вы покупаете билеты в кассе кинотеатра на фильм, который начинается в 15 часов. Вы забыли русское название фильма. Спросите об этом кассира. Уточните у дежурного, в каком зале он идёт, узнайте его мнение об этом фильме. Поблагодарите его.*

На этом этапе опорой на известное служат, прежде всего, изображения предметов, ситуаций, а также интернациональные слова *фильм, кино, сеанс*; в других ситуациях – *банк, ресторан, аэропорт, такси и др.*

Не всем иностранцам и не сразу приходится по вкусу русская пища. В супермаркетах они ищут фрукты и овощи, растущие на родине, в кафе и столовых рис предпочитают гречке, а баранину или курицу свинине. На начальных занятиях по русскому языку эти предпочтения они учатся выражать в конструкциях типа: *Я люблю / мне (не) нравится есть что с чем.* А на внеаудиторных мероприятиях оказывается полезным знакомство преподавателей с национальными блюдами стран студентов (например, индейка, тыквенный пирог, сладкий картофель в День Благодарения США) и приобщение учащихся к приготовлению блюд русской и кубанской кухни (вареники и блины на Масленицу). В закреплении традиции обмена кулинарными рецептами на кафедре русского языка было принято дарить иностранным учащимся книгу «Русская кухня» из серии «Кухни народов мира» (проект Издательского дома «Комсомольская правда»).

Особенно деликатной в общении с иностранными учащимися является тема веры. Независимо от собственного к ней отношения следует проявлять уважение к религиозным убеждениям обучаемых и, отвечая на возможные их вопросы, например о том, какой храм находится недалеко от вуза или где можно купить барана на мусульманский праздник, избегать резких и тем более негативных оценок, призывая к тому же учащихся. Эмоционально нейтральными должны быть и учебные тексты, рассказывающие о православных традициях русских, например, о праздновании Пасхи.

**Тема: Русские традиции – Пасха
(словообразование, словоизменение,
развитие речи)**

Задание 1. Знаете ли вы, что недавно в России был большой праздник? Какой это был праздник? Что вы слышали о нём, и что видели на улицах города?

Задание 2. Прочитайте пары слов, определите части речи. Объясните значения производных слов с помощью значений производящих. Ответьте на вопросы.

Верующий (человек) < верить (во что-то) – «считать реальным то, что нельзя увидеть или доказать».

Христианин < Христос – «сын Божий / Бога».

Воскресение < воскреснуть – «начать жить снова после смерти».

– Кого называют верующим человеком?
(...того, кто...)

– В кого и во что верит христианин?

Задание 3. Прочитайте текст. Слова в скобках поставьте в нужную форму.

Пасха – день Воскресения Христа – самый главный праздник (Христианская) Церкви. Именно в нём заключается основной смысл Веры: Сам Бог, став человеком, умер на (крест) за грехи людей и потом воскрес, избавив (верующие) от власти смерти. Слово «Пасха» означает, «избавление».

Главная книга всех христиан «Евангелие» рассказывает, что много лет назад Бог сотворил (наша земля) и всё, что растёт и живёт на (она). Но люди совершали плохие поступки и огорчали Бога. Чтобы помочь (люди) стать

лучше, Бог послал в мир своего единственного Сына – Иисуса Христа. Он жил на (наша земля) и рассказывал (люди) о Божьей любви, исцелял (больные), помогал (нуждающиеся). Но плохим людям это не нравилось, и они решили убить Христа. Христос не совершил ни одного греха и творил только добро, поэтому на третий день после смерти на кресте Он воскрес, и Бог-отец взял его к себе. Христос всегда слышит молитвы верующих и помогает (все).

Большой церковный праздник Пасхи (продолжаться) целую неделю. В эти дни люди (стараться) совершать добрые поступки. Христиане (приветствовать) друг друга словами: «Христос воскрес!», – и (отвечать): «Воистину воскрес!» Во всех храмах и церквях радостно и торжественно (звонить) колокола. Каждый человек в эти дни может подняться на (колокольня) и звонить в колокола, чтобы выразить свою любовь к (Бог).

Перед Пасхой верующие люди (печь) куличи и (освещать) их в (церковь). Кулич – это сладкий праздничный хлеб, который символизирует заботу Бога о (люди). Ещё в этот день люди (дарить) друг другу крашеные яйца. Есть легенда, что святая Мария Магдалина, в день Пасхи преподнесла (римский император) Тиберию куриное яйцо со словами: «Христос Воскрес!». Император сказал: «Я бы поверил, что мёртвый человек может стать живым, если бы это белое яйцо стало красным». И сразу произошло чудо: белое яйцо окрасилось в красный цвет. После этого христиане стали красить на праздник Пасхи яйца в разные цвета. Крашеное яйцо – это символ (новая, светлая жизнь).

Задание 4. Озаглавьте текст. Ответьте на вопросы (сначала с опорой на текст, а затем без опоры):

- 1) Почему Пасха является самым главным праздником христиан?
- 2) О чём рассказывает Евангелие?
- 3) Как христиане празднуют Пасху?
- 4) Почему на Пасху верующие дарят друг другу куличи и крашеные яйца?
- 5) Есть ли в вашей стране похожий праздник?

Приобщение учащихся к русской народной культуре активно ведется и на внеаудиторных мероприятиях, готовя которые также

целесообразно начинать с форм, известных разным народам. Так, с опорой на общее и выделением национальных особенностей может быть построен сценарий праздника «Новый год шагает по планете». Поскольку обычно это первый большой праздник учащихся в России и русский язык к этому времени еще недостаточно освоен, то каждая национальная группа представляет песни и танцы своего народа, а завершается вечер общим хороводом вокруг наряженной елки с заранее разученной русской новогодней песней.

На следующем традиционном славянском празднике учащиеся слушают рассказ ведущей о Масленице, сопровождаемый презентацией, читают стихи о весне и под песни в исполнении фольклорного ансамбля участвуют в народных играх «Напеки блинов», «Сделай куклу Масленицу», «Чебуранчик», «Ручеек». Затем на занятии многие из них рассказывают о весенних праздниках своей родины. Большое впечатление на иностранных учащихся производит концерт Кубанского казачьего хора, посещением которого завершается программа их знакомства с фольклором России и Кубани.

Как общечеловеческое достижение планетарного значения отмечается в военном авиационном училище День космонавтики. В рамках ежегодной международной конференции российские и иностранные курсанты 1–3 курсов выступают с докладами (иногда совместно) о вкладе разных стран в космические исследования, о проблемах, связанных с освоением космоса и о перспективах развития этого процесса. Ребята гордятся тем, что семь выпускников училища стали героями космоса. Это летчики-космонавты Дважды Герои Советского Союза В. Комаров и В. Горбатко, Герои Советского Союза Б. Хрунов, Б. Шонин, космонавты-исследователи Берталан Фаркаш (Венгрия), Фам Туан (Вьетнам), Абдул Ахад Моманд (Афганистан). Рассказывая по-русски об их жизни и деятельности, о годах учебы, будущие летчики разных национальностей чувствуют себя единой командой питомцев КВВАУЛ, призванной защищать мир на земле и устремленной в космос.

Воспитание у иностранных учащихся посредством русского языка гражданской ответственности за мир на планете продолжается в

дни празднования Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Семидесятилетняя послевоенная история нашей страны и всего мира убеждает в том, что сила народов в их единстве. Воодушевленные этой идеей, учащиеся из разных стран на интернациональном вечере читают стихи поэтов-фронтовиков и поют военные песни. Чувство профессионального единения рождает совместный просмотр замечательного фильма режиссера Леонида Быкова «В бой идут одни старики» с последующим его обсуждением.

Учебный год в вузах завершается днями русской культуры, которые открываются 24 мая Днем славянской письменности и заканчиваются 6 июня в день рождения А. С. Пушкина, официально названный теперь Днем русского языка. На филологическом факультете Кубанского государственного университета в этот период обычно проводились слушания студенческих научных работ, в которых традиционно принимали участие иностранные студенты и стажеры, выступавшие, в частности, с лингвокультурологическими докладами сопоставительного характера, например: «Развитие кириллицы в болгарском и русском языках», «Зоонимы-характеристики в современных польском и русском языках»,

«Поэтизация наименований цветов в русской и чешской языковых культурах», «Символика наименований чисел в китайской и русской фразеологии» и т. д.

Праздник русского языка, проводимый в эти дни для иностранных курсантов подготовительного курса авиационного училища, посвящается поэзии А. С. Пушкина и дарит учащимся эстетическую радость приобщения к прекрасному посредством изучаемого языка. К этому празднику ребята с удовольствием учат наизусть стихи великого поэта, увлеченно пытаются переводить их на родной язык и затем на вечере артистично читают оригиналы и отредактированные преподавателями переводы. Это мероприятие становится еще одним эмоциональным моментом обучения русскому языку по концепции единения.

Таким образом, многолетний опыт преподавания русского языка как иностранного в высших учебных заведениях позволяет утверждать, что оптимальным методическим принципом обучения является объединение усилий преподавателя и учащихся в нахождении точек соприкосновения языков и культур и позитивные творческие поиски особенного и специфического на фоне общего.

Использованная литература:

1. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 11-24.
2. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта; Наука, 2001.
3. Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989.

References:

1. Alpatov, V. M., *Yazykovaya politika v Rossii i mire* (Language Policy in Russia and in the World), in *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire*, Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 2014, pp. 11-24.
2. Mechkovskaya, N. B., *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* (General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages), Moscow: Flinta; Nauka, 2001.
3. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* (Personal Naming Systems of the Peoples of the World), Moscow: Nauka, 1989.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кондрашова, О. В. Поиски точек соприкосновения языков и культур при обучении русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] / О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 123-128. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kondrashova_Sheldeshova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kondrashova, O. V. and Sheldeshova, I. V., *Poiski tochek soprikosnoveniya yazykov i kul'tur pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* (Search for the Points of Contact of Languages and Cultures in Teaching Russian as a Foreign Language), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 123-128. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kondrashova_Sheldeshova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ИСТОРИЯ ЮГА РОССИИ: МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

ПУКИШ Владимир Степанович
соискатель кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета
Анапа, Краснодарский край, Россия
Vladimir S. PUKISH
Competitor for Candidate Degree,
Department of Literature and Journalism,
Adyghean State University
Anapa, Krasnodar region, Russia
vpukish@mail.ru

Чехи Северного Кавказа в публицистике словацкого писателя Петра Йилемницкого*

North Caucasus Czechs in Political Essays by Slovak Writer Peter Jilemnický

В статье анализируются публицистические очерки из циклов «Два года в Стране Советов» и «О борьбе и труде советских людей» словацкого писателя Петра (Петера) Йилемницкого о жизни этнических чехов и словаков на Северном Кавказе в первые годы советской власти. Очерки основаны на собственных наблюдениях П. Йилемницкого.

Автор статьи впервые перевел эти очерки на русский язык.

Ключевые слова: П. Йилемницкий, чехи Северного Кавказа, циклы репортажей «Два года в Стране Советов» и «О борьбе и труде советских людей», роман «Звонкий шаг», цикл новелл «Компас в нас».

The article analyzes social and political essays from the cycles *Two Years in the Country of the Soviets* and *On Fight and Labor of Soviet People* written by the Slovak writer Petr (Peter) Jilemnický, about the life of ethnic Czechs and Slovaks in North Caucasus in the early Soviet period. The essays were based on Jilemnický's personal observations.

The author of this article has translated these essays into Russian.

Keywords: P. Jilemnický, ethnic Czechs of North Caucasus, essay cycles *Two Years in the Country of the Soviets*, *On Fight and Labor of Soviet People*, novels *A Sprightly Step*, *The Compass in Ourselves*.

Первые компактные поселения чехов появляются на Черноморском побережье

* В отечественном литературоведении принята другая транслитерация данной фамилии - Илемницкий (Литературный энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 608). В публикации сохранена авторская транслитерация (прим. ред.).

Кавказа в 1868 г., вскоре после окончания Кавказской войны (1864) и начала российской колонизации региона. Вслед за исходом практически всех горских сообществ адыгов и абазин в Турцию на обезлюдившие земли царское правительство приглашает

крестьян из других российских губерний, а также иностранных подданных. Так в Черноморском округе (с 1896 г. – Черноморская губерния) появляются армяне, греки, немцы, молдаване, болгары, чехи, эстонцы. При этом на фоне этнического многообразия региона в целом собственно селения были этнически однородными.

К чехам-крестьянам, основавшим в регионе самостоятельно или совместно с представителями других этносов около десятка сел и хуторов, следует прибавить чехов-представителей интеллигенции, дисперсно проживавших во многих городах региона. Как правило, они работали преподавателями классических языков, музыки, физвоспитания, пивоварами и виноделами.

В самих чешских землях также не забыли о братьях, уехавших на Северный Кавказ. К ним приезжают чешские историки и этнографы (Ян Ауэрган, Карел Хотек), поэты и писатели (Адольф Гейдук – родной брат агронома Черноморского округа Бедржиха (Федора) Гейдука, автор цикла стихотворений „Z routí na Kavkaz“ («Из путешествия на Кавказ»; Прага, 1902); Сватоплук Чех, автор романтической поэмы „Šerkes“ («Черкес»; Прага, 1880)), которые публикуют путевые и публицистические очерки, а также художественные произведения, написанные под впечатлением своего пребывания на Кавказе. Такие очерки пишут и чехи, сами длительно проживавшие в регионе (Бедржих Гейдук, его сын Ярослав Гейдук, Людовик Лат). К чехам Северного Кавказа присылают литературу и учителей для работы в школах, действовавших в чешских селах. Особенно это процесс активизировался после образования независимой Чехословацкой Республики (1918).

Таким образом, чешская колонизация Северного Кавказа нашла свое отражение в национальной литературе и – шире – собственно в культуре (от чехов Северного Кавказа нами записаны тексты песен, являющиеся местными вариантами общечешских, а также прибаутки, поговорки). Культура таких чешских анклавов несомненно является частью большой культуры Северного Кавказа, участвующая в создании общей палитры и культурного разнообразия региона.

*Петр Йилемницкий (1901-1949).
Фото 1937 г.*

В таком качестве мы и хотели бы её рассмотреть в данной статье, посвященной творчеству словацкого писателя, этнического чеха по происхождению, Петра Йилемницкого (1901–1949) (биографию см., в частности, [12]), который почти год (1926–1927 гг.) жил в чешском селе Павловке¹ Анапского округа, где работал школьным учителем.

В Советский Союз П. Йилемницкий приехал в составе чехословацкого производственного кооператива “Interhelpo” летом 1926 г. Членами этого кооператива были преимущественно жители Словакии, симпатизировавшие Советскому Союзу и пожелавшие на месте участвовать в строительстве социализма. Приехав в г. Фрунзе (ныне – Бишкек, Республика Кыргызстан), они посреди голой степи построили несколько предприятий

¹ Основано чехами и словаками – переселенцами из Австро-Венгрии – в 1870 г. Сейчас входит в состав села Варваровка (административно подчинено г.к. Анапе). Всего в Черноморском округе / губернии и Кубанской области чехи основали около десятка сел.

*Бюст Петра Йилемницкого,
скульптор Франтишек Горжава
(František Hořava), 1963 г.*

*(г. Адамов, р-н Бланско, Южноморавский край,
Чешская Республика). Фото 2011 г.*

(кожевенный и обувной заводы, ткацкую фабрику и т. д.). П. Йилемницкий ехал в Советский Союз как учитель словацкого языка. Предполагалось, что в месте назначения все дети будут обучаться на словацком языке. Однако вскоре оказалось, что обучение на словацком языке подходит не всем (хотя большинство членов кооператива были словаками, но среди них были также чехи, венгры, немцы и русины); более того, появилась потребность в обучении русскому языку, и многие родители стали требовать открытия русской школы. К этому прибавились болезнь Йилемницкого и совет врача переехать к морю [6, с. 97]. Так Йилемницкий в 1926 г. появляется в Павловке. Проработав там почти год, он осенью 1927 г. уехал в Москву, где

по ходатайству руководителей Компартии Чехословакии К. Готтвальда и А. Запотоцкого был зачислен слушателем в Государственный институт журналистики. Живя в Москве, он работал переводчиком в чехословацкой секции Коминтерна, сотрудничал со словацкой коммунистической прессой и журналом «Московская деревня».

В июне 1928 г. Йилемницкий возвращается в Чехословакию, где становится редактором словацкой коммунистической газеты «Правда». В следующий раз он приезжает в СССР в 1931 г. Во время этой поездки он посещает Москву и еще раз едет в «Interhelpo» (репортаж «В поезде Москва – Алма-Ата» [7]).

Личные впечатления писателя о жизни в СССР, в т. ч. на Северном Кавказе, легли в основу двух его крупных художественных произведений. Это – роман «Звонкий шаг» о ходе коллективизации в Павловке [8], а также цикл новелл «Компас в нас» [5]. Несмотря на то, что жанр «Звонкого шага» определен как роман, практически все его герои имеют своих реально существовавших прототипов (так, прототипом главного героя романа, Матоуша Репки, был житель Павловки Иван Матоуш, в доме которого жил Йилемницкий; учитель Михаил Петрович – литературный автопортрет самого Йилемницкого), а действие происходит в реально существующих населенных пунктах – селах Павловке, Варваровке, городах Анапе и Новороссийске...

Эти произведения, насколько нам известно, не переводились на русский язык, хотя в социалистической Чехословакии были хрестоматийными образцами словацкой литературы «социалистического реализма».

Кроме художественных произведений, жизни советского Северного Кавказа посвящен цикл публицистических репортажей П. Йилемницкого «Два года в Стране Советов» [9] (всего вышло 23 репортажа), а также отдельные очерки, повествующие о жизни причерноморской советской деревни в период после нэпа, в самом начале коллективизации. В посмертном собрании сочинений в переводе на чешский

язык, изданном в Праге в 1953 г., опубликовано 19 таких очерков, тематически объединенных заголовком «О борьбе и труде советских людей» [3]. В другие тома указанного собрания сочинений вошли также различные политические статьи автора на советскую тематику.

Тематика репортажей циклов «Два года в Стране Советов» и «О борьбе и труде советских людей» разнообразна: политическое положение в СССР «в окружении вражеских стран» во второй половине 1920-х гг.; процессы коллективизации и жизни на селе в целом; путевые заметки и встречи пассажира поезда Москва – Алма-Ата и Москва – Новороссийск; быт студента Государственного института журналистики, и т. д.

Мы отобрали для публикации наиболее характерные очерки из этих циклов, где речь идет непосредственно о чехах, живущих на Северном Кавказе.

Для современного читателя репортажи П. Йилемницкого ценны именно как фактические документы о жизни чехов и словаков в молодом советском государстве (Йилемницкий скрупулезно описывает дома, обустройство быта чехов, историю их приезда на Кавказ, рассказывает об их хозяйственности и т.д.), а не как высокохудожественные произведения литературы социалистического реализма, повествующие о «перерождении старой деревни в условиях уже победившего социалистического строя в деревню новую, коллективную»² (Йилемницкого как основоположника этого направления в словацкой литературе даже называли «словацким Горьким»). Тем более что сейчас уже трудно судить, когда писатель более искренен – описывая подчас нечеловеческие испытания, выпавшие на долю его земляков в условиях советской действительности, или восхищаясь успехами и мощью коммунистического строя, достигнутыми ценой таких испытаний. Вот, к примеру, в очерке «Чехи на Кавказе» он пишет, что вначале переселенцы жили в землянках, а когда «уже наступили лучшие времена и все имели крышу над головой», построили для себя «маленький

молитвенный дом». Спустя несколько лет поселенцы «построили настоящий костел», а «тот первый [молитвенный дом] переделали под школу». Далее П. Йилемницкий замечает, что строительство это было ненужным, «потому что сейчас никто туда [в костел] уже не ходит, разве что несколько старух, которые собираются по воскресеньям на его ступеньках, чтобы посудачить по старому обычаю...» [4, с. 84] А вот в очерке «Словацкий учитель за границей» и романе «Звонкий шаг» П. Йилемницкий подчеркивает как показательный и достойный уважения факт, что первые жители Павловки вначале строят здание для школы и молитвенного дома, а уже затем – жилые дома для себя [6, с. 98], [2, с. 141]...

В заключение отметим также, что словацкий язык Йилемницкого подвергался критике со стороны литературоведов [10], что неудивительно, ведь он был этническим чехом по происхождению.

Петр Йилемницкий
Из цикла репортажей
«Два года в Стране Советов»
Перевод со словацкого Владимира Пукиша

ОТЧЕТ О РАБОТЕ РИК

Дорога змеей извивалась к морю, откуда дул теплый ветер. Вся Варваровка стояла открытая этому ветру. Хаты, словно невесты перед свадьбой, – удивляюсь, как ветер пролетал над ними, не приподнимая их юбок. Затарактела одинокая телега, запряженная парой лошадей. У возницы кнут просто так, для вида. Двое пассажиров вынуждены наклоняться, чтобы слышать друг друга – так грохочет телега. Остановились перед подворьем. Залаяла собака. Выбежала чумазая ребятня.

– Комендант дома? – спросил молодой, 23-летний Иван Матвееч одного из пацанят. Иван Матвееч был председателем исполкома, комитета четырех деревень: Су-Псеха, Красно-Чеховки³, Варваровки и Сукко.

Варваровский комендант, Осип Павлович Блага, как раз вышел из хлева.

² Характеристика Б. Тругларжа, переводчика произведений П. Йилемницкого на чешский язык [11, с. 12].

³ В Красно-Чеховку (чеш. Rudá Čechovka) было переименовано в начале 1920-х гг. село Павловка. – *Здесь и далее прим. перев.*

– *Здравствуйте*⁴. А что это вы, шальные, явились внезапно, словно ветер? Прощу в дом! – сказал, протягивая руку.

– Не можем. Едем в школу и созываем собрание. А вы сообщите по деревне, чтобы собралось как можно больше граждан, – говорит товарищ Сидоров, полковник из ближайшего местечка Анапы. Анапа, приморский курорт на берегу Черного моря, является *районным центром*. Сидоров приехал к крестьянам с отчетом о работе *районного исполнительного комитета* за прошедший квартал. Приезжает так четыре раза в год в каждую деревню в *районе* без предупреждения, чтобы выслушать мнение крестьян о своей деятельности, принять предложения и указания по дальнейшей работе и скорректировать ее в интересах граждан.

Телега поехала дальше и остановилась перед школой. Вышли поздороваться две учительницы; еще были на работе, хотя солнце уже клонилось к закату. Но в воскресенье будет собрание, двадцатая годовщина революции; дети подготовили материал в школьную стенгазету каждый о своем классе. Торжественная дата. Краски, чернила, тушь – все пошло в дело. Товарищ Сидоров склонился над газетой – читал. Наконец улыбнулся:

– А кто из вас, *девочки*, эта «Пионерка»?

– Это редакторский секрет! – смело ответила одна, и было видно, что ей приятен интерес этого милого молодого товарища. А он читал дальше:

«Если бы я сегодня была в Москве и увидела в мавзолее мертвого Ильича, то сказала бы ему: «Дорогой ты наш, великий учитель, Владимир Ильич, ты нам обозначил девиз: **УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ!**»

Мы учимся, чтобы стать прочной опорой всемирного созидательного труда.

Пионерка»

Было так хорошо там, среди этих смелых, идейных детей. Между тем учительница занесла в класс лампу. Стали собираться граждане. Мужчины и женщины, старики и молодежь. Бородачи, заросшие увальни в огромных папах и кожихах, женщины, вспотевшие, прямо с работы, в платочках, чехи, чьи родители в большинстве своем родились

уже в России; в их русском разговоре отчетливо слышался медлительный акцент родной речи.

– Товарищи, давайте начинать собрание!

Президиум усаживается за стол – и полковник Сидоров, усмехаясь, начинает говорить. У него высокий тенор, который легко возносится над шумом, кашляньем и щелканьем семечек, вонзаясь в сизый дым махорки, которую беспрерывно курили собравшиеся. Говорил он обо всем *районе*, представлял статистические данные, говорил и улыбался. Знал – можно составлять отчет, не опасаясь ничего, потому что указания шли от крестьян, а руководители их только исполняют, корректируют, направляют. Говорил о земледельческой политике, о росте числа хлеборобов-средняков, о резком сокращении процента бедняков, о налоговой политике. О том, что в России уже 25-30 процентов хлеборобов освобождены от налогов. О вытеснении частного капитала. В 1923-1924 гг. 57% мелкой торговли было в руках частного капитала, а в 1926-м уже только 39%. Объемы других видов торговли (например, смешанным товаром) за этот период снизились с 22 до 9%. В противовес этому, благодаря достижению взаимопонимания между деревнями, растет сбыт у колхозов – уверенная поступь на пути к социализации. Говорил о дефиците товаров и о политике цен и уточнял, что, несмотря на тяжелое состояние в промышленности, товарооборот растет – а цены снижаются. Отчитывался об использовании налогов, показывал, что 10% всего районного бюджета идет на здравоохранение, а 38% на культуру и образование!

Закончил. Ждет вопросы. Предложения. Критику. Расстегивает свою простую холщовую рубашку, закуривает папиросу из махорки и карандашом записывает вопросы. Граждане совещаются, спрашивают. Покуривают, щелкают семечки, улыбаются. От 42 присутствующих поступило 18 вопросов – каждый на отдельную тему и все интересные. А когда вопросов больше не стало, Сидоров снова взял слово – отвечал четко, кратко, но емко, как учитель, который любит своих учеников и хочет, чтобы им все было ясно. Была и оппозиция – вялая и несостоятельная. Он поиграл с ней, показал ошибки в суждениях, вывел на правильный путь. Закончил. Рассказал, как ак-

⁴ Курсивом выделены слова, написанные по-русски латиницей в оригинале.

тивны крестьяне в СССР, что свидетельствует о том, что они хотят быть настоящими сознательными творцами своей жизни. Их заинтересованность в промышленном производстве, здравоохранении и особенно образовании подтверждает, что они чувствуют необходимость своей связи с рабочим классом, желают быть здоровыми гражданами и семимильными шагами догнать в области культуры то, что не смогли получить при царе.

Крестьяне ведь те еще хитрецы. Никогда не раскроются полностью. Жалуются, плачут, как и везде. Но эти – спокойны духом, добрые, улыбочивые, потому что знают, что они – хозяйева своей жизни, свободные и вольные люди, чувствуют, что советская власть всерьез намерена покончить с бедствиями, причиненными мировой и гражданской войнами, и не допустить посягательств на их жизнь со стороны западной буржуазии.

СЛОВАКИ В РОССИИ

...Столько уже написано о лудильщиках с Кисуцы, старьевщиках и стекольщиках с Оравы. Рассказываешь кому-нибудь, что где-то далеко встретил словаков, и – само собой разумеется – тебя перебьют и с непреклонной уверенностью констатируют:

– А, это лудильщики из деревни Закопчье, правда?

Нет, друзья мои, это не лудильщики из Закопчья и не живодеры из Высокой. Я во время своих путешествий по Советской России за последние два года встречался с другими словаками. <...>

На Кавказе в Новороссийске мы купались в море, небо было голубым и море таким же, иностранные суда причаливали к пристани, и на них развевалась вереница разноцветных флагов.

В море, у песчаного пляжа купалась Еленка Зеленкова⁵.

Ее отец был столяром, работал на строительстве, зарабатывал на легком столярном станке по 5 рублей (85 крон) в день. Поэтому жила Еленка хорошо, на базаре мать всегда покупала ей черешню и абрикосы.

– А бабушка не плачет по тебе? – спраши-

⁵ Чешская и словацкая женская форма фамилии *Зеленка*.

вал я Еленку.

– Не плачет. Мы послали ей вот эту карточку... – Еленка бежит в комнату, приносит свою фотографию: такая кокетливая пухленькая девушка с огромной виноградной гроздью в руках.

– Ах! Зачем бабушке твоей плакать, если ты так хорошо живешь! – хвалю Еленку. И говорю я это не просто так – только чтобы что-нибудь сказать. Я уверен, что у бабушки, которая жила в Бановцах у Тренчина, нет причин переживать за Еленку.

– Зимой, когда будет меньше работы, поеду посмотреть мир. В Крым или в Батум, как там люди работают, – говорит отец Еленки. – Эх, братец, здесь так хорошо работается, ведь у тебя свободные руки. Можешь всю Россию пройти этими руками. Может быть, найду где-нибудь новую работу. Но не хотят меня отпускать.

Верю. У Еленки, которая весной поедет к родственникам в Бановце, хороший отец. Он не только сможет своими руками пройти всю Россию. Он – сознательный рабочий. Работает в ВКП(б) и в профсоюзах – и знаю, что если он где-нибудь скажет, что хочет поменять работу, ему везде скажут:

– Не хотим вас отпускать, товарищ Зеленка!

А когда я из Новороссийска попал дальше, в Анапский район, в «советскую Шампань» на Черноморском побережье⁶, где много чешских деревень, образцовых и чистых, познакомился я там с четвертой женой старика Веверки – была она из-под Мартина. Из Раковой или Прибовиц, уж точно не помню. Уже забыла словацкий язык, но когда я заходил к ним и читал им словацкие газеты и книги, часто в глазах этих людей блестели слезы.

Она жила так далеко от своей родины и так давно там не была. И ведь не только это. Столько всего поменялось за эти годы, таким непонятным для нее был тот бурный рост новой жизни в деревне...

⁶ Многие считают, что автором лозунга «Превратим Тамань в советскую Шампань!» является Н. С. Хрущев. По крайней мере, движение под таким девизом в Темрюкском районе Краснодарского края началось после его визита туда 30 сентября 1957 г. [1]. Но, как видим, Тамань так называли уже в 1920-е гг.

Помню, как-то зимой надел старик шубу и говорит:

– Иду в Совет на собрание.

Пробормотала старуха что-то, и вдруг вылилось из нее все то, что всю жизнь ее так терзало, болело, и чему она уже не могла противиться:

– Мог бы уже и успокоиться – старый козел, а туда же, на собрание полез!

А когда уже я со стариком выходил из дома, вздохнула:

– Ох, ей-Богу, я бы уж и не вспомнила до рогу из Мартина домой...

А потом взяла книжку и стала молиться.

* * *

Я невольно вспомнил бабушку Веверку, когда в июне уезжал из Новороссийска в Москву и дальше в Чехословакию.

Еленка Зеленкова пришла на перрон с родителями и, вручая мне букет красных гвоздик, сказала:

– Передай их словацким пионерам – скажи: от Еленки!

Но букетик тот лежит, высохший, у меня дома. В Словакии мало таких детей, как та словацкая девушка в России, мало тех, кто смог бы понять смысл букетика красных гвоздик от Еленки.

По-разному живут словаки в Словакии и в России. Все зависит от страны.

А из этого следует, что такие девушки, как Еленка, никогда не превратятся в бабушку Веверку.

ЧЕХИ НА КАВКАЗЕ

Во второй половине XIX в., когда царские войска очищали Кавказ от диких, свободных горских племен, когда были уничтожены тысячи дагестанцев, курдов, черкесов, чеченцев, абхазов, – возник новый вопрос: если мы обладаем отвоеванным, своим уже Кавказом, кем мы его заселим?

А Кавказ был диким, лесистым; крутые вершины; овраги, поросшие непролазным кустарником; бурливые источники с низвергающимися водопадами, опасными тропинками – всего метр шириной; сухие, безлесные, высокие берега, а над ними синее небо, далекое, безграничное. Вопрос о заселении был решен. На Кавказ позвали иностранцев. Вот как слу-

чалось, что из Чехии из-под городов Будейовице, Клатови, Глубоке отправился в путь служивый люд из имений Шварценбергов и Лихтенштейнов; крестьяне-бедняки и батраки тоже надумали искать себе новую родину. Так они переехали из Чехии на Кавказ; были они скромными, невзыскательными людьми, поселились на взгорьях на берегу Черного моря, вблизи Новороссийска.

Во время своих дальних странствий по миру попал и я прямо от китайской границы на Кавказ, поселился в чешской деревне Красной Чеховке (так ее называли сами крестьяне после революции), где и жил одиннадцать месяцев. Сейчас я вам расскажу об этой деревне: как жили раньше и как живут сейчас.

Добрались они в эти места где-то в 1868–1870 гг. Поселились в овраге, поросшем кустарником; протекал через него небольшой ручеек. Выкопали в земле ямы, где жили два – три года, пока раскорчевывали землю, подготавливали поля, зарабатывали на самое необходимое. Потом один за другим ставили дома, такие же, как в чешских деревнях, под дощаными стрехами. Помаленьку поднимались все выше, и, хотя было то невероятно трудное время, о котором сейчас могут рассказать разве что дед Влчек и Сланец – старейшие жители деревни, Красная Чеховка превратилась в рядную деревню.

Когда настали лучшие времена и у всех уже была крыша над головой, построили маленький молитвенный дом. А через несколько лет выстроили уже настоящий костел, а в том первом здании устроили школу. Постройка та была ненужной, потому что сейчас никто туда уже не ходит, разве что несколько старух, которые собираются по воскресеньям на его ступеньках, чтобы посудачить по старому обычаю...

Холмы и косогоры, горячее южное солнце, теплое морское небо будто бы созданы для виноградников. Чешские крестьяне научились сажать лозу. То был основной фактор, коренным образом изменивший их быт. Чувствуют себя они намного беззаботнее, веселее, даже легкомысленнее, чем чехословацкие крестьяне: сама природа идет им навстречу. У них прекрасные сады, полные роскошными южными плодами, у них есть хлеб, вино, табак, море, солнце. Они очень трудолюбивы, и год от года

живется им все лучше.

В деревне 29 домов. Дома каменные, покрыты красивой белой штукатуркой, кое-кто даже вызывал мастеров, чтобы те украсили их окна и двери орнаментом; кровли покрыты красной черепицей, некоторые – шифером; только пять изб все еще стоят под дощатой кровлей.

У крестьян-чехов – лучшие лошади в округе. Коровы пасутся на общественных пастбищах, все в одном стаде под надзором пастуха, которого нанимают на год. Часто скот пасется на пастбище всю зиму, потому что снег тут редко держится больше, чем два – три дня. Ведут молочное хозяйство; чешское масло известно на 50 километров в округ и стоит дорого.

В деревне уже почти повсеместно проведена механизация. У крестьян есть устройства для прессования вина, веялки, косилки, молочные сепараторы, аппараты для защиты винограда от вредителей. Если бы деревня и поле располагались на равнине, то был бы у них и общественный трактор. А так – на холмах – трактором пахать нельзя. Единственное, чего у них нет, – это молотилки. Почему? Вот послушайте:

В этих местах с мая по октябрь зачастую не выпадает ни капли дождя. Вечноголубое небо над вечноголубым морем. Поэтому у каждого во дворе есть большой круг земли, чистый и ровный, как стол. Это – ток. В него разбрасывают снопы, запрягают лошадей в большой каменный с острыми зубьями каток, который вращается вокруг своей оси, – а лошади бегают по кругу. Зерно вымолачивается чисто и качественно. А потом его уже провеивают на веялке.

Школа, как я уже указывал, находится в избе, которая раньше была молитвенным домом. Это очень старый и хилый домишко; отличается в худшую сторону среди прочих. Были здесь разные учителя. Были и русские, были и чехи. Все жители умели читать и писать по-чешски и по-русски. Что касается грамотности, Красная Чеховка занимает первое место в округе. Дети хорошо и с охотой учатся, ведь русская революция принесла много нового и радостного и в школу. Русская советская школа новыми методами воспитывает настоящих идейных граждан, бесстрашных

и независимых, преподает им практические навыки для дальнейшей жизни. Школьная жизнь очень разносторонняя и богатая, она использует все общественные и политические события, чтобы по ним учить детей, как правильно мыслить и давать оценку вопросам, с которыми чаще всего люди сталкиваются в жизни. Учебная программа составлена только из тех предметов и в том объеме, которые имеют определенную практическую ценность и которые не просто доступны детям, но и способны развить детский разум в единственно правильном, классовом, марксистско-ленинском духе и направлении. И так с каждым новым поколением молодежи, выходящим в свет из советской школы, приближается неминуемый крах мировой буржуазии.

У чешских крестьян есть свои представители в Совете. Есть у них свой школьный совет и комитет школьной помощи, перед которым стоит в этом [1928] году задача: постройка новой школы. Получили от местных властей бесплатно строительные материалы и кровлю; остальные стройматериалы привезут, и школу гуртом построят все жители деревни сами. В деревне есть еще хозяйственный союз взаимопомощи. Там крестьяне могут арендовать механизмы, получить зерно на посев, денежную ссуду. Такие союзы функционируют в каждой советской деревне. Есть у них и союз МКП (Международной Красной помощи)⁷.

Каково отношение чешских крестьян к советской власти? Пока было время военного коммунизма, принудительные реквизиции, было, как и везде среди крестьян: им это не нравилось. Но теперь они уже могут свободно, спокойно работать, они чувствуют, что Советы заботятся об улучшении условий жизни, помогают им не только хорошими советами, но и деньгами, оборудованием, зерном. И сейчас они уже сами следят за теми, кто хочет навредить этому труду Советов, не желает принять целеустремленную советскую власть и хочет посеять недоразумение. Вся деревня настро-

⁷ Международная организация помощи борцам революции (МОПР), на Западе – Международная Красная помощь, создана в конце 1922 на основе решения 4-го конгресса Коминтерна (принято по предложению Общества старых большевиков) «в целях защиты трудящихся от белого террора и помощи его жертвам»; оказывала материальную, юридическую, моральную поддержку политзаключенным, политэмигрантам и их семьям, семьям погибших революционеров.

ена лояльно, по-советски, на собраниях обсуждает все предписания и постановления: на выборах все стараются избрать таких депутатов, которые принесут деревне пользу, будут выражать чаяния тех, кого перемолола советская мельница, превратив в добрых, убежденных граждан, желающих работать и хозяйствовать сообща.

Эти шаги к коллективизации очень хорошо получаются в Красной Чеховке. Местные крестьяне уже и раньше привыкли работать вместе. Нужно отремонтировать дороги – работает вся деревня. Нужно привезти и распилить доски для школы – работает вся деревня. Если какой-нибудь хозяин строит новый дом, у него тоже работает вся деревня. Потом он тоже отплатит своим соседям за труд.

В прошлом году мы достигли большого успеха в коллективизации. Обсудили с гражданами и предложили им уже в этом году начать сеять «благородные» сорта зерновых. Нужно, чтобы это начала делать вся деревня, всё посеять разом, чтобы не распространялась чужеродная пыльца. Сложное задание. Сложное решение. Решили. Теперь соберут лучший урожай. Вернут государству зерновую ссуду, а оставшегося зерна будет на 50% больше, чем если бы сеяли обычные культуры.

Так живут чехи на Кавказе.

СЛОВАЦКИЙ УЧИТЕЛЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Меня пригласили сюда, чтобы я поделился своим личным опытом на тему «словацкий учитель за границей». Словацких учителей за границей много, но мой пример отличается от всех остальных. Почему? Да потому, что я стал учителем в государстве, с которым в то время у Чехословакии не было не то чтобы дружеских, но и нормальных дипломатических отношений, несмотря на то, что большая часть нашей общественности того настойчиво требовала. Я стал учителем в Советском Союзе.

Решился я на это в 1926 г. То было еще смутное время. Явственно ощущалось влияние прошедшей войны на весь мир. Постепенно затухали послевоенные революционные взрывы в Центральной Европе. Но хотя обстановка уже менялась, рабочие готовились к новой борьбе. Батраки организовывали масштабные забастовки. Беднейшее крестьянство тоже бурлило. Не раз слышал я, как один

из их лидеров восклицал: «Пусть меня повесят, если через два года не вспыхнет революция!» Рабочие массы обожествляли Советский Союз.

Бурное эхо событий в мире докатывалось и до меня. Я тогда работал учителем в Кисуцах, где жили бедные крестьяне-единоличники и откуда народ уезжал на работу в Островский край. Я разделял со словацким рабочим людом все его нужды и чаяния и жил – и до сих пор живу – его лучшими надеждами.

В ту пору в Жилине организовали кооператив переселенцев в СССР. Назывался он «Интергелпо». Большинство его членов были из Словакии, хотя среди них были и словаки, и венгры, и немцы. Но вступали в него и жители Моравии, Чехии и Подкарпатской Руси. В апреле 1925 г. первая партия членов кооператива выехала в Среднюю Азию, в Кара-Киргизию, в город Фрунзе, где они должны были организовать промышленные предприятия и подготовить приезд следующих партий членов кооператива. Вначале было очень тяжело. Картину их героического труда я показал в своем последнем романе «Компас в нас». Здесь только упомяну, что наши земляки приехали в голую степь, где прямо-таки чудом построили первое промышленное предприятие – ничего подобного там, на монгольской границе, киргизы до тех пор не видели.

Наиболее многочисленной была вторая партия коммунаров, выехавшая из Жилины в июле 1926 г. Я тоже выехал с этой партией в качестве учителя. Было нас около 520 человек, много детей, больше всего словаков. Поэтому предполагалось открыть для всех словацкую школу. Мы везли с собой книги, словацкие учебники и все что нужно для школы. В то лето у меня не было каникул. В нашем составе, в котором мы также везли все оборудование для текстильной фабрики, машины для кожевенного производства, вальцовую мельницу и много чего еще, так вот, в нашем составе было более 50 вагонов. Дети ехали в разных вагонах вместе с родителями. На каждой крупной станции в Польше, где останавливался поезд, я собирал детей, мы знакомились, играли, вели беседы – так уже в пути создавался сплоченный коллектив. Мы разучили коллективную речевку, что-то вроде приветствия Советскому Союзу, с которой выступили на торжественном собрании при пересечении

советской границы.

Когда после почти 30-дневного путешествия мы прибыли в Кара-Киргизию, столкнулись с большими трудностями. Не хватало жилья, помещений, где бригады кооператива могли бы начать работу. С приездом полтысячи людей наступил разброд, правда, временный. Здание, ранее выделенное под школу, передали швейному цеху. Новоприбывшим негде было работать, жить и ночевать – нужно было все строить на пустом месте. Поэтому, когда я спросил, что будет со школой, получил от совета кооператива такой ответ: «Нужно построить новую. Места достаточно. Можешь начинать».

Пока другие строили новые дома и цеха, чтобы было где жить и разместить дорогое оборудование, я как мог заботился о детях. Многого сделать не получалось: стояло азиатское лето, адская пора, градусник зашкаливал. Дети, не привыкшие к такому знойному климату, стали болеть, некоторые даже умирали. У многих росло разочарование. Люди стали уезжать из кооператива.

После ужина, по окончании дневных трудов, я вместе с несколькими знакомыми копал фундамент под новую школу. Но уже тогда было ясно, что совет кооператива тщательно не продумал школьный вопрос. Среди детей были словаки, чехи, венгры, немцы и русины. Сложно было их объединить на основе какого-то одного языка обучения. Кроме того, возникла потребность в изучении русского языка. Многие начали говорить о необходимости открыть русскую школу.

А тут еще и я заболел. Доктор мне советовал уехать на море. Я выбрал себе место на Кавказе, на берегу Черного моря. Приехал в маленькую деревушку Павловку, где еще с шестидесятых годов прошлого [XIX] века жили наши земляки. Большинство там составляли чехи, меньше было словаков, подвергшихся уже чехизации, а все вместе они к тому времени уже частично и русифицировались. Ведь это было уже второе и даже третье поколение, о родине своей слышавшие только из рассказов родителей и дедов. А те, живущие там сейчас старики, прибывшие на Кавказ еще детьми, не помнили уже свою старую родину. Когда читал я газету старушке словачке Веверке, которая приехала из Прибовиц, что у Турчанского Свя-

того Мартина⁸, она мне говорила:

– Чудно как-то... Я, право, уже бы и не нашла дорогу домой.

Школа в деревне была маленькая, старая. На самом деле это – самое старое здание во всей деревне, разделенное сенями на две половины; в одной жил учитель, а во второй учились дети. Да, самое старое здание. Потому что когда наши земляки в прошлом веке селились на Кавказе, могли выбрать себе место по желанию: на ровной местности или в горах. Наши выбрали приморские холмы, поросшие дубовым лесом. Поэтому вначале должны были корчевать лес, превращая наделы в поле, ведь вопрос о хлебе был самым насущным. По нескольку лет вынуждены были жить в землянках: примитивных жилищах, выкопанных в земле и покрытых нехитрой кровлей. Когда с самой тяжелой работой было покончено и у них уже было какое-никакое поле, могли начать думать о строительстве домов. Лучше всего их характеризует тот достойный уважения факт, что вначале они построили школу, использовавшуюся и как молитвенный дом, – и только после этого стали строить себе дома. Можно утверждать, что нигде вокруг Новороссийска не было более красивых, благоустроенных и чистых деревень, чем те, которые основали наши соотечественники.

Квартира моя в школе была полностью благоустроена: там стояли кровать, стол и стул. Большая роскошь после того бесконечного странствования, когда дни и ночи напролет я проводил в железнодорожных вагонах. Зарплата у меня тоже была хорошая. В месяц я получал 55 рублей. 20 рублей в месяц шли на питание – гусиное, куриное мясо и сказочная морская рыба. 35 рублей оставались в кошельке. Я даже переживал, что вот-вот стану богачом.

Приехав в ту деревеньку со скрипочкой, чемоданом полным книг и ковриком, заявился я у старосты. У него как раз шло собрание.

– А по-русски вы говорите? – спросили меня.

– Пока не очень, но научусь.

– Такой учитель нам не нужен, – заявили.

Да, приветствие было не очень. Но уже за неделю моя скрипочка все исправила.

⁸ Ныне – г. Мартин в Словацкой Республике.

Работал я в школе с удовольствием. Было у нас достаточно чешских учебников, которые мы получали бесплатно от «Чехословацкого союза» в Новороссийске, учебников, изданных Государственным издательством в Праге. Учиться в школе на языке, на котором разговаривали дома, детям было в диковинку; до меня там долгое время работали только русские учителя.

И сейчас мысленно вижу я, как читаю им краеведческие статьи о родине их предков, слышу, как поют они наши песни и читают стихи, вспоминаю, как родители приглашали меня к себе домой, чтобы я рассказал им о Чехословакии. И хотя в школе мы изучали еще и русский язык, географию и историю Советского Союза, не отвлекаясь от советской действительности, все же у нас было много возможностей и времени, чтобы в мыслях своих вернуться в Чехословакию и хотя бы прикоснуться к ее культуре. Каждый день не менее четверти часа посвящались у нас физкультуре. Занимались с удовольствием – занятия всегда проходили перед школой – ибо было это для учеников внове. И не только для них. Помню, как-то раз приехал к нам в школу инспектор. Странная то была инспекция! Был он русским и ни слова не понял из того, что мы учим. Поэтому решил я хотя бы показать ему, как мы занимаемся физкультурой. Дети были бесподобны! А узнав, что занимаемся мы каждый день, инспектор был в восторге. Ведь тогда еще в советских школах не было уроков физкультуры.

Из Чехословакии мне регулярно приходили газеты, с собой я также привез книги. В воскресенье мы собирались в школе, вся деревня, я им читал по главам целые романы, а после обеда организовывали дискуссии и интересные беседы. Для них все было внове. Ведь они жили там уже с шестидесятих лет прошлого века, словно камень, упавший в воду, без какой-либо связи с родиной, сохраняя только ту свою культуру, в которой были воспитаны еще их деды на старой родине. Кроме нескольких старых календарей или молитвенников не было у них ничего, отпечатанного на родине. Все остальное узнавали только из воспоминаний своих родителей – а в устах детей рассказы эти уже были приукрашены фантазией и временем. Помню, спросил меня как-то дед Влчек, при-

ехавший на Кавказ двенадцатилетним ребенком, носят ли до сих пор пражские жандармы шляпы с петушиными хвостами. С трудом я смог ему объяснить, что такие шляпы были у австрийских жандармов. Так же тяжело было мне дать конкретное представление о Чехословакии и всем остальным жителям деревни. Они – как малюсенькая капля в бескрайнем русском море, без поддержки со стороны своей бывшей родины, без связи с ней. Сейчас советская власть уже выпускает для них чешские учебники, по мере возможности посылает в такие деревни учителей из нацменьшинств. Только художественных книг мало, а библиотек так и вовсе нет. Но, кажется мне, что это наша вина.

И хотя ясно, что эти люди уже никогда не вернуться к нам, я понял, что они стремятся соединиться с нами хотя бы душой и культурой. Они ведь одной крови с нами, и я бы очень хотел, чтобы их пожелания исполнились. Не так, как наши земляки из Павловки, к которым я случайно забрел, – я бы хотел, чтобы культурная связь с ними была организована как с нашей стороны, так возможно и со стороны наших американских земляков. Я им того желаю, как мы желаем всего самого лучшего всем нашим землякам на свете!

В юбилейный для нашей республики год атмосфера у нас далеко не радостная. Демократические права и свободы, которые наш народ завоевал на фронтах мировой войны, заплатив за них самую высокую цену, сейчас более чем когда-либо находятся под угрозой. Фашизм – доктрина, столь близкая каждому, кто в той или иной степени основывает свою мощь и материальное и духовное господство на насилии, как тайном, так и явном, – фашизм этот приготовил для нас особые обстоятельства.

Через 20 лет после окончания мировой войны, которая была торжественно объявлена последней в истории, через 20 лет после основания Лиги наций и подписания различных всеобщих пактов для достижения вечного мира мы опять сталкиваемся с надвигающейся угрозой новых, еще более страшных бедствий.

Мы хотели в эти дни подводить итоги своего двадцатилетнего труда, хотели назвать его активным, даже несмотря на то, что его ре-

зультаты не во всем соответствовали нашим ожиданиям. Мы хотели строить планы нашего дальнейшего развития, укрепления республики самым безопасным способом: путем расширения и углубления демократических прав и свобод – но путь нам преградила фашистская угроза.

Мы должны были праздновать – а будем воевать. Будем отстаивать ту свободу, которая у нас есть, и то хорошее, что было сделано. Стиснув зубы, будем стоять начеку, хорошо понимая, что за самые дорогие ценности человечеству всегда приходилось воевать. Но коль история научила нас, что есть разные степени свобод и прав, то в бою против фашизма, за свободу и демократию мы должны продвигаться вперед, исключая чье-либо насилие и господство и обеспечивая постоянное и плодотворное развитие труда и духа братских народов.

Стоя на исторических перекрестках, мы должны найти для себя иной путь, поскольку тот, по которому мы шли после мировой войны, оказался ошибочным.

Выступление 1938 г.

КАНИКУЛЫ СЛУШАТЕЛЯ ЖУРНАЛИСТКИХ КУРСОВ В МОСКВЕ

В конце декабря начались зимние каникулы. Каждый ГИЖовец⁹ получил бесплатный билет туда и обратно, куда хотел поехать – и не поверите, многие поехали в Благовещенск или даже во Владивосток. Кроме бесплатного билета, мы получили отпускные и деньги на питание за те дни, пока мы не будем пользоваться студенческой столовой. Я решил поехать на Кавказ. В институте остались только те, кому довелось бы потратить все каникулы на дорогу: якут не смог бы добраться с Транссиба до Якутска по Лене, сибирякам с низовьев Оби или Енисея это бы тоже вряд ли удалось.

Совсем по-другому было во время летних каникул, которые начались в первых числах мая. Каждый старался поскорее выехать из Москвы, потому что в Москве лето не лучше, чем в любом другом крупном городе Западной Европы. Ректорат института или сами студенты договаривались с редакциями журналов

по поводу летней практики. Каждый норовил выбрать себе местечко поприятнее, и следует признать, что желание свое почти каждый смог исполнить.

Меня в то время очень привлекал очаровательный Север, где как раз начинался полярный день с никогда не закатывающимся за горизонт солнцем, и я хотел поехать на практику в городок Мурманск, расположенный на северном побережье Кольского полуострова. Но преподаватель, ответственный за практику, сказал мне:

– Да, журнал там у них выходит, но гонорары они выплачивают селедкой. – И, усмехаясь, добавил: – Там вы вряд ли сможете прокормить себя, а то и авитаминоз заработаете.

Поэтому мы с другом поехали на юг, к Черному морю, в Новороссийск. Стали работать в редакции газеты «Красное Черноморье». Работалось нам весело – не приходилось с утра до ночи сидеть в редакции. Нет, мы бегали каждый день с шести утра до обеда, а то и дольше по городу, по разным конторам, фабрикам, цементным заводам, в порт, партийные и советские учреждения, а после обеда возвращались в редакцию, чтобы обработать собранный материал. Никогда не забуду, как начался мой первый рабочий день: в порт пришли шесть советских подводных лодок, и партийные и советские руководители, приветствовавшие их, взяли меня с собой как представителя прессы.

Наша месячная зарплата составляла 90 рублей. Это были хорошие деньги – если принять во внимание, что завтракал я за 15 копеек, обедал за 55 – 60 копеек и ужинал за 40 – 50 копеек. Но то не было жалованье «привилегированных». Товарищ Зеленка из Бановиц, вместе с которым я приехал в СССР в 1926 г. и который работал в Новороссийске столяром на стройке, в день за 7 часов получал 5 рублей. Он вместе с семьей провожал меня по окончании месячной практики на вокзал. Неожиданно оказалось, что передо мной лежит далекий путь: Новороссийск – Москва – Прага.

Отношения между студентами и преподавателями были исключительно товарищескими. Некий Н. Н. Никольский, преподаватель русского языка, был еще той, старой школы, но его знания, методы преподавания и дружелюбное отношение к нам способство-

⁹ Слушатель курсов в ГИЖе (Государственном институте журналистики).

вали тому, что нам очень нравились его занятия. Естествознание преподавал у нас проф. Мештерхази, венгр по деду. Он был одним из ведущих естественников-марксистов, чье имя было известно далеко за пределами СССР. Ему всегда удавалось нас чем-то развеселить; и ручаюсь вам – если бы он объявился сейчас, одетый в гимнастерку из конопляной ткани и полосатые брюки, заправленные в широкие голенища сапог, на улицах Братиславы, все бы на него оглядывались. У него не было времени наряжаться, был весь в трудах, живой, как ртуть.

В начале года географию у нас преподавал профессор, много знавший, но мало дававший и много требовавший. Естественно, все студенты нашей группы были им недовольны. На собрании решили просить ректорат заменить преподавателя географии. Не было тут ничего личного – просто мы хотели учиться, а преподаватель был плохим. Вскоре нам дали нового. Этот, товарищ Шестернин, был уже из среды «красных профессоров» – то есть сам недавно закончил институт и к своим 25 годам стал отличным преподавателем. При нем география стала у нас любимым предметом, хотя любовь эта не мешала нам усиленно заниматься всеми остальными предметами учебного плана.

Мне приятно вспоминать всех своих ГИЖовских преподавателей. Вам ведь хорошо известно, что в жизни студента отношение к преподавателю играет важную роль. <...>

*Národný osvobození, príloha Slovenské hlasy,
roč. VIII., č. 200,
23. VII. 1931.*

СОВТРУДШКОЛА

В каждой глухой, спрятавшейся за высокими холмами и в каждой затерявшейся в широких русских степях деревеньке есть –

Советская трудовая школа.

Есть и в нашей маленькой деревеньке такая скромная, неприметная, а все же приветливая школа. Смотрит с вершины холма на еще более высокие вершины Кавказа, умытая свежим ветерком и благодатным южным солнцем. Солнце здесь везде, и слышно, как шумит море на расстоянии в три четверти часа ходьбы. В чешской деревеньке Павловке, или Красно-Чеховке, есть своя достойная, хоть

и маленькая, но симпатичная советская трудовая школа.

Двадцать семь дней шумит она, как маленькое море. И немудрено! Наступила последняя неделя перед *революционным праздником*, и от детей требуется вся их изобретательность и все их внимание. Учебное время неограниченно. Дети внимают рассказам об империалистической войне, о Керенском. О том, как вспыхнула революция в Петрограде. Смеются, слушая, как арестовывали министров Керенского... Неодобрительно гудят, узнав, как юнкера (студенты военных училищ в царской России) скрылись за зубчатыми каменными башнями Кремля в Москве, откуда расстреляли 45 товарищей-красногвардейцев, шедших по улице мимо Кремля. «*Вот, Ильич, дорогая голова!*» – восхищаются Лениным и оценивают его первое публичное выступление на Съезде Советов, где он предложил два знаменитых декрета: I. Предложить всем воюющим сторонам немедленно прекратить военные действия и заключить мир. II. Безотлагательно и бесплатно передать крестьянам помещичьи земли.

Они – дети чешских крестьян, а все же всей душой проживают историю русской революции, их глаза блестят, когда слышат о ее победах, и искоса смотрят на юнкеров и кадетов. Ведь им известно, кое-кто из них помнит, как и что вытворяли эти кадеты, а когда объявились *краснозеленые* (большевики, скрывавшиеся в лесах), как все мужчины из деревни ходили помогать выгнать кадетов из ближайшего города Анапы.

– Наш отец тоже шел!

– От нас пошли отец и старший брат!

– Дурачок, ведь все шли, не только ваши.

Все были с красными.

– Знали, что кадеты защищают господ – а красные были за нас! За Советов!

Уже давно закончились уроки. Но в классе шумно и оживленно. Суббота – а завтра 7 ноября, пойдем в Варваровку на митинг. Одни размахивали знаменем с надписью:

*Да здравствует советская
трудовая школа!*

другие готовили лозунг из красного полотна и приклеивали на него бумажные

буквы:

Мы, дети свободного народа – все с Октябрем!

Несколько ребят постарше работали над стенгазетой. Это такой настенный журнал, который издают при случае в каждой школе. Краски, чернила, кисти, палочки для письма, разговоры о том, чье оформление лучше, смех. Соблюдают редакторскую тайну. А ведь очень тяжело, учитывая детское любопытство, удержать в тайне, кто скрывается за смешными псевдонимами: *Балерина*, *Мышь* и т.д. Только один парень не скрывает свое имя. Он суров, малоречив, пишет кратко и лаконично. Он написал:

«Истерия западноевропейской буржуазии, нагнетаемая против СССР, вызвана единственно тем, что в нем полноправной жизнью живут рабочие и крестьяне.

Инженер».

– Это писал Станя¹⁰ Репш, это точно! – кричали вокруг.

– А ну-ка, Репшик, скажи, ты этот *Инженер*? – с любопытством вопрошают девчата. Довели его – уже не может отрицать, – говорит:

– Как хотите! Да... Мне все равно... Инженер!

(Он с удовольствием говорит по-русски – остальные же дети разговаривают на чешском).

Вечером стенгазета готова. В центре пионер поднимает красное знамя, и песня призывает всех помогать строить «Республику труда», чтобы труд управлял всем миром и всех объединил в одну семью. *В бой*, гвардия юных рабочих и крестьян!

Подготовка закончилась, но дети все не расходились.

В классе оживление и шум. Еще вчера дети соорудили сцену. Собрали в кучу все парты, на них сложили доски, а сверху все укрыли большим пологом, как телегу с сеном. Красная материя прикреплена проволокой к потолочному перекрытию – это занавес. По краям – одеяла учителя. *Черт его знает*, чем будет укрываться ночью!

Вечером жители деревни пришли на торжественное собрание. Ждать недолго –

занавес убран, и начинается концерт.

Павловка – маленькая,

И я тоже мал.

Но все мы скажем дружно:

*Да здравствует
ИНТЕРНАЦИОНАЛ!*

Так лихо заканчивает свое выступление, первое в программе, ученица младших классов, стоя перед собравшимися, после чего все ученики хором над головами родителей поют прекрасный текст «Интернационала» на русском языке. Концерт продолжается: выходит ученица с кратким докладом, обращается к одноклассникам и выступает, выступает дерзко и выразительно. Заканчивает так:

– Товарищ Ленин говорил, что революцию делать легко, но удержать сложно. Поэтому мы будем усердно трудиться и учиться, чтобы стать надежной опорой для русской революции!

Да здравствует СССР и Коминтерн!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Да здравствует юная гвардия верных ленинцев!

Концерт продолжают революционные песни – русские и чешские, дети читают стихи – по одному и хором, а затем показывают импровизированную революционную сценку из жизни деревни. Наконец – «Сказка о богатой земле бедных людей».

Нигде, кроме как в советской школе, пусть даже в самой маленькой деревне, не увидите вы такой смелости и уверенности в себе. Такое воспитание необходимо для строителя новой жизни!

* * *

В сельской советской школе есть отличный учебник под названием «Новая деревня». В нем показана вся жизнь, как она есть. Писали его писатели, учителя, крестьяне, рабочие. Все четко и ясно. Написано приятно, как милая улыбка. Но также и веско и дорого, как золото.

Есть у наших учеников и чешские учебники «Ráno» («Утро»). Но не хватает слов, чтобы сравнить «Ráno» с «Новой деревней»! Молодежь, которую воспитывают в совет-

¹⁰ Уменьшительное от *Станислав*.

ской школе советские книги, – как сладкий орех, неподвластный испорченным зубам западноевропейской буржуазии!

10 декабря 1926 г., № 280.

Газета Pravda («Правда»), Словакия,

Использованная литература:

1. Снегур Я. Тост Хрущева в Ахтанизовской // Тамань. 2012. 29 сент. С. 12.
2. Jilemnický P. *Dunivý krok*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959.
3. Jilemnický P. *Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
4. Jilemnický P. *Češi na Kavkaze // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
5. Jilemnický P. *Kompas v nás*. Praha: Družstevní práce, 1937.
6. Jilemnický P. *Slovenský učitel v cizině // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
7. Jilemnický P. *Ve vlaku Moskva – Alma-Ata // Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953. P. 155–160.
8. Jilemnický P. *Zuniaci krok*. Praha: L. Mazac, 1930.
9. Jilemnický P. *2 roky v kraji Sovietov*. Chicago: Slovenského ústredného kníhkupectva, 1929.
10. Peciar Š. *Ako vydávame spisy P. Jilemnického // Slovenská reč*. Ročník XVI. č. 6. 1950. P. 182–188.
11. Truhlář B. *Kroky, které duní // Jilemnický P. Dunivý krok*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. P. 12.
12. Truhlár B. *Peter Jilemnický*. Bratislava: Obzor – Tatrapress, 1971.

References:

1. Snegur, Ya., *Tost Khrushcheva v Akhtanizovskoi (Khrushchev's Toast in Akhtanizovskaya)*, *Taman*, September 29, 2012, P. 12.
2. Jilemnický, P., *Dunivý krok (A Sprightly Step)*, Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959.
3. Jilemnický, P., *Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII) (Two Years in the Country of the Soviets (Writings, VIII))*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
4. Jilemnický, P., *Češi na Kavkaze (Czechs in the Caucasus)*, in *Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
5. Jilemnický, P., *Kompas v nás (Compass in Us)*, Praha: Družstevní práce, 1937.
6. Jilemnický, P., *Slovenský učitel v cizině (A Slovak Teacher Abroad)*, in *Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
7. Jilemnický, P., *Ve vlaku Moskva – Alma-Ata (In a Moscow – Alma-Ata Train)*, in *Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953, pp. 155–160.
8. Jilemnický, P., *Zuniaci krok (A Sprightly Step)*, Praha: L. Mazac, 1930.
9. Jilemnický, P., *2 roky v kraji Sovietov (2 Years in Country of the Soviets)*, Chicago: Slovenského ústredného kníhkupectva, 1929.
10. Peciar, Š., *Ako vydávame spisy P. Jilemnického (How We Are to Publish the Writings by P. Jilemnický)*, in *Slovenská reč*, vol. 16, no. 6, 1950, pp. 182–188.
11. Truhlář, B., *Kroky, které duní (Steps That Rumble)*, in *Jilemnický P. Dunivý krok*, Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959, P. 12.
12. Truhlár, B., *Peter Jilemnický (Peter Jilemnický)*, Bratislava: Obzor – Tatrapress, 1971.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Пукиш, В. С. Чехи Северного Кавказа в публицистике словацкого писателя Петра Йилемницкого [Электронный ресурс] / В. С. Пукиш // *Наследие веков*. – 2015. – № 4. – С. 129–143. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pukish.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Pukish, V. S., *Chekhi Severnogo Kavkaza v publitsistike slovatskogo pisatelya Petra Yilemnitskogo (North Caucasus Czechs in Political Essays by Slovak Writer Peter Jilemnický)*, *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 129–143. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pukish.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

НАУМЕНКО Владимир Емельянович
кандидат исторических наук, профессор,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия
Vladimir E. NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof.,
Head, Department for Complex Problems
of Cultural Research, Southern Branch
of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
naumenko@rambler.ru

«Связи с Кубанью не прекращаю ...»

Рец. на книгу:

Василий Николаевич Орёл. Биобиблиографический указатель [Текст] / сост. Л. Г. Орёл, науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар: Традиция, 2015. 142 с. ISBN 978-5-91883-222-6. Тир. 200 экз.

В рецензии дается критический обзор наиболее полного на сегодняшний день биобиблиографического указателя, посвященного жизни и творчеству зачинателя кубанского литературного краеведения В. Н. Орла. Автор вслед за создателями и издателями нового справочного пособия пытается определить место и роль исследователя в возрождении южно-российской краеведческой науки конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Ключевые слова: Василий Николаевич Орел, краеведение, Кубань, Украина, биобиблиографический указатель, региональная культура.

“I Do Not Interrupt the Communication with Kuban...”

Review of the book:

Vasiliy Nikolaevich Orel. Biobibliograficheskiy ukazatel', (Vasily N. Orel. Biobibliographic Index), Orel, L. G. , Comp., Chumachenko, V. K., Ed., Krasnodar: Traditsiya, 2015, 142 p., ISBN 978-5-91883-222-6, Print run 200 copies.

The review provides a critical overview of the most complete to date bio-bibliographic index dedicated to the life and work of Vasily N. Orel, who was the founder of the Kuban literary local history. After the creators and publishers of the new handbook the author of the review tries to determine the place and role of the researcher in the revival of the South-Russian regional studies of the late 1950s - early 1960s.

Keywords: Vasiliy Orel, local history, Kuban, Ukraine, Bibliographic index, regional culture.

Книжная полка кубанского краеведения пополнилась новым ценным изданием: «Василий Николаевич Орел: Биобиблиографический указатель» [1]. Эта работа увидела свет благодаря усилиям вдовы краеведа Ларисы Гавриловны, научное редактирование взял на себя известный литературовед профессор Виктор Кириллович Чумаченко. Жизнь и деятельность В. Н. Орла всегда вызывали интерес у ученых, однако рядовому читателю, интересующемуся кубановедением, его имя по-прежнему известно мало.

Между тем судьба и творческий путь Василия Николаевича весьма поучительны. Потомственный казак, уроженец станицы Васюринской оставил глубокий и неизгладимый след в кубанском регионоведении. Вторая половина XX в. изобиловала как примерами жестких гонений на отечественное краеведение, так и попытками его возрождения под влиянием робких шагов на пути демократизации нашего общества. На долю кубанского краеведа выпали все трудности и невзгоды того непростого времени. Гонимый чиновничьим произволом, В. Н. Орел вынужден был в самом расцвете творческих сил покинуть родную Кубань, переехать и окончательно обосноваться на Украине, но связи со своей ма-

лой Родиной не порывал никогда. В этот непростой период жизни он по-прежнему все силы отдавал возрождению кубанского краеведения, проявлял душевную заботу об открытии в Краснодаре Литературного музея Кубани.

Соприкасаясь с творчеством В. Н. Орла, невольно вспоминаешь запомнившийся еще со школьных лет образ русского провинциального интеллигента, до боли знакомый по произведениям А. П. Чехова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и других классиков русской литературы. Наверное, к ним, провинциальным интеллигентам всех времен, относятся слова автора «Вишневого сада» о непрерывном самосовершенствовании, неуспокоенности в поисках истины, возвышении над окружающими тебя обстоятельствами. Как справедливо отмечает автор биографического очерка о краеведе В. К. Чумаченко, «В. Н. Орел относится к поколению шестидесятников, и это многое объясняет в его насыщенной событиями трагической судьбе. «Хрущевская оттепель» лишь приоткрыла для них окно в мир свободного творчества, позволила вдохнуть его воздух, но не дала раскрыться во всей полноте талантов и творческих возможностей. В итоге из печати зачастую выходили случайные, проходные публикации, хотя в письменном столе осталось недописанным и потому неопубликованным, быть может, самое главное. И всё же то, что было сделано в те годы, позволяет нам говорить о поколении шестидесятников как о самоотверженных художниках, творцах своего времени. И, как нам представляется, целями данного биобиблиографического указателя стали как можно полное представление публикаций исследователя, показ разнообразия их проблематики, широты интересов автора, рассмотрение возможных мотивов и источников проявленной им самоотверженности в деле служения избранному делу.

Надо отметить, что в целом издания биобиблиографического жанра достаточно редко выходят в свет. Тем более отрадно, что изданный труд является не просто продолжением работы по написанию биобиблиографических очерков о деятелях

региональной культуры, начатой еще до революции выдающимся отечественным книговедом Б. М. Городецким и продолженной, пусть и в виде робкой попытки, учеными Армавирской государственной педагогической академии уже в наши дни, но открывает, как заявлено во вступительном слове директора Южного филиала Института Наследия профессора И. И. Горловой, принципиально новую серию справочников, посвященную жизни и творчеству выдающихся представителей кубанской культуры. Их главной особенностью станет стремление к исчерпывающей полноте, скрупулезности в проверке фактов, введение в оборот новых архивных документов, в том числе из частных архивов.

При создании библиографического словаря, формировании его структуры использовались наработки, апробированные и принятые в рамках данного жанра. Материал расположен в хронологическом порядке по году первой публикации, в пределах одного года – по дате публикации. Работа состоит из семи частей и двух приложений.

Во вступлении к книге «О новой библиографической серии», написанным профессором И. И. Горловой, утверждается мысль о том, что «региональному читателю, современному исследователю, нашим библиотекарям нужны добротные, сверенные с оригинальными изданиями справочники. Пора поднять наше библиографическое творчество на новую высоту».

Предисловие «Василий Николаевич Орел (1928–1987)», вышедшее из-под пера профессора В. К. Чумаченко, представляет собой краткий, но весьма емкий по содержанию и точности расставленных акцентов и высказанных оценок биографический очерк, в котором нашел отражение тернистый жизненный и творческий путь исследователя.

Первый раздел собственно справочника назван «Публикации В. Н. Орла». Знакомство с ним убеждает, что значительным достижениям кубанца в его научно-исследовательской работе по истории и литературе родного края способствовал приобретенный им весьма разнообразный опыт организаторской, журналистской и педагогической деятельности. Он постоянно находился в

поиске, работал в архивах, библиотеках, участвовал в научных конференциях, руководил походами своих юных подопечных по неизведанным туристическим тропам родного Приуралья.

Наиболее плодотворными для Василия Николаевича стали 1960–1980-е гг., когда проявился его многосторонний талант краеведа-исследователя. В. Н. Орел активно и углубленно постигает проблемы литературы, истории родного края, погружается ту в социокультурную обстановку, которая способствовала развитию межэтнического, межконфессионального, межкультурного диалога в стране и регионе. Но самой существенной чертой его краеведческой деятельности в эти годы стало стремление краеведа творчески применять методы краеведческой работы, их принципиальные положения и идеи в качестве методологической основы своих научных и популярных трудов. Этот сложный и отнюдь не прямолинейный процесс получил известное отражение в его трудах, которые были опубликованы в 183 периодических изданиях. В творческом багаже исследователя работы разных жанров – очерки, статьи, заметки, репортажи, зарисовки, рецензии – всего в указателе учтено 968 его публикаций. На основе многолетних исследований и обобщения личного опыта были написаны работы, посвященные творчеству Т. Г. Шевченко, К. Хетагурова, Я. Г. Кухаренко, В. С. Мовы (Лиманского), Ф. И. Капельгородского, А. А. Кирий, В. А. Потапенко, В. П. Дамаева, М. Заньковецкой и других деятелей российской культуры. Наиболее характерными особенностями этих работ стало отображение многовекторных и многообразных связей народов Кавказа и Украины.

Не все написанное В. Н. Орел успел опубликовать при жизни. Выходом в свет его трудов мы обязаны его вдове Л. Г. Орел и профессору В. К. Чумаченко. Так, этими редакторами кубанской культуры были выпущены объемные книги «Атаман Кухаренко и его друзья» и «В поисках истины», статьи «О судьбе писем Т. Г. Шевченко к Я. Г. Кухаренко», «По кухаренковским местам на Кубани», опубликована с добротными комментариями переписка выдающегося краеведа.

Знакомство с творчеством В. Н. Орла неизбежно приводит нас к пониманию самого смысла краеведения как сферы научной, культурно-просветительной и памятникоохранительной деятельности, целенаправленной и осмысленной работы на благо всего общества. Его творчество – плод непростых размышлений автора, сомнений, переживаний, споров, самокритичной оценки своей деятельности. Настойчивость в осуществлении своих замыслов, даже некоторый фанатизм – ключ к пониманию непреходящего значения его публикаций для неравнодушных современников и нынешнего поколения кубанцев. Его жизнь и методы его работы могут сегодня служить своего рода учебным пособием для начинающих краеведов.

Своими исследованиями по истории и литературе Василий Николаевич внес существенный вклад в разработку сложных проблем региональной культуры. Ряд важных и крупных исторических проблем, изучение которых продолжается и в настоящее время, нашел свое отражение в его . К их числу относятся: взаимосвязь и взаимовлияние украинской и северокавказских литератур, выявление самобытности и оригинальности культур народов Юга России, историко-культурный анализ архивных документов прошлого в плане раскрытия их значения для более полного познания нашей истории. Лейтмотивом всего его творчества стал анализ «диалога культур». Этот методологический принцип составляет важнейшую черту всего творчества краеведа. Ярким примером служит изучение взаимодействия осетинской и украинской культур на примере творчества осетинского поэта-просветителя К. Хетагурова, влияние украинского поэта Т. Г. Шевченко на культурную жизнь Северного Кавказа и многое другое. Без такого рода знаний представление о прошлом нашего края было бы намного беднее.

Исследования В. Н. Орла всегда отличала тесная связь истории как с общей теорией данной отрасли знания, так с актуальными проблемами современности. Многие его труды способствуют бережному сохранению и активному использованию всего ценного,

что накопило кубанское краеведение. Социальная активность, стремление всегда быть в самой гуще научного процесса, участие в культурно-просветительной работе, пропаганде краеведческих знаний – все это отличало В. Н. Орла как активного участника краеведческого движения второй половины XX в. Опубликованный биобиблиографический указатель его трудов представляет нам творческое наследие краеведа, которое заслуживает всестороннего изучения, отбора всего того, что может быть принято на вооружение для решения новых сложных задач, поставленных сегодня перед российским краеведением.

Представленный на суд читателя указатель показывает, что самоотверженный труд в науке, преданность ей, неустанное совершенствование ранее созданного и неутомимое стремление к новым научным поискам и нестандартным решениям – характерная черта личности Василия Николаевича Орла, которая может и должна стать эффективным средством воспитания молодой научной смены российских краеведов.

Следует отметить также, что большой информативной ценностью обладают и такие разделы книги, как «Литература о В. Н. Орле», «Библиография библиографии», «Именной указатель», «Географический указатель периодических изданий, а также два приложения: «Автографы на книгах, подаренных В. Н. Орлу писателями, учеными и краеведами» и «Из воспоминаний и высказываний о Василии Николаевиче Орле его современников».

Новая книга интересна и важна прежде всего для молодежи. Ведь историческое просвещение граждан, возрождение и развитие массового краеведческого движения в молодежной среде и в обществе в целом являются важнейшими задачами государственной культурной политики новой России. Знакомство с творчеством В. Н. Орла убеждает в том, что краеведение это, прежде всего, – краелюбие. Через такую литературу мы приобщаемся к наследию поколений россиян, верой и правдой служивших своему Отечеству, мы определяем представление о месте своей малой родины на Кавказе и в России в целом.

Использованная литература:

1. Василий Николаевич Орёл. Биобиблиографический указатель / сост. Л. Г. Орёл, науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар: Традиция, 2015.

References:

1. *Vasiliy Nikolaevich Orel. Biobibliograficheskiy ukazatel'* (Vasiliy Nikolaevich Orel. Bio-bibliographic Index), Orel, L. G. , Comp., Chumachenko, V. K. , Ed., Krasnodar: Traditsiya, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Науменко, В. Е. «Связи с Кубанью не прекращаю ...» [Электронный ресурс] / В. Е. Науменко // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 144-148. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/upload/2015/12/2015_4_Naumenko_rew.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Василий Николаевич Орёл. Биобиблиографический указатель [Текст] / сост. Л. Г. Орёл, науч. ред. В. К. Чумаченко. – Краснодар: Традиция, 2015. – 142 с.

Full bibliographic reference to the article:

Naumenko, V. E., «Svyazi s Kuban'yu ne prekrashchayu ...» ("I Do Not Interrupt the Communication with Kuban..."), Review of the book: Vasiliy Nikolaevich Orel. Biobibliograficheskiy ukazatel' (Vasiliy Nikolaevich Orel. Bio-bibliographic Index), Orel, L. G., Comp., Chumachenko, V. K., Ed., Krasnodar: Traditsiya, 2015, *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 144-148. http://heritage-magazine.com/wp-content/upload/2015/12/2015_4_Naumenko_rew.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович

кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Timofey V. KOVALENKO

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern
Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia

timofey.kovalenko@gmail.com

Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия»

Статья содержит основную информацию о международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», проведенном Южным филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева 3–5 апреля 2015 г. Представлен обзор проблематики выступлений и основных докладов участников форума.

Ключевые слова: научная жизнь, международный форум, культурное наследие, Северный Кавказ, межнациональные отношения, обзор докладов и выступлений.

International Scientific Forum «Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for International Consent»

This article contains basic information about the international scientific forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a resource for international consent” held the South Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage 3–5 April 2015. An overview of issues and the main performances reports of the participants of the forum.

Keywords: academic life, international forum, cultural heritage, the North Caucasus, ethnic relations, review of reports and presentations.

Этнокультурный, региональный, религиозный и в целом гражданский факторы для многонациональной и поликонфессиональной России являются важнейшими составляющими национальной безопасности в

современных условиях. Данный тезис, не нуждающийся в доказательствах, был положен в основу разработки концепции [2] первой на Юге России академической структуры гуманитарного профиля – Южного филиала Россий-

ского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева¹.

Реализуя эту программу, Южный филиал в течение ряда лет выступал основным организатором научно-практических мероприятий, посвященных обсуждению основных вопросов межнационального взаимодействия, установлению гармоничных межкультурных и межконфессиональных отношений на Юге России, основной целью которых было формирование научно-методического обеспечения государственной культурной и этнокультурной политики, политики в области охраны и использования культурного наследия.

Перечень таких мероприятий открыла всероссийская научная конференция «Культура народов Юга России: политика, институты, практики», ставшая частью программы презентации Южного филиала в 2012 г. Впоследствии были организованы всероссийская научная конференция с международным участием «Культурно-познавательный туризм Юга России как ресурс укрепления российской государственности» (2013), всероссийская научная конференция с международным участием «Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства» (2013), всероссийская научная конференция «Кавказская война: символы, образы, стереотипы» (2014).

Последняя конференция вызвала значительный резонанс в региональном научном сообществе. Она была организована в ознаменование 150-летнего окончания Кавказской войны (1817–1864) – самой продолжительной и дискуссионной в истории России. «Волны памяти» порожденные этими противоречивыми событиями до сих пор косвенно оказывают воздействие на формирование гармоничного поля межнационального и межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе сегодня, что порой негативно отражается на социокультурной ситуации в регионе. Результаты проведения конференции во многом способствовали формированию качественно

1 Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева был основан в 2012 г. как филиал Российского института культурологии, а результате реорганизации научно-исследовательских учреждений Министерства культуры Российской Федерации в 2014 г. филиал получил современное наименование.

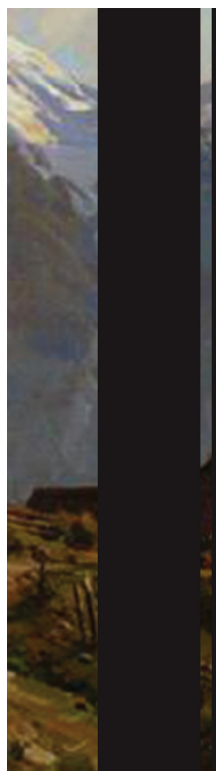
иной историографической ситуации в социально-политическом и историко-культурном научном дискурсе. Присутствующие на конференции ученые – представили ведущих научных школ Юга России в итоговом документе отметили необходимость считать оконченной «Кавказскую войну историографий», в изучении драматических страниц формирования единого этнокультурного пространства страны уделять внимание сюжетам, сближавшим народы на протяжении столетий, изучать причины и предпосылки складывания негативных стереотипов и предрассудков, формировать позитивные образы этносов и культур региона.

Опубликованные материалы конференции востребованы научным сообществом [1]. Участники конференции высоко оценили усилия Южного филиала по подготовке и проведению такого сложного мероприятия, ряд их отзывов опубликован в региональной печати.

Опыт, полученный при проведении конференций, позволил коллективу филиала перейти на качественно иной организационный уровень и в 2014 г. по инициативе Министерства культуры Российской Федерации и дирекции Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева был организован и проведен Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия».

Форум состоялся 3–5 апреля 2015 г. в с. Кабардинка Краснодарского края на базе санатория «Жемчужина моря». В работе форума приняли участие 110 человек – представители научно-образовательных учреждений, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций субъектов Южного и Север-Кавказского федеральных округов, а так же Республики Абхазия. Почетными гостями форума были заместитель начальника Управления внутренней политики Администрации Президента Российской Федерации М. В. Белоусов и директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева А. С. Миронов.

Открывая работу форума открыла директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурно-

**КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ**

го и природного наследия имени Д. С. Лихачева И. И. Горлова, отметила необходимость налаживания конструктивного диалога культур на многонациональном Северном Кавказе и обозначила основные проблемы и перспективы использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона. Она подчеркнула, что реалии современности делают актуальным вопрос создания единого центра этнокультурных исследований, способного осуществляющего информационно-аналитическую, научно-методическую и экспертную деятельность.

Заместитель начальника Управления внутренней политики Администрации Президента Российской Федерации М. В. Белоусов подчеркнул актуальность работы по изучению и популяризации памятников духовной и материальной культуры народов России, особенно среди молодежи. Он отметил, что Северный Кавказ является неотъемлемой частью уникального поликультурного и многоконфессионального ландшафта нашей страны, при этом народы региона сочетают в себе стремление к традиционности и модернизации, диалогу и открытости внешнему миру.

В приветственном выступлении директора Института Наследия А. С. Миронова прозвучал тезис о том, что изучение наследия

актуально не просто в аспекте межэтнического согласия как такового, – согласие важно именно как результат духовного союза и братской дружбы на основе исторических корней, общей памяти, судьбы и ценностей. Он предложил сделать форум ежегодной площадкой диалога представителей науки и практики в сфере изучения культурного наследия и межнационального взаимодействия.

От имени делегации Республики Абхазия выступил директор Национальной библиотеки имени А. Г. Папаскир Б. Ш. Чолярия, поблагодаривший Южный филиал Института Наследия за работу по установлению эффективных межкультурных взаимодействий и связей и призвавший к интенсивному информационному обмену между научным сообществом Северного и Южного Кавказа.

В адрес форума были направлены телеграммы и приветственные адреса от статс-секретаря – заместителя министра культуры Российской Федерации Г. П. Ивлиева, советника Президента Республики Абхазия В. К. Зантара, Главы Республики Адыгея А. К. Тхакушинова, Главы Республики Ингушетии Ю. Б. Евкурова, Председателя Парламента Кабардино-Балкарской Республики Т. Б. Егоровой, Главы Республики Калмыкии А. М. Орлова, Председателя Правительства Республики Северная Осетия – Алания С. К. Такоева, Председателя Парламента Чеченской Республики Д. Б. Абдурахманова.

С приветственными словами к участникам форума обратились председатель комитета Законодательного собрания Краснодарского края Н. Г. Денисов, заместитель министра культуры Республики Адыгея А. Ш. Сообцокова, начальник Управления по государственной охране, сохранению, использованию и популяризации объектов историко-культурного наследия Министерства культуры Республики Дагестан Б. Х. Гаджиев, заведующий отделом этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Ахриева Б. М.-Г. Харсиев, ректор Северокавказского института искусств А. И. Рахаев, директор Института востоковедения и калмыцкой филологии Калмыцкого государственного университета Е. Э. Хабунова, заведующая центром чтения Национальной научной библиотеки Республики Осетия – Алания

Т. Н. Кравченко, Президент Академии наук Чеченской Республики Ш. А. Гапуров.

С пленарными докладами 3 и 4 апреля 2015 г. выступили Президент Академии наук Чеченской Республики Ш. А. Гапуров, начальник сектора кавказских исследований Российского института стратегических исследований А. В. Атаев, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета В. В. Черноус, директор Центра «Культурное природное наследие Северного Кавказа» Северо-Кавказского федерального университета А. А. Кудрявцев, директор Института востоковедения и калмыцкой филологии Калмыцкого государственного университета Е. Э. Хабунова.

4 апреля 2015 г. состоялись круглые столы «Историко-культурное наследие Северного Кавказа: проблемы сохранения и популяризации» и «Литературное наследие Северного Кавказа в контексте диалога культур», была проведена панельная дискуссия «Современное общество и культурное наследие Северного Кавказа: опыт актуализации и репрезентации», в ходе которых состоялось обсуждение широкого круга вопросов. Участники отметили, что тематика форума, посвященная культурному наследию Северного Кавказа как фундаментальной основы укрепления гражданского мира и формирования пространства межкультурного диалога, является актуальной и значимой. Изучение проблем полиэтничности, поликонфессиональности, этноконфессионального и этнокультурного диалога, укрепления российской гражданской идентичности, консолидации российского общества на основе сложившегося веками историко-культурного единства народов России, является фактором, способствующим гармонизации межнациональных, межконфессиональных и межкультурных отношений в регионе и стране в целом.

В официальных мероприятиях форума, с докладами и сообщениями приняли участие представители ведущих научных школ Российской Федерации, в том числе А. Р. Канторович (г. Москва), Н. Г. Ловпаче, Ф. К. Джигунова, С. Р. Агерджанова (Республика Адыгея), М. В. Варламова (Республика Баш-

кортостан), Х. Л. Ханмагомедов (Республика Дагестан), Б. М.-Г. Харсиев (Республика Ингушетия), Т. Н. Горяева (Республика Калмыкия), В. Х. Акаев, Л. М. Гарсаев, Ш. М.-Х. Арсалиев (Чеченская Республика), О. В. Матвеев, Л. Н. Рягузова, С. Н. Ктиторов (Краснодарский край), Т. Ю. Власкина, С. И. Лукьяшко, А. А. Горбенко (Ростовская область), Т. А. Невская, Е. Г. Даниленко (Ставропольский край), а также А. И. Джоуа (Республика Абхазия) и другие.

Для участников форума был организован ряд специальных событий в том числе дискуссия «Наследие адыгских народов в пространстве межкультурного диалога», экспертное обсуждение концепции нового энциклопедического издания «Культурное наследие Юга России», концерт ансамбля казачьей песни «Криница» (руководитель – заслуженный деятель искусств Российской Федерации В. А. Капаев).

В итоговой резолюции участники форума отметили, что Северный Кавказ является уникальным, системным исторически сложившимся этнокультурным пространством, в котором на протяжении столетий имели место как открытость различным цивилизационным влияниям, так и устойчивость местных традиций, сохранявших своеобразие в условиях интенсивного духовного взаимодействия. Научному сообществу необходимо активизировать поиск единых ценностных ориентиров и подходов к культурному наследию как основе культурно-исторического диалога народов России, следует усилить работу по изучению состояния этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессов на Северном Кавказе, особенно в части фундаментальных научных разработок. Работа с молодежью должна быть насыщена живыми инициативами, понятными молодым людям, и осуществляться силами общественных, студенческих, военно-патриотических и поисковых организаций.

По общему мнению участников форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» должен стать ежегодной международной и межрегиональной платформой диалога представителей науки, образования, учреждений социально-культурной сферы, туризма, органов исполнительной и законодательной власти,

общественных организаций и других институтов гражданского общества. Регулярное проведение данного мероприятия будет способствовать совершенствованию научно-методического обеспечения государственной политики в сфере культуры и межнациональ-

ного взаимодействия.

По итогам международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» издан сборник статей [3].

Использованная литература:

1. Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. В. Коваленко. Краснодар: Экоинвест, 2015.

2. Коваленко Т. В. О создании Южного филиала Российского института культурологии [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/119.html&j_id=9 (дата обращения 26.11.15).

3. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова. М.; Краснодар: Принт сервис групп, 2015.

References:

1. *Kavkazskaya vojna: simvoly, obrazy, stereotipy* (Caucasian War: Symbols, Images, Stereotypes), *Proc. National Scientific Conference*, Kovalenko, T. V., Ed., Krasnodar: Ekoinvest, 2015.

2. Kovalenko, T. V., O sozdanii Yuzhnogo filiala Rossiyskogo instituta kul'turologii (Establishment of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research), *Kul'turologicheskiy zhurnal*, 2012, no. 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/119.html&j_id=9 . Accessed November 26, 2015.

3. *Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya* (The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the International Consent), *Proc. International Scientific Forum*, Gorlova, I. I., Ed., Moscow, Krasnodar: Print servis grupp, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Коваленко, Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [Электронный ресурс] / Т. В. Коваленко // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 149-153. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kovalenko, T. V., Mezhdunarodnyy nauchnyy forum «Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya» (International Scientific Forum «Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for International Consent»), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 149-153. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf . Accessed Month DD, YYYY.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ” ЗА 2015 ГОД

LIST OF ARTICLES AND MATERIALS PUBLISHED IN THE JOURNAL «HERITAGE OF CENTURIES» DURING 2015

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ И ПРИВЕТСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Колонка главного редактора	№1-4
Приветствие директора Департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации	№ 1
Приветствие директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева	№ 1

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ

Г. В. Бакуменко, Т. В. Коваленко

Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы сохранения историко-культурного наследия	№ 1
---	-----

Т. Н. Белопольская

Современное студенчество о Великой Отечественной войне	№ 1
--	-----

Г. И. Бондаренко, Н. Е. Продиблох

Памятники Великой Отечественной войны в структуре ценностей современной молодежи	№ 1
--	-----

О. И. Бычкова

Советский плакат как хранитель памятных событий военных лет	№ 1
---	-----

А. А. Гуцалов

Бои за Оплепен и их значение в битве за Кавказ (1942-1943)	№ 1
--	-----

И. В. Киселев

Черноморский флот в Туапсинской оборонительной операции 1942 года.	№ 1
---	-----

И. А. Кравцов

Деятельность Сочинской опытной станции субтропических и южных плодовых культур в годы Великой Отечественной войны	№ 1
---	-----

В. Е. Науменко

«...Кто без боя отдаст свой дом и селение, тот не мужчина» (Великая Отечественная война в восприятии ингушского народа)	№ 1
---	-----

Л. Н. Рягузова «По стечению обстоятельств еще пока жив»: фронтовые письма В. А. Михельсона	№ 1
Я. И. Стрелецкий Защитим Великую Победу!	№ 1
И. Г. Тажидинова Весна 1945 года в письмах советских комбатантов	№ 1
Т. И. Трошина Оказание помощи военным инвалидам во время Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания (на материалах Архангельской области)	№ 1

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

О. И. Бычкова Сетевая литература: вопросы формы и стиля	№ 2
Ш. А. Гапуров, В. Х. Магомаев Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого	№ 2
Л. П. Голикова, М. В. Шаройко Смыслообразующие коды музыки в поэзии В. Ф. Ходасевича	№ 2
Ю. В. Лучинский Эго-документалистика Джулиана Готорна: специфика нарратива	№ 2
Л. Б. Мартыненко, С. С. Авдеев Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX — начала XX века	№ 2
Е. В. Сомова, Н. В. Свитенко Кавказ как топос русской литературы: типология литературных путешествий (по страницам отечественной поэзии и беллетристики XX-XXI веков)	№ 2
Т. С. Чумаченко Синкретизм как одно из явлений искусства первой трети XX века	№ 2

МУЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т. Ю. Власкина Идеологические аспекты деятельности современного российского музея в полиэтничном макрорегионе: от постановки задач к опыту воплощения	№ 3
Л. И. Скрипкина Эволюция коммуникации научного и музейного сообществ (на примере деятельности Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации)	№ 3
В. А. Шнирельман Еврейские музеи: культурный императив и вызовы современности	№ 3

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ

Г. И. Бондаренко Межконфессиональный диалог: религия как фактор социальной стабильности	№ 4
И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия	№ 4
В. Е. Науменко Региональные программы сохранения историко-культурного наследия Юга России: учет особенностей	№ 4

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

В. В. Бондарь

Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины – памятник архитектуры византийского стиля № 3

В. В. Бондарь, О. Н. Маркова

К истории пребывания С. Я. Маршака в Екатеринодаре и Краснодаре: дом на Гоголевской улице № 1

И. И. Ващенко

Дом инженера Шарданова № 3

А. А. Горбенко, В. М. Косяненко

История исследования и новые античные открытия на территории города Азова № 3

А. В. Крюков

Памятники истории и культуры старообрядчества на Юге России № 1

А. П. Лопатин, Н. А. Лопатина

Экспонат двух музеев: горельеф, переживший войну № 3

CAUCASICA

П. Х. Акиева

Пространственно-временной хронотоп в нартском эпосе ингушей № 2

С. Х. Анчек

Адыгский эпос «Нарты»:
к характеристике семитомного свода текстов героического эпоса № 4

Т. Ч. Джабаева

Северный Кавказ в литературе и искусстве России второй половине XIX века № 4

С. В. Исаченко

Страницы истории неподцензурной литературы советской Кубани № 2

Л. Ц. Кагермазова, И. В. Абакумова

Этническая толерантность как основа взаимодействия культур № 4

Е. М. Марченко

Культура материнства и её трансформация в условиях глобализации № 4

В. Е. Науменко

«Самое человеческое — это взаимная дружба...»
(Страницы жизни и творчества И. М. Базоркина) № 2

Д. С. Схаляхо

О некоторых аспектах адыгского представления
темы мужества и бесчестия в поэме М. Ю. Лермонтова «Беглец» № 4

Г. П. Тугуз

Отражение темы мужества
в адыгском эпосе «Нарты» (цикл Шабатыныко) № 4

Л. Ф. Хараева

Гендерная реконструкция образа Бэлы в женской литературе Северного Кавказа № 2

Р. А. Шетова

О специфике жанра исторического романа в кабардинской литературе
(Х. Теунов «Род Шогемоковых») № 2

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

О. А. Балла

Энциклопедичность виноделия № 2

Л. В. Бурыкина Кореновский район Краснодарского края: фольклорно-этнографическое измерение	№ 1
И. Ю. Васильев Литературное наследие адыгов в русском переводе	№ 1
А. А. Гуцалов Фотонаследие Великой Победы	№ 1
З. А. Кучукова, Б. И. Тетуев Памяти выдающегося культуролога.....	№ 2
В. Е. Науменко «Связи с Кубанью не прекращаю ...»	№ 4
В. К. Чумаченко Страницы музейной истории	№ 3
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ	
И. И. Горлова, А. Н. Еремеева Британцы и народы Юга России	№ 1
Т. В. Коваленко Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия»	№ 4
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР	
М. М. Биданок Жанровые возможности адыгской басни при передаче социального окраса действительности	№ 4
З. А. Ветошкина Лирическая основа прозаического цикла «Рассказы из народного русского быта» Марко Вовчка	№ 2
Н. Т. Гишев Национально-специфические термины вежливости в адыгских языках	№ 4
О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова Поиски точек соприкосновения языков и культур при обучении русскому языку как иностранному	№ 4
В. Ю. Новикова Литературная полемика вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта»	№ 2
А. И. Темирболатова Малочисленные языки Северного Кавказа и перспективы их развития в период глобализации	№ 4
Е. Ю. Третьякова Этнографический реализм: к проблеме творческого метода (на примере произведений Марко Вовчок)	№ 2
КНИЖНОЕ ДЕЛО ЮГА РОССИИ	
А. И. Слуцкий Биография одной коллекции (Материалы к истории кубанского экслибриса)	№ 2

НАШЕ НАСЛЕДИЕ: МУЗЕИ ЮГА РОССИИ

Е. Г. Гончарова

Курганинский исторический музей:
этапы формирования коллекции и современная деятельность № 3

А. В. Карякин

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник как научно-исследовательское учреждение № 3

Ю. Б. Кисленко

Использование музейно-педагогических программ в историко-патриотическом воспитании
подростающего поколения: опыт Лабинского музея № 3

В. Е. Науменко

Социокультурные аспекты истории Первой мировой войны в юбилейных музейных
экспозициях № 3

Э. Р. Устаева

Памятники раннего христианства в собрании Таманского музейного комплекса № 3

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Ж. М. Аппаева

История создания краеведческого музея в Нальчике № 3

М. Е. Колесникова

Создание и деятельность Музея Северного Кавказа (1905–1927 годы) № 3

В. А. Саркисов

Краснодарский художественный музей. Эпоха в лицах № 3

М. Р. Стругова

Из истории Краснодарского историко-краеведческого музея (1950-е годы) № 3

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

О. Н. Баниже

Взаимодействие души и тела как основная проблема философской антропологии № 4

А. А. Гуцалов

Цыгане: традиционная культура и современный мир № 4

О. Е. Давыдова

Концепция культурного многообразия Г. Д. Гачева № 4

Р. И. Пшеничникова

Проблемы межкультурного взаимодействия в контексте глобализации № 4

Д. М. Тайсаев

Синдром привычной смерти № 4

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ

В. С. Пукиш

Чехи Северного Кавказа в публицистике словацкого писателя Петра Йилемницкого № 4

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

К юбилею Великой Победы № 1

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ № 4 2015

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: ЭЛ № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А.В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков.

Редактура аннотаций на английском языке:

А. В. Крюков.

Дизайн обложки:

А. В. Крюков

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Номер сверстан: 15. 12. 2015

Размещен в сети Интернет: 21. 12. 2015

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: 17,903

Уч.-изд. л.: 13,05

Размер файла pdf: 8,651 Mb

При создании обложки журнала были использованы следующие произведения:

1. Монумент Дружбы на одноименной площади сооружен в 1968 в память о 400-летию союза Адыгеи с Россией.
- Пользователь qip.ru vorzopov [Vladislav Vorzopov] - File: http://photo.qip.ru/users/vorzopov/200644385/208911598/full_image/
2. «Памятник-стела «Дружба народов Карачаево-Черкесии» Построен в честь 400-летия присоединения республики к России, открыт в 1979 году» - Пользователь Instagram cherkessk - File: https://www.instagram.com/p/vHg_Y9QNBd/?taken-by=cherkessk
3. «Памятник Марии Темрюковне в Нальчике» - Фото сайта «inalchik.ru». File: <http://inalchik.ru/wp-content/uploads/2015/06/Ramyatnik-Marii-v-Nalchike-7.jpg>
4. «Памятник Н. Гикало, А. Шерипову, Г. Ахриеву» участника Станислав Гайдук (Петрозаводск) at Russian Wikipedia [CC0], via Wikimedia Commons. File: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/ca/Gikalo1.jpg>
5. «Монумент Дружбы» участника Livejournal petrovski. File: <http://wikimapia.org/24817386/ru/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%94%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B1%D1%8B#/photo/2856895>

При оформлении журнала использованы изображения фрагментов фресковой росписи Зала Кьяроскури (Sala dei Chiaroscuro) Дворца Иннокентия VII (Музеи Ватикана) под лицензией Общественное достояние.

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»